

методика интегрального воспитания

ПОДРОСТКИ ХОТЯТ ПЕРЕМЕН

МЕТОДИКА ИНТЕГРАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

ПОДРОСТКИ
ХОТЯТ ПЕРЕМЕН

ARI

УДК 159.9
ББК 88

Серия «Методика интегрального воспитания»

Беседы с Михаэлем Лайтманом

Подростки хотят перемен. – М.: НФ «Институт перспективных исследований», 2012. – 320 с.

Podrosterki hotyat peremen. – M: NF «IPI», 2012 – 320 pages.

ISBN 978-5-91072-043-9

Вы уже столкнулись с трудностями воспитания подростков? Новая книга бесед с Михаэлем Лайтманом посвящена решению этой сложнейшей проблемы, волнующей и каждого родителя, и каждого учителя средних и старших классов. Если Вы думаете, что проблема гармоничного воспитания подростков в современных условиях практически неразрешима, то будете недалеко от истины. Но! Удивительные научные выводы и практические результаты, демонстрирующие уникальный подход к воспитанию молодежи, заставят вас изменить свое мнение.

Что нового можно сказать по теме воспитания, исследованной тысячами выдающихся педагогов? Авторы рассматривают свою работу с подростками 12-18 лет как практическую реализацию методики интегрального воспитания – методики, необходимой всему человечеству в современную эпоху глобальных кризисов и перемен. Обсуждаемые приемы – шаг к построению общества будущего, основанного на взаимодействии всех его членов как единого целого. Общества, в котором нет места порокам и несчастью. Вы верите, что такое действительно возможно? Тогда эта книга для Вас. Эта книга для каждого, кто стремится к гармонии и совершенству.

ISBN 978-5-91072-043-9

ARI © ARI Publishers, 2012
© НФ «Институт перспективных исследований», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИНЦИПЫ ПОДРОСТКОВОЙ ГРУППЫ	5
ПРОБЛЕМЫ ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ	21
РАБОТА С КОНФЛИКТАМИ В ГРУППЕ	39
РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ И ЕДИНСТВО В ГРУППЕ	57
ВОСПИТАТЕЛЬ ПОДРОСТКОВОЙ ГРУППЫ	71
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОСПИТАТЕЛЯ С ПОДРОСТКАМИ	85
ЗАДАЧИ И РОЛЬ ВОСПИТАТЕЛЯ В ГРУППЕ.....	105
ОБСУЖДЕНИЯ И САМОАНАЛИЗ В ГРУППЕ	123
ВИДЫ ОБСУЖДЕНИЙ	147
МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОБСУЖДЕНИЙ.....	161
РАБОТА С ГРУППАМИ ДЕТЕЙ РАЗНОГО ВОЗРАСТА	177
ПРИМЕРЫ ЭКСКУРСИЙ	191
ПОХОДЫ И ЛЕТНИЕ ЛАГЕРЯ	209
РАЗЛИЧИЯ В ВОСПИТАНИИ ДЕВОЧЕК И МАЛЬЧИКОВ	223
ВОСПИТАНИЕ ДЕВОЧЕК В ГРУППЕ.....	239
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ В ГРУППЕ ДЕВОЧЕК.....	253
ПОМОЧЬ ДЕВОЧКАМ ПОНЯТЬ СЕБЯ.....	269
РОЛЕВЫЕ ИГРЫ В ГРУППЕ ДЕВОЧЕК И ВОПРОС САМОРЕАЛИЗАЦИИ	285
ИНСТРУКТОРЫ И РОДИТЕЛИ	303

Книга состоит из бесед профессора Михаэля Лайтмана с писателем Ильей Винокуром и психологами Ириной Якович и Анатолием Ульяновым.

Михаэль Лайтман – профессор онтологии и теории познания (философия Ph.D, биокибернетика MSc), основатель и президент Ari Research Institute (ARI) – некоммерческой организации, цель которой – реализация инновационных идей в образовательной политике для разрешения системных проблем современного образования и воспитания. Автор более 40 книг переведенных на 17 языков.

Анатолий Ульянов – сертифицированный гештальт-терапевт Европейской Ассоциации Гештальт Терапевтов (EAГТ), преподаватель психологии в Высшей школе эстетического воспитания «Краса России», тренер и преподаватель Международной Академии Лидерства, научный консультант многих телевизионных программ.

Ирина Якович – профессиональный практикующий психолог, закончила МГУ им. М.В. Ломоносова факультет психологии, действительный член Профессиональной Психотерапевтической Лиги, Сертифицированный психодраматерапевт, работает на телевидении и радио.

Илья Винокур – докторант гуманитарных наук, лектор по теме воспитания, писатель, глава отдела интегрального воспитания и менеджер ассоциации «Растем в радости».

ПРИНЦИПЫ ПОДРОСТКОВОЙ ГРУППЫ

Собеседники: Анатолий Ульянов, Ирина Якович

А. Ульянов: Сегодня мы проясним важную тему: социальное воспитание. Как правильно построить детскую группу? Как начать вместе с детьми формировать ее так, чтобы через несколько лет она превратилась в исправленное общество? Ведь дети – это наше следующее поколение. Если мы правильно воспитаем одно поколение, то исправим все общество. Мы рассмотрим несколько принципиальных моментов воспитания и попытаемся вместе понять, как реализовать эти принципы в детском коллективе, чтобы направить его на построение правильного общества.

И. Якович: Давайте начнем с вопроса, что такое «исправленное общество»?

М. Лайтман: Исправленное общество действует согласно закону любви.

И. Якович: Закону любви?

М. Лайтман: Да. Участие, солидарность, уступка, взаимопонимание. Из этого состоит понятие «любовь»: я чувствую другого больше, чем себя.

И. Якович: Мне представляется это очень трудным.

М. Лайтман: Но это называется любовью согласно тому, чему мы учимся у природы. Это общий закон природы, с которым мы добрым путем или по принуждению должны достичь равновесия, равенства.

И. Якович: То есть человек должен прийти к равновесию с природой, и для этого он должен научиться любить?

М. Лайтман: Да, поскольку общий закон природы – это закон любви.

И. Якович: Вы можете объяснить значение закона любви в природе подробнее?

М. Лайтман: Все части природы связаны между собой в единый организм. А если мы видим в природе нечто иное, когда один вид поедает другой, то это потому, что мы сами так себя ведем, и поэтому так видим природу: «Каждый осуждает в меру своих недостатков». Эти вещи очень не простые, относятся к восприятию реальности – явлению по-настоящему революционному.

Мир не такой, каким мы его видим; постепенно ученые тоже начинают это обнаруживать, в частности, в квантовой физике. Он находится в нас, на нашем внутреннем экране, а не вне нас. Все, что нам представляется вне нас, находится внутри. Поэтому если мы себя изменим в соответствии с тем, как мир действует вне нас, согласно закону любви и взаимным связям, основанным на этом законе, то увидим истинный мир. Вместо

того, что мы видим сейчас, представляя это своим миром, мы вдруг почувствуем находящийся вне нас истинный совершенный мир, пребывающий в гармонии, любви и интегральной связи между всеми своими частями.

И. Якович: Значит, есть одна правда? Из современных психологических методик я знаю, что правда зависит от моего восприятия реальности. Вы тоже это говорите. И если мое восприятие реальности может кардинально измениться, то нет одной правды?

М. Лайтман: Верно. У каждого своя правда. Но мы говорим не о людях, у каждого из которых есть свое видение, своя правда, свой эгоизм, который все определяет. Мы говорим о мире, который управляется особой силой. В нем есть общий закон, в который включены все знакомые нам из природы законы. Этот общий закон, общая сила, управляющая всей реальностью – и тем, что мы знаем, и тем, чего не знаем, – это закон любви, закон соединения. Иначе мир бы не действовал, не имел бы права на существование. Чем больше мы изучаем природу, тем яснее видим, что солидарность, учет интересов других и связь являются законами ее существования. Мы видим это на примере нашего развития. Если раньше мы развивались, стремясь к раскрытию личной индивидуальности каждого и соблюдению собственной выгоды, то сейчас сталкиваемся с другой проблемой, которую нам ставит природа. Она говорит: «Я интегральная».

И. Якович: Как природа это делает?

М. Лайтман: Очень просто. Мы видим, что все ее части взаимно связаны, что мы зависим друг от друга. В природе неживое, растительное, животное и человек включены в одну систему, и если в одном месте мы делаем нечто плохое, то в другом месте получаем отрицательную реакцию – хотим мы этого или нет. Мы также видим проявление одинаковых мыслей и действий в разных местах.

И. Якович: Вы видите глобальную систему?

М. Лайтман: Да. «Глобальная» – означает связанная на различных уровнях и разными способами без каких-либо ограничений. И это говорит о том, что у нас нет выбора: мы должны таким же образом видеть себя тоже. Мы не находимся над природой, мы – ее части, ее результат, причем не очень хороший. Чтобы привести себя в хорошее состояние, мы должны изучить этот закон и соблюдать его. В любом месте, где бы мы ни находились, если мы можем привести в равновесие себя и природу, достичь состояния гомеостаза, то живем спокойно, в хорошем ощущении. Мы видим, что природа тоже стремится к равновесию давлений, температур и так далее. И мы должны найти свое общее равновесие. Наше общее равновесие с природой описано давно: человеческое общество должно быть сбалансировано через любовь, уступку, взаимность, готовность правильно связаться друг с другом. Ведь мы уже чувствуем себя несчастными, жалкими, изолированными друг

от друга. Каждый страдает и грызет себя, потому что эгоизм в нем пылает, а мы не знаем, как от него избавиться.

И. Якович: Выходит, путь человека – достичь равновесия с природой, создав исправленное сбалансированное общество, в котором властвует закон любви согласно Вашему описанию, а не той любви, которую мы имеем в виду.

М. Лайтман: Конечно. Любовь – это взаимность, связь и уступка.

И. Якович: Без уступок невозможно?

М. Лайтман: Мы эгоисты! Нам ясно, что мы не способны связаться друг с другом. Каждый сидит в своем углу и боится из него выйти. А если выходит, то обязательно с оружием, позволяющим использовать и эксплуатировать других.

И. Якович: Уступка сегодня считается слабостью. Когда я пытаюсь говорить с детьми об уступке, то слышу возражение: «Если я уступлю, то откуда получу?» Таково влияние мира взрослых: кто сегодня уступает и в чем?

М. Лайтман: Никто и ни в чем. И даже мировые лидеры показывают нам пример, насколько каждый настаивает на своем.

И. Якович: Это видно не только в политике, но и в других областях.

А. Ульянов: Между прочим, именно такое воспитание получает ребенок: он видит это вокруг. В школах проводят выбо-

ры, в которых участвуют дети, и их учат, что такое поведение принято в мире.

М. Лайтман: Мы видим это везде. Посмотрите, что делает Голливуд в фильмах для детей: кто первый, кто герой, кто приглашает меня на бал?! Нечто ужасное!

Цель развития человека, которую мы пока что не можем понять и принять, состоит в том, чтобы стать универсальным человеком, быть действительно выше природы. Это значит, что в человеке включены все законы природы. Он выполняет их естественно и может быть таким, как властвующая в природе сила любви.

Человек должен достичь такого развития осознанно, в понимании и согласии, в знании, что это самое лучшее для него состояние, в котором он должен быть. Поэтому в процессе длинного пути самопознания мы изучаем на себе меру своей противоположности, чтобы из нее узнать этот универсальный, самый высший закон и захотеть ему уподобиться.

Этот путь не простой для нас – тех, которые его прокладывают. Но мы хотим, чтобы для наших детей и всех, кто присоединится в будущем, он был коротким, добрым, удобным, чтобы они не переживали те удары, через которые прошли мы.

А. Ульянов: Каковы пути достижения цели?

М. Лайтман: Необходимо заниматься наукой о воспитании: как воспитать человека, чтобы был большим, универсальным,

интегральным, глобальным, объективным. Как перевернуть нашу эгоистическую природу? Ведь мы не хотим и не способны ни с кем считаться, поедаем себя, но ничего не можем с собой сделать.

А. Ульянов: Следует говорить ребенку, что мы сейчас вместе с ним работаем над тем, чтобы выстроить из него человека, или это происходит в самом процессе?

М. Лайтман: Нет, это должно произойти в естественном процессе.

И. Якович: В чем, по вашему мнению, выражается «естественный процесс» – в том, чтобы себя изменить? Как можно изменить себя естественно, если это – революция?

М. Лайтман: Мы добиваемся этого с помощью окружения: строим вокруг ребенка особую общественную оболочку, чтобы у него не было выбора...

И. Якович: ...как только измениться?

М. Лайтман: Да, измениться. И он сам этого захочет. Окружение даст ему соответствующие примеры и обяжет измениться – как сейчас обязывает быть эгоистом...

И. Якович: ...чтобы выжить и добиться сегодня успеха.

М. Лайтман: Верно. Окружение покажет, что для выживания и достижения успеха в новом обществе он обязан измениться, и он сделает это с радостью. Ведь у человека нет боль-

шей цели, чем соответствовать обществу: он хочет подходить обществу, быть им принятым.

И. Якович: Мы социальные творения, это ясно.

М. Лайтман: У детей это чувствуется особенно сильно. Окружение для них – все! Мнение окружения – закон!

И. Якович: То же самое происходит и с взрослыми. Есть различные способы существования в одиночку, но ни один не работает. Исследования показывают, что у человека, живущего изолировано, продолжительность жизни меньше, и ее качество хуже.

А. Ульянов: Исследования также говорят о том, что чем больше твои друзья счастливы – если они у тебя вообще есть, – тем ты более счастлив и дольше живешь.

И. Якович: Это касается также женитьбы, хотя многие считают, что она приносит много проблем. Женатые люди живут дольше, и их здоровье лучше. То есть жизнь в обществе для нас естественна. Но что плохого в нашей природе? Как это объяснить ребенку?

М. Лайтман: Это природа не настоящая: в нас находится некий дефект, который необходимо искоренить. И, он существует в нас преднамеренно.

И. Якович: Но это единственное, что я знаю в своей жизни, ведь я таким рождаюсь!

М. Лайтман: Верно. Поэтому общество извне должно показать тебе то, что находится у тебя внутри: нечто чужеродное, что с тобой играет, делая из тебя «злого зверя». Отнесись к нему со стороны, будто к чужому существу, которое буквально тебя пожирает. Попробуй ухватить его за хвост и вытащить из себя!

И. Якович: Подобно тому, как дети иногда говорят: «В меня вселился плохой мальчик?»

М. Лайтман: Да.

А. Ульянов: Чтобы каждый думал, что его цель – выйти из любви к себе и принять иную природу. Ведь любовь к ближнему противоположна его природе.

И. Якович: Значит, злая природа – это любовь к себе?

М. Лайтман: Да, такой маленький чертик: поймай его за хвост и выбрось!

И. Якович: Он не такой уж маленький!

А. Ульянов: Ты думаешь, что там пять граммов, а обнаруживаешь тонну.

М. Лайтман: И он растягивается и становится все тяжелее.

А. Ульянов: И когда вытягиваешь его, то выходит чудовище и поглощает тебя!

И. Якович: Будто тянешь из волшебной шляпы, а оно не заканчивается. Но ведь ребенок знает, как и взрослый, только эту любовь к себе?!

М. Лайтман: Верно, но все общество будет этим заниматься! Оно будет гордиться тем, сколько каждый может вытащить этого зла из себя. Это является целью, и об этом все говорят, оценивая человека согласно тому, насколько он может себя преодолеть и подняться наперекор эгоизму. Он каждую секунду совершает геройский поступок.

И. Якович: Преодолением эгоизма? Преодолением себя?

М. Лайтман: Да. Все это видят и ценят. Общество раздает подарки, награждает медалями, шлет поздравления.

И. Якович: За любовь к ближнему?

М. Лайтман: Да. Ребенок увидит, как другие дети на него смотрят, и будет собой гордиться. Но пусть гордится тем, что преодолевает себя.

И. Якович: Следовательно, необходимо изменить все ценности и в обществе взрослых. Мы говорим о том, чтобы построить исправленное общество для детей. Но и общество вокруг должно быть исправлено?

М. Лайтман: Конечно, именно об этом идет речь. Мы говорим о детском обществе, в котором ребенок находится, скажем, до окончания школы. Вы спрашиваете, как он потом справится, столкнувшись с внешним окружением?

И. Якович: Да, ведь он привык к любви?

М. Лайтман: Я думаю, что те родители, которые будут заниматься с детьми и захотят, чтобы их дети были хорошими...

И. Якович: ...которые будут следовать этим ценностям...

М. Лайтман: ...воспитаются тоже. И тогда у нас изменится значительная часть общества. Если мы направимся к одной цели – сделать добро нашим детям, обеспечить им хорошую жизнь, – то те родители, которые захотят это сделать даже искусственно, сами обретут эти ценности.

И. Якович: Будут вынуждены измениться сами?

М. Лайтман: Да, сами.

И. Якович: На самом деле?

М. Лайтман: Чего только не делают ради детей!

И. Якович: Верно, но возьмем, например, вопрос питания. Мы очень хотим, чтобы дети ели здоровую пищу, а насколько следуем этому сами?

М. Лайтман: Минуточку! Нет никакой проблемы: если будет достигнуто общее согласие общества, то и родителям будет легче. Ведь родители – это те же дети, только состарившиеся, не более того.

И. Якович: Верно.

М. Лайтман: Поэтому мы должны отнестись к ним таким же образом. Кроме того, ответственность и любовь к детям обяжет их и придаст силы – в этом нет сомнений. В сущности, мы всю жизнь в это вкладываем, хотим мы того или нет.

А. Ульянов: Я вижу, как изменилась моя жена с рождением ребенка. Появился ребенок, и она знает, что нужно показы-

вать ему пример. Она постоянно думает, будут ли ее действия примером для ребенка – мысли изменились. Теперь не просто живут двое: я и она. Есть некто третий, относительно которого необходимо расти. Поэтому говорится, что ребенок делает из пары семью.

И. Якович: Да, но вы пока что не должны менять своей природы.

А. Ульянов: Почему? Я просто обязан.

И. Якович: Как само собой разумеющееся?

А. Ульянов: Конечно. В этом процессе ты не хочешь, чтобы то, что не件лезно тебе, перешло к ребенку.

М. Лайтман: Когда общество обяжет, будет намного легче. Мы видим, что люди все делают ради детей.

А. Ульянов: Человек, находящийся в таком обществе, должен смотреть не на исправление товарища, а исправляться сам. Такова должна быть цель?

И. Якович: Как это тяжело!

М. Лайтман: Это не тяжело. Все дело в том, что это не будет тяжело, а приятно, удобно и увлекательно.

И. Якович: Но обычно мы специализируемся на исправлении других.

М. Лайтман: Нет. Если Вы видите, что этим обретаеете кого-то, кто любит Вас, а Вы любите его, – Ваших детей, то с лег-

костью сделаете для этого все необходимое. Почему Вы так упрямитесь?! Если у Вас есть возможность дать ребенку нечто хорошее – именно то, что Вы считаете для него хорошим, – насколько Вы рады своей способности это сделать и принести ему?

И. Якович: Верно, это дает много сил.

М. Лайтман: Правильно? «Я сейчас достигаю чего-то и приношу ему, думая, как он это примет...» – Сколько у Вас появляется сил для выполнения достаточно трудных вещей, о которых необходимо постоянно думать и заботиться! Вы же их не оставляете?

И. Якович: Нет.

М. Лайтман: Почему же тогда не сделать этого?

И. Якович: Потому что это связано с исправлением себя, а я...

М. Лайтман: Нет, это то, что Вы даете ему!

И. Якович: То есть?

М. Лайтман: Исправление себя...

И. Якович: ...это работа.

М. Лайтман: Нет, это не работа, а отдача: вы даете это ему, показываете, что способны это сделать! Допустим, ваш ребенок на 30-40 кг полнее нормы своего возраста, а вы должны показать ему пример. Разве Вы этого не сделаете?

И. Якович: Сделаю.

М. Лайтман: Разве не будете постоянно думать об этом, заботиться?

И. Якович: Вы хотите сказать, что таким способом взрослые захотят измениться?

М. Лайтман: Это называется «вернуть сердца сыновей к отцам».

И. Якович: Хорошо! Они воспитают себя и тем самым продвинутся.

М. Лайтман: Тогда родители и дети, а это значительная часть населения, вместе устремятся в правильном направлении. Но начали мы с детей: просто хотим для них хорошего воспитания. А родители с этим согласны. Разве они не хотят видеть своего ребенка счастливым, воспитанным, успешным?

И. Якович: Конечно.

М. Лайтман: Мы начали с детей – и вдруг родители обязаны присоединиться. Они делают это в результате понимания, что тем самым меняют своих детей к лучшему. Это становится хорошим примером – родители и дети – для всего мира, и нам почти некого убеждать, ведь примеры поставляет сама жизнь.

И. Якович: Тут много прикладной, практической работы, хотя мы говорим о чем-то духовном.

М. Лайтман: Только дать любовь – не больше.

И. Якович: Только?!

М. Лайтман: Все думают, что духовное – это нечто мистическое.

И. Якович: А это сугубо практическая, воспитательная наука.

М. Лайтман: За счет нашего объединения из всех наших искр возникнет одно большое пламя. Мы друг друга зажигаем, показываем примеры и видим, какой резонанс вызывают наши действия у окружающих. Выбора нет – это становится посылом общества, социальной идеей. Иначе общество разрушается. Посмотрите, что происходит сегодня в мире.

И. Якович получается, что каждый противостоит каждому и это «зажигает»?

М. Лайтман: Это значит, что люди видят примеры, факты. Стоит только увидеть, как каждый поднимается над своим злом и извлекает из себя маленького чертика! Насколько эти примеры работают, формируют человека, дают ему осознание, понимание и, главное, критику!

И. Якович: Вы имеете в виду способность критиковать себя?

М. Лайтман: Да, выяснять. Если человек правильно работает относительно всего общества, то это дает ему силу всего общества. Иными словами, если я со своей личной небольшой силой работаю относительно остальных, то получаю силу все-

го общества. Это не просто умножение сил: в соединении раскрывается нечто более высокое – дополнительная сила.

И. Якович: Не совсем понятно, о чем Вы говорите.

М. Лайтман: Я объясню. Если я учусь от окружения, то не от кого-то одного, а как бы от общей силы. У этой силы, находящейся вне меня, есть более высокая ступень – общая, связанная. Эта связь дает мне особую силу преодолеть свою природу. Беря пример с какого-то человека, я, как максимум, смогу на него походить, ...

И. Якович: Это подражание.

М. Лайтман: ...но не подняться над своей природой. У людей, связанных вместе, есть продвигающее дополнение, которое является духовным. Их дух является следствием связи, а связь образуется в результате уступки, работы между ними. Это нечто, приходящее как интеграл между ними, общая сумма, дополнение.

И. Якович: Нет связи без уступки?

М. Лайтман: Нет, это их совокупность, и она воздействует на меня.

А. Ульянов: Связь рождает нечто такое, что выше всех.

М. Лайтман: И это называется ступенью «Человек» – состояние, приходящее в результате социальной связи.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Собеседники: Анатолий Ульянов, Ирина Якович и Илья Винокур

А. Ульянов: Сегодня мы затронем очень острую тему, которая возникает непосредственно в ходе работы с группой: как бороться с проблемами, которые возникают в подростковой среде? Мы знаем, что это естественное и распространенное явление. Его причиной являются изменения, которые переживают подростки.

И. Якович: Мы наблюдаем, что поведение подростков в группе часто носит характер цепной реакции. Все может произойти за считанные секунды – вдруг кто-то нагло повел себя с воспитателем или проявил насилие к товарищу по группе, и атмосфера моментально взрывается: подростки начинают оскорблять друг друга, вступают в словесные перепалки... Это очень распространенное явление. В предыдущих встречах Вы говорили, что воспитатели, находящиеся с детьми постоянно, должны подстраиваться под уровень группы. В какой мере воспитатель может позволить себе грубые слова и подобное агрессивное поведение? И что делать, когда возникает опасность причинения

серьезного вреда? Что делать за секунду до и через секунду после? Ведь подросткам ничего не стоит оскорбить друг друга.

М. Лайтман: Все зависит от окружения. Если мы помещаем человека в определенную социальную среду, то у него нет выбора – он находится под влиянием своего окружения. Допустим, человек попадает в ночной клуб: разнузданный стиль поведения, экспрессивность, каждый изображает из себя мачо, громко кричит, делает какие-то бессмысленные глупости, и все ради того, чтобы обратить на себя внимание. Или же человек заходит в уютное кафе, какие есть в Париже, Москве, Нью-Йорке...

И. Якович: Там ты моментально подстраиваешься под обстановку.

М. Лайтман: Да. Ты видишь воспитанных людей – чужая публика туда просто не заходит. Все очень благопристойные: в основном интеллигенция, музыканты.

И. Якович: Я думаю, что есть контроль при входе, и не каждому позволят войти.

М. Лайтман: Не знаю, не обратил внимания. Мне, во всяком случае, разрешили войти. (Смех). Атмосфера заведения влияет на тебя, и ты сидишь в иной позе, говоришь другими словами, держишь себя по-иному. Что-то влияет на тебя, и это зависит от той обстановки, в которой ты оказался. Это может быть в Китае, в Гонолулу или в Париже – не важно, где: ты всегда будешь ощущать себя в соответствии с тем, где ты сейчас. Я очень люблю посещать разные новые незнакомые места

и наблюдать за тем, как я изменяюсь: как держу чашку кофе, как говорю, сижу, встаю, вешаю пальто.

И. Якович: Впечатления действительно сильные. Но дело в том, что среда подростков – это грубая, очень беспокойная среда.

М. Лайтман: Минуточку! Поэтому я говорю, что все зависит от окружения. Вы правы. Давайте посмотрим, в какой среде каждый из них находится.

И. Якович: Вы имеете в виду вне группы?

М. Лайтман: Да. Если мы хотим сделать из них преступный клан, злодеев, то они будут перенимать друг от друга стандарты поведения, и это затянет их, как воронка. Другое дело, если мы поместим их в среду, которая будет демонстрировать им, что сдержанность и самообладание – это хорошо, прилично, поощряемо. Тогда они будут другими. Среда определяет все. Я думаю, что подросткам надо показать все стороны действительности. Вместе с тем, необходимо постепенно привести их к тому, чтобы их непосредственное окружение прививало им правильные образцы поведения. Все зависит только от ценностей.

Если мы самых закоренелых преступников поместим в приличное общество, они изменятся. Они не смогут себе позволить много: сработают гордость, зависть, желание почета – эгоизм, присущий каждому человеку. Когда человек в преступной среде ведет себя вызывающе, он делает это все с той же целью – показать себя значимым в своем преступном мире. Попад в иную

среду, он захочет быть значимым в ней. Все зависит от ценностей, которые исповедует то или иное сообщество. Так что давайте организуем нашим подросткам такую среду, в которой они захотят быть хорошими, значимыми и выдающимися. Я чувствую влияние среды на себе самом, я вызываю это действие специально. Всем очевидно, что дома и в общественном месте мы ведем себя по-разному.

И. Якович: Вопрос в том, насколько важна роль домашней среды. Кроме того, я бывала в подобных уважаемых местах, и всегда находился кто-то, кто вел себя вразрез с нормами. Получается, что на кого-то окружение не оказывает должного влияния.

М. Лайтман: Да, но такие случаи единичны. Возможно, человек думает, что именно так он заслужит одобрение окружающих. Никуда не денешься – все мы эгоисты. Никто из нас не хочет чувствовать себя уязвленным. Каждый из нас готов пойти на все, лишь бы сохранить чувство самоуважения. И мы можем использовать данное свойство.

И. Винокур: Предлагаю посмотреть небольшой сюжет, а затем продолжить обсуждение.

Клип 1

«Ведущий: С каждым случалось, когда кто-то его обидел, оскорбил, унизил. Что мы чувствуем в подобные моменты? Чего желаем своему обидчику? Какие мысли нас посещают?

– Хочется переломать ему кости. (Смех.)

Ведущий: Почему? Все смеются, потому что прекрасно понимают, о чем ты говоришь. Почему хочется побить обидчика?

– Чтобы извлек для себя урок.

Ведущий: Тебя действительно беспокоит, извлечет ли он для себя урок? Или важно что-то другое?

– Если он извлечет урок, мне это выгодно в долгосрочной перспективе. Он не будет посягать на мою честь и достоинство.

Ведущий: Понятно, он посягнул на твое достоинство.

– В моем классе учится девочка, которая меня раздражает. С одной стороны, она приветливая со всеми, но вместе с тем, она постоянно говорит людям очень неприятные вещи. Однажды она обидела меня, и в тот момент в своих мыслях я представила, что разрежу ее на куски. Но на самом деле я не могу ответить ей, потому что лишусь уважения в классе: «Рита дерется!» Хотя я способна на это, ведь не только мальчики могут драться.

Ведущий: Что именно было ущемлено в тебе до такой степени?

– Мой эгоизм. Она оскорбила меня.

– Когда меня оскорбляют, у меня в сердце будто бы растягивается какая-то пружина, и она не вернется на место, пока я не поставлю обидчика на место. Я просто обязан не только вернуть эту пружину назад, но и поднять ее в десять раз выше прежнего. Если кто-то задел

меня на 10 процентов, я должен задеть его на все 100.

Ведущий: А если не получается «вернуть» пружину на место? Допустим, тебя оскорбили, и ты ничего не можешь сделать.

– Пружина останется внизу до тех пор, пока я не поквитаюсь с обидчиком.

Ведущий: И как ощущение?

– Меня это гложет целыми днями напролет, сводит с ума. Были люди, которые имели неосторожность вывести меня из себя.

Ведущий: Только бы не растянулась пружина!»

И. Винокур: Мы просмотрели отрывок из беседы о чести и достоинстве, а также о сопутствующих чувствах: злости, обиде. Я хочу задать более конкретный вопрос: какова роль воспитателей группы в формировании ценностей, форм мышления и способов реакции подростков на оскорбление, унижение достоинства?

М. Лайтман: Здесь ничего не сделаешь. Сказано: «Зависть, страсть к наслаждениям и почету выводят человека из этого мира». Это чудесные средства, с помощью которых мы можем измениться. Вскипая от обиды и унижения, я должен знать, что ничего в человеке не создано просто так, без цели. Как же я могу использовать это, чтобы поднять себя? Может быть, это отличный стимул для моего окружения, и я могу «потянуть» окружение в правильном направлении?

То есть все зависит только от ценностей. Допустим, кто-то оскорбляет меня, принижая мою роль в каком-нибудь хорошем деле. Что же значит «поставить его на место»? Показать ему, что он меньше меня? Нет, сделать иначе: показать, что я больше! Это продвинет меня к большим достижениям.

Это двигательная сила, без которой нет человека. Что есть в человеке выше животных потребностей, кроме зависти, страсти к наслаждениям и почету?

И. Винокур: А что делать, если в группе подростков всячески поддерживается и одобряется умение унижить и высмеять противника в ответ на оскорбление? Именно такие действия считаются приемлемыми, группа ожидает их от человека. Как произвести смену ценностей в такой группе? Ведь необходимо создать новую среду.

М. Лайтман: Нужно поднять эту тему, и пусть каждый опишет все случаи, когда его кто-то обидел: как именно, в чем заключалась обида, какие вызвала чувства. И затем обсудить, как можно ответить обидчику. И не просто ответить, а так, чтобы почувствовать себя в сто раз выше и лучше, чем до обиды – буквально «размазать» обидчика по стенке. Как это сделать? Допустим, кто-то сказал мне, что я глупый и ничего не понимаю. Как я могу показать всем, что я в несколько раз умнее его?

И. Якович: Анализ случая?

М. Лайтман: Да. Чтобы подросток подумал, ради чего стоит стараться: ради того, чтобы поставить обидчика на место, или же ради того, чтобы достичь больших результатов? Можно ли достичь тех же результатов без предшествующей обиды? Либо подобный стимул необходим, и без зависти к другим я не сдвинусь с места? Правильно?

И. Винокур: Безусловно.

М. Лайтман: Постепенно человек осознает, что зависть, страсть к наслаждениям и почету ему жизненно необходимы. А раз так, то он думает, как ему достичь такой сильной зависти и так глубоко оскорбиться, чтобы достичь наивысшей цели? Давайте это запланируем!

И. Винокур: Следовательно, когда между подростками возникают острые эмоциональные ситуации, нужно просто выносить их на обсуждение группы?

М. Лайтман: Можно и так. Тем самым человек учится взаимодействовать с силой, находящейся выше него.

А. Ульянов: Можно сделать это в виде задания: пусть каждый напишет в блокноте, что он чувствует.

М. Лайтман: Да, конечно! Подобные задания – это ступенька к настоящим духовным упражнениям.

И. Якович: Задания должны быть словесные?

М. Лайтман: И словесные тоже – мы изучаем природу человека.

И. Якович: Вы неоднократно говорили о том, что нужно разыгрывать ситуации. Я думаю, что игра – живее, чем просто речь. В тот момент, когда группа проживает и чувствует ситуацию, говорить о ней становится гораздо легче.

А. Ульянов: Но когда я пишу, я могу быть по-настоящему искренним и сказать то, чего не сказал бы перед группой.

И. Якович: Верно, это один из примеров.

И. Винокур: Как воспитателю себя вести, когда в группе возникает опасность физического или словесного насилия?

М. Лайтман: Я бы снял это на видео, ведь в такой момент ничего больше не сделаешь. Может быть, получится немного успокоить страсти, выбрав при этом очень спокойную, очень нейтральную и отстраненную линию поведения. «Хотите подражаться? Давайте, вставайте со своих мест, а мы на вас посмотрим. Ну, кто первый? Сначала один, а потом другой. Давай, еще!» Дать им «выложиться» по полной программе, снять на видео, а потом просмотреть всей группой. Другой возможности нет, ведь человек меняется: он смотрит на себя, а сам уже другой – только так он может учиться. Но все остальные видят его прежнего. Постепенно это позволит ему увидеть, что подобные поведенческие «крайности» предназначены для того, чтобы привести его к такому осознанию зла, когда ему захочется попросить изменения.

Поднимаясь по ступеням материального и духовного развития, человек неизбежно обнаруживает, насколько он не вла-

стен над собой. Такое осознание означает завершение развития на каждой отдельной ступени, в каждом отдельном состоянии. Я понимаю, что не управляю собой и не могу оставаться больше в таком положении: оно съедает меня и причиняет ужасные страдания. Как мне хоть чем-то удержать себя? Я совершенно не могу контролировать себя ни в чем! Что мне делать? И тогда человек просит изменения своей природы, получает его и начинает новую ступень. На новой ступени его эгоизм вновь растет, и человек опять приходит к осознанию зла. Так он продвигается.

И. Винокур: Подросток должен проходить весь этот процесс сознательно? Мы хотим, чтобы он понимал, что с ним происходит?

М. Лайтман: Ты должен показать ему, что таким образом в нем развивается и растет Человек. Это можно понять только через различные ситуации и их последующий анализ: обсуждение, просмотр видео...

А. Ульянов: Допустим, мы сняли на видео ссору. Как нам затем правильно проанализировать ситуацию, чтобы не получился бесполезный разговор о том, кто, кого и как сильно ударил, кто сильнее и круче?

М. Лайтман: Когда вы затем смотрите запись, то видите просто двух животных, каждый из которых выходит из себя потому, что задела его гордость. Тогда каждый уже не воспринимают, что обидели его – это уже не он.

А. Ульянов: Он уже изменился.

М. Лайтман: Да, он уже другой. Он наблюдает за человеком, который горячится непонятно из-за чего и не находит ничего общего между ним и собой. Он видит двух ссорящихся глупцов, которые выходят из себя по пустяку. Так подросток начинает понимать всю глупость и зло подобных вещей. Он наблюдает за ситуацией со стороны, осознавая ее полную бесполезность – после таких ссор остается лишь чувство стыда. Как избавиться от стыда, ведь эгоизм ставит ему подножку? Через такое осознание он сначала начинает себя грызть – и это положительный результат, – а затем приходит к пониманию, что должен измениться.

И. Винокур: Я пытаюсь представить себе компанию подростков, которые, похихикивая, смотрят видеозапись ссоры. Многое ведь зависит от того, как общество воспринимает событие. Допустим, я и Эли подрались, и вот мы сидим не среди подростков, а среди образованных культурных людей. Мы не будем знать, куда деться от стыда, ведь на нас смотрят такие люди! Другое дело, если мы находимся в группе подростков. Группа смотрит на нашу драку – все смеются, все довольны.

М. Лайтман: Нет-нет, они начинают смотреть на явление относительно: вчера это было серьезно, а сегодня – глупость. Если в моем вчерашнем отношении к чему-то появилось изменение, то оно выглядит неважным, глупым. А я хочу всегда быть правым и сильным.

И. Якович: Сказанное напоминает тему рефлексии. Вы говорили о способности посмотреть на себя со стороны. Когда мы делаем это по истечении некоторого периода времени, наше поведение уже не всегда кажется нам логичным или приемлемым. Сейчас Вы говорите о том же?

М. Лайтман: Да. Десятки лет нашей жизни уходят на то, чтобы понять это. Почему бы нам не усвоить это сейчас и не ускорить процесс?

И. Якович: Но в возрасте, когда происходит гормональный всплеск, очень сложно рефлексировать. Я думаю, именно это имеет в виду Илья: возможность тихо и спокойно наблюдать за собой, когда внутри все кипит, очень мала. Сложно достичь внутреннего спокойствия.

А. Ульянов: Переживая ситуацию вновь, я опять «завожусь»...

И. Якович: И могу по-прежнему оправдывать себя, несмотря на то, что прошло много времени.

М. Лайтман: Мы должны показать подросткам, кроме прочего, что далеко не каждый считает героем того, кто кричит громче всех. Может быть, стоит просмотреть видеозапись с другими людьми. Несмотря на то, что это может привести к сильному чувству стыда и унижения, пусть подросток немножко почувствует, что в глазах других он выглядит несерьезным, слабым. Это очень сдерживает.

А. Ульянов: Это нужно сделать с другой группой или просто пригласить несколько старших ребят?

М. Лайтман: Важно не то, чтобы они были старше, а чтобы их ценности были иными – более устоявшимися, высокими. Попробуйте. Главное, чтобы результатом был стыд от вчерашних действий. Человек должен почувствовать, что не смог с собой совладать, поскольку действовал под влиянием своего эгоизма и слабости. Но это ему нужно показать: один сильный человек думает, что если ему хочется, то можно выйти из себя и всех поколотить, а другой сильный человек понимает, что если ему вдруг захотелось буйствовать, и он позволил себе это, то тем самым показал свою слабость. Оба способа восприятия происходящего должны быть ясны человеку.

А. Ульянов: А что делать, когда мы сталкиваемся с «пружиной», как в просмотренном отрывке: пружина растягивается – и ничего не поделаешь?

М. Лайтман: Такой человек должен учиться на прошлом опыте.

А. Ульянов: Но в следующий раз пружина снова растянется. Как я перевожу его из состояния, в котором он испытывает стыд, в состояние, когда он просит об исправлении? Ведь между этими двумя состояниями есть много промежуточных этапов, которые он должен пройти.

М. Лайтман: Нет, он увидит, что не управляет собой, – и это уже осознание зла.

А. Ульянов: Вы хотите сказать, что если раз за разом он будет терпеть неудачу в попытке самоконтроля, то это, в конце концов, приведет его к разочарованию в своих силах?

М. Лайтман: Есть хороший пример: человек ходит на свадьбы, и каждый раз пьянеет до беспамьятства. Наступает момент, когда он понимает, что больше так не может продолжаться: нужно либо прекратить ходить на свадьбы, либо что-то с этим делать.

А. Ульянов: В данном примере это происходит под влиянием окружения: человеку стыдно перед другими.

М. Лайтман: Здесь происходит то же самое.

А. Ульянов: Получается, что общественная реакция должна быть достаточно сильной?

М. Лайтман: Или человек сам видит, что изменился относительно своего вчерашнего состояния. И тут он сам для себя является «обществом»: сегодняшний человек смотрит на себя вчерашнего. Оба человека находятся в нем – значит, общество тоже внутри него самого.

И. Винокур: Я хотел бы поговорить о чувствах подростков относительно воспитателя. Подростки переживают различные эмоциональные состояния: могут бунтовать или демонстрировать пренебрежение. Обычно говорят, что подросток непрерывно испытывает воспитателя, пытаясь определить для себя границы поведения, за которые нельзя переступить. Как относиться к подобным ситуациям?

М. Лайтман: К каким именно?

И. Винокур: Когда подростки «бунтуют», ведут себя пренебрежительно или даже нагло, испытывая воспитателя.

М. Лайтман: Я думаю, что нужно демонстрировать сдержанность, граничащую с равнодушием. Вплоть до полного равнодушия. Любая иная реакция воспитателя будет истолкована подростками так, как им этого захочется. Воспитатель должен показать, что он понимает слабости подросткового возраста, их природу. Он уже заранее соглашается с поведением подростков и знает, что оно будет именно таким. Даже когда подростки кричат на воспитателя или выражают свое пренебрежение, он отдает себе полный отчет в том, что это возрастное явление.

И. Винокур: В работе с некоторыми подростками я обратил внимание, что они самым настоящим образом испытывают меня, пытаются подавить, разозлить, проверяют границы моего терпения. Почему они это делают? Чего они ищут? Что им нужно? Я хочу знать это, чтобы понять их!

М. Лайтман: Без этого они тебя не чувствуют. И мы, взрослые, иногда делаем то же самое, особенно в семье. Хотим разозлить друг друга, вступаем в перепалки. Нам не хватает ответных реакций, ощущений. Когда я кричу, а в ответ кричат на меня, то возникает некое трение, и через него мы сильнее ощущаем близость. Иногда нам хочется такого воспламенения.

И. Винокур: В общении с подростками у меня есть ощущение, что, несмотря на доводы психологии, они не столько пытаются

вывести меня из себя, сколько увидеть во мне некий пример: они хотят знать, какова моя реакция на их поведение. Это верно?

М. Лайтман: Да.

И. Винокур: В ситуациях, когда подросток ведет себя пренебрежительно, злится, противодействует, я должен продемонстрировать свое безразличие ему лично или показать это состояние всей группе?

М. Лайтман: Покажи ему, что ты принимаешь его таким, какой он есть.

И. Винокур: То есть мы не выносим это на обсуждение группы, а оставляем между воспитателем и подростком?

М. Лайтман: Это не обсуждается. Ты как воспитатель дашь подростку понять: я понимаю, что с тобой происходит, и я знаю, что так ты и должен себя вести согласно своей природе, ведь это она пробуждает в тебе такое поведение, я принимаю тебя таким. И все. Ты увидишь, насколько уважительно подростки отнесутся к такой реакции.

А. Ульянов: А есть ли вероятность, что группа настроится против воспитателя, который смотрит на них как бы свысока? Или уважение к нему возрастет?

М. Лайтман: Конечно, он смотрит на них свысока – с высоты своего возраста и опыта он наблюдает за явлениями в группе, за поведением подростков.

А. Ульянов: Наша беседа подходит к концу. Мы говорили о значении окружения для подростков и о том, как важно почувствовать зависть, пренебрежение, ненависть, злость. Можно даже записать это, а затем проанализировать, насколько эти свойства могут помочь в развитии, если будут использованы правильно.

М. Лайтман: Даже если мне кажется, что я хочу кого-то испепелить, убить, повесить или растерзать на части, я это запишу во всех подробностях, а завтра-послезавтра перечитаю и посмотрю, действительно ли я всего этого хочу.

А. Ульянов: Я перечитаю и увижу, насколько был мелочен и глуп, когда писал все это.

М. Лайтман: Да. Но эти переживания положительные.

А. Ульянов: Вместо записи на бумагу можно все зафиксировать на видео. Затем я просматриваю запись и вижу себя прежнего, когда я уже изменился. Я смотрю на себя со стороны и могу сказать, как мелочно было мое поведение. В результате я развиваюсь и расту. По поводу воспитателя, мы сказали, что в случаях, когда он чувствует пренебрежение со стороны подростков, как взрослый человек он не должен поддаваться на провокации, а обязан демонстрировать внимание, сдержанность и участие. Тогда подросток почувствует, что воспитатель понимает его.

РАБОТА С КОНФЛИКТАМИ В ГРУППЕ

Собеседники: Анатолий Ульянов, Ирина Якович и Илья Винокур

А. Ульянов: Сегодня мы попытаемся выяснить проблемы поведения, понять, что за ними стоит, и приведем несколько примеров, попробуем найти средства, подходящие каждому из нас для работы с молодежью.

Давайте начнем с примера.

И. Винокур: Как-то раз молодежь решила собраться в лесу жарить шашлыки. Встреча удалась на славу, и все вышли с прекрасным чувством единства. Нам было очень хорошо вместе, и это была самая лучшая встреча из всех, когда-либо проходивших раньше.

Более того, всю текущую неделю ребята выполняли совместные действия и планировали совместные акции. У нас, инструкторов, уже было такое чувство, что, в конце концов, что-то хорошее начинает зарождаться, и мы решили вновь встретиться с подростками.

Но на этой встрече они были такие заведенные и рассерженные, что потом дело дошло до драки. И в тот момент, когда

парень, затеявший драку, узнал, что тот, кого он избил, рассказал об этом инструкторам, он грубо схватил его и обозвал доносчиком. Весь этот конфликт выглядел очень неприглядно.

Короче говоря, мы почувствовали, что после такого успеха, после удачного действия по объединению всё, чего удалось достичь, вдруг куда-то исчезло. Я хочу понять, почему это произошло?

М. Лайтман: Сказано: «Я создал злое начало». Природа каждый день обновляет действие творения. Что такое «действие творения»? Создание злого начала – желания получать ради себя, не считаясь с другими. И затем природа все время обновляет его в нас – обновляет не добрый дух, а злой. Мы видим, как с каждым днем человек хочет все больше и больше, и его желаниям уже нет границ.

Поэтому после хороших действий по объединению противоположные действия вполне естественны, и мы должны рассматривать их как рычаг для подъема на следующую ступень.

Вам же хотелось успокоиться и, будучи хорошими детьми, остаться на данном этапе, но вас хотят поднять еще выше. Однако для этого нужна причина, иначе над чем же вы будете подниматься?

А. Ульянов: Еще выше достигнутого объединения?

М. Лайтман: Объединиться на более высокой ступени можно лишь над все более раскрывающимся злом.

И. Якович: Значит, нам следует ожидать, что если мы в чем-то преуспели, то за этим последует противоположное состояние.

А. Ульянов: И готовиться к этому заранее, принимая в расчет, что на следующей встрече все может рассыпаться.

И. Якович: Потому что сила подъема равна силе падения?

М. Лайтман: Верно.

И. Винокур: Вопрос в том, кто должен к этому заранее подготовиться? Скажем, мы, инструкторы, немного знакомые с ситуацией...

М. Лайтман: Инструкторам необходимо знать, что скоро это случится.

И. Винокур: А как быть с ребятами? Их нужно информировать об этом процессе, о том, что должно произойти падение?

М. Лайтман: Разумеется, об этом нужно знать каждому. Обычно это забывается, но потом мы учимся на пройденном опыте и уже знаем. Как сказано: «Нет человека более мудрого, чем опытный».

И. Винокур: Что нужно объяснять молодым ребятам? Как это им преподнести?

М. Лайтман: Объяснять им теоретически, что мы находимся в эгоистическом желании, которое все время растет и усиливается, даже если нам кажется, что оно спокойное и тихое.

Но в любой момент оно может прорваться, а когда этот момент наступит, нам неизвестно. Но это обязательно произойдет.

И когда это случится, ты снова их соберешь и объяснишь, что это произошло, и скажешь, какие действия необходимо предпринять. Благодаря такой школе, ты вместе с ними набираешься опыта, и группа приобретает знание.

Это и называется «жизненным опытом», и им уже есть с чем продвигаться дальше. Каждый раз это будет происходить иначе, поскольку они будут накапливать все больше опыта, их силы и желания станут больше, и им будет легче противостоять падениям.

И. Якович: Так может быть, уже в конце радостного события стоит их предупредить о том, что вскоре все может измениться? Или это все испортит?

М. Лайтман: Нет, это ничего не испортит. Всегда хорошо, когда чувство уравновешено с разумом. Радость – это не только восторженное состояние и прекрасные чувства. Им необходимо понять, что сейчас они выходят бороться с самими собой.

И. Винокур: Я хотел бы вернуться к той встрече, о которой я начал рассказывать. Мы решили рассмотреть конфликт между ребятами на общем собрании группы. Разговор был коротким, потому что все знали, о чем идет речь. Мы попросили их высказать свое мнение о случае применения насилия, произошедшем в группе. И было очень интересно.

И. Якович: Все видели, как это случилось? Все знали об этом?

И. Винокур: Да, знали об этом все. Но что интересно: часть ребят молчали. Мы чувствовали, что они боятся говорить в присутствии парня, совершившего акт насилия. Часть близких ему товарищей поддержали его: мол, если тот парнишка приставал, затеывая ссору, то, конечно, он вынужден был ответить.

Были и такие, кто сказал, что это – случай насилия, и нужно исключить его из группы.

Мы увидели, что не было никого, кто бы проявил дальновидность и рассмотрел сложившуюся ситуацию с точки зрения «мы – это группа». Хотелось бы понять, что делать в случае, если группа еще не сплотилась и не приобрела правильного видения, что мы – единая группа?

Тогда мы, инструкторы, взяли бразды правления в свои руки и сказали им так: «Ребята, если всей группой вы скрываете, покрываете и защищаете того, кто проявляет насилие по отношению к товарищу, нам лучше разойтись».

Правильно ли поступили инструкторы, взяв на себя принятие решения, или нужно было оставить это на рассмотрение группы, чтобы она выяснила это самостоятельно?

М. Лайтман: Нет, если они станут выяснять это самостоятельно, то будет, как в жизни, и из этого ничего не выйдет. Мы же видим, что бывают разные группы, например, правительства разных стран. И в результате они занимаются тем, что меряются силами. Одно поступает по-своему, а другое – по-

своему, и оба называют это «дипломатией». Задираются друг перед другом, как два петуха. Но мы понимаем, что они далеки от правильного пути.

И. Якович: То же самое мы наблюдаем и в молодежных группах.

М. Лайтман: Правильным решением в таком случае является обсуждение. Но следует понять, что если неразвитые люди, какие-то народы, молодежь или отдельные люди с улицы начинают меряться силами, приводя в действие армии, то они следуют не зову разума, а идут на поводу у чувств и силы. Они даже не понимают, какие беды влекут за собой, и кто от этого выигрывает в итоге.

Так что, само собой разумеется, такого подхода нам нужно избегать. Но выгнать их и распустить группу – это тоже не выход. Почему я сейчас даю такие параллельные примеры, как армия, народы мира, политики? Потому что так ведет себя весь мир. И нам необходимо показать всему миру, как нужно продвигаться к сути дела без насилия, потому что иным путем мы не решим проблем.

Что мы выиграем от того, что истребим половину человечества? Той половине, которая останется на земле от этого будет лучше? А кто выигрывает от всей этой политики? Сколько средств мы растрачиваем на оружие, и никому это не доставляет удовольствия!

Нам нужно предъявить методику, более взрослую и более мудрую, чем та, которую обыгрывает весь мир. То, как они во-

юют друг с другом, равнозначно поведению той же молодежи, которой все еще не достаёт разума и которая не способна обрести истинный человеческий образ.

Поэтому в наших группах мы хотим развить правильное отношение к жизни, к отношениям между нами, именно над внутренними побуждениями к насилию, агрессии, зависти, вожделению, почету и власти. В этом, в сущности, и состоит наша главная задача. Тогда на своем примере мы покажем миру, как следует правильно продвигаться к объединению.

Объединение – это цель природы, потому что она – едина, и человечество обязано стать единым. И нет у нас иного выхода, чем продвижение. По доброй воле или по принуждению, но нам придется объединиться и прийти к равновесию с природой. И поэтому мы видим, как она добавляет нам все больше проблем, страданиями и ударами принуждая нас к объединению.

Вот почему свою работу с молодежью нам нужно рассматривать как лабораторию для развития глобальной методик, необходимой всему человечеству. Поэтому такой инцидент не должен закончиться просто так: мол, что поделаешь – не удалось. Ведь на нас лежит ответственность за гораздо большее – за исправление мира.

И. Винокур: Что могут сделать инструкторы при таком обсуждении, когда группа еще не пришла к групповому мышлению? Например, поговорить с несколькими парнями, которые задают тон в группе, и подготовить их к тому, чтобы они на следующей встрече выступили против насилия?

М. Лайтман: Нет, я бы это оставил так, как есть. У них есть много подгрупп и разногласий между собой. Они сами готовы сейчас драться и избивать друг друга. И может быть, если ты соберешь их для выяснений, то вместо драки возникнет словесная перепалка. Нам необходимо вытащить их из этого. В том месте, где чувства затмевают разум, – ничего не поделаешь.

Нам нужно поднять их на следующую ступень. К чему мы должны прийти? К единству. В этом состоит Цель творения. Желаем мы того или нет, мы обязаны это сделать. И если мы не сделаем этого сами, природа обяжет нас к этому, подгоняя ударами. И здесь мы бессильны: мы не можем убежать от них или ответить природе тем же самым.

Человечество – это очень маленькая и слабая группа людей, которая, словно маленький ребенок, стоит и плачет, не зная, что происходит и что его еще ожидает? Вот почему единство для нас обязательно.

Давайте представим ситуацию по-другому. Неважно, кто мы, что мы, кто из нас сегодня прав, – сейчас нам необходимо объединиться. Насколько и в чем каждому из нас придется измениться, чтобы присоединиться к объединению? Иначе говоря, что во мне, в нем и в каждом из нас понадобится увеличить или уменьшить, чтобы прийти к точке равновесия, в которой все мы соединимся вместе в мыслях и желаниях?

Почему? Потому что в этом единении мы раскроем более высокое состояние, высший уровень развития. Но даже если нам пока не удастся раскрыть высший уровень, мы обязаны

раскрыть единство, иначе сама природа обяжет нас к этому. И мы – это та группа, которая желает пройти этот путь и показать всему человечеству, что это и есть задача, возлагаемая на всех.

И. Винокур: Нужно прибавить им немного гордости за то, что они прокладывают путь.

М. Лайтман: Да, именно так.

И. Якович: Это прекрасно, но в молодежных группах всегда есть один или два лидера, которые закрывают рот остальным.

М. Лайтман: Это очень хорошо. Нужно дать вести обсуждение именно тем лидерам и тем, кто проявляет насилие. Сказать им: «Вы считаете, что можете подчинить себе всех через силу, пожалуйста, ведите обсуждение! Нам нужно прийти к объединению. Ты хотел прийти к этому с помощью ударов, чтобы тот парень объединился с тобой и согласился с твоим мнением...»

И. Якович: ...или чтобы он замолчал.

М. Лайтман: Нет, закрыть ему рот – означает, что я затыкаю его, подчиняю его себе. А дать ему высказаться – также своего рода объединение.

И. Якович: В этом заключается весь смысл такого действия.

М. Лайтман: Ты говоришь такому лидеру: «Сейчас ты будешь вести обсуждение на тему: «Чего нам не хватает, чтобы прийти к единству». И подводишь их к тому, что у нас нет вы-

хода, и мы, группа, обязаны к этому прийти. Так давайте выясним, как можно это сделать?

И. Винокур: Мне также нужно объяснить им принцип, согласно которому объединением считается даже такое состояние, когда кто-то полностью властвует над кем-то другим, превращая его ни во что. Но нужно привести их обоих в равновесие. Я могу им это объяснить?

М. Лайтман: Мы видим, что в мире это не пройдет, и природа с этим не согласна. Она не согласится с тем, что мы истребим кого-то или уничтожим что-то. Природа будет согласна лишь с тем, чтобы все наши силы и свойства раскрывались. И не важно, будут ли это значимые или несущественные свойства, плохие или хорошие, – всему есть свое место.

Если я, будучи человеком властным, лживым и ленивым, со всеми своими качествами стремлюсь к единству, то даю любому из них (даже самому плохому и низменному) прийти к равновесию и правильной форме самовыражения. И это чудо!

Ведь в каждом из нас есть желания к насилию, убийству и доношению. Лишь иногда мы осознаем это, но обычно мы даже не желаем об этом думать, – и это объяснимо. А нам нужно на самом деле увидеть, что, устремляясь к единству, мы приходим к равновесию, чтобы у каждого такого побуждения было некое удовлетворение. Сейчас нам трудно представить, как такое может быть, но это так.

И. Винокур: А если, предположим, к группе присоединился парень с проблемами в поведении, и он решает свои трудности и неприятности силой. Как на него может повлиять группа?

М. Лайтман: Назначь его инструктором. Ведь он желает стать инструктором – только с помощью силы. Привледи его и сделай своим товарищем, чтобы он тебе помогал. Тогда у него появится гордость, что он находится рядом с тобой, но за это положение ему придется заплатить тем, что он перестанет проявлять насилие.

И. Винокур: Это переключается с психологией и называется сублимацией, верно?

И. Якович: Да. Нужно перенаправить эту энергию в другое русло.

М. Лайтман: Говорят, что если у ребенка есть склонность к насилию или убийству, сделай его мясником.

И. Якович: Верно.

И. Винокур: Бывают такие случаи, что группа судит кого-то из товарищей и приходит к решению (если такое возможно) отстранить его от совместных встреч, скажем, на неделю. Такое допустимо?

М. Лайтман: Это нужно обсуждать. Я не считаю, что это правильное решение. Нам неизвестно, где он будет проводить время, как он найдет без товарищей оправдание группе. Он начнет их обвинять, злиться на них, не захочет возвращаться, поскольку его гордыня возрастет.

Но все-таки были убежища, как нам передают мудрецы: не тюрьмы, а города-убежища, в которых проделывалась большая работа по исправлению людей. Но это, в самом деле, были проблемные группы людей, в которых они работали, а затем выходили из них. Мы видим, что изоляция от общества – это не исправление, так как исправление возможно только с помощью среды.

И. Винокур: А как научить подростка высвободить свой гнев каким-то другим образом? Инструкторы делают это в рамках группы, но, может быть, ему нужен психолог?

М. Лайтман: Я бы рекомендовал больше физических действий.

И. Якович: Спорт.

М. Лайтман: Верно, это обычно советуют психологи. Можно создать рок-группу, чтобы они играли на музыкальных инструментах «тяжелый рок», «металл» и получали разрядку. Также очень помогает писать об этой своей склонности

А. Ульянов: Это должно быть что-то вроде личного дневника: что с ним случилось, что он чувствовал, и затем подвести ежедневный итог.

М. Лайтман: Но записи должны относиться исключительно к его склонности к вспыльчивости, насилию и несдержанности.

А. Ульянов: Ему нужно ежедневно проверять, что происходит с этим свойством, или достаточно один раз высказать свое мнение?

М. Лайтман: Дневник должен содержать своеобразный самоанализ.

И. Винокур: Группа обычно воспринимает такого подростка, как склонного к насилию. Я часто чувствую, что если бы группа относилась к нему по-другому, дала бы ему другое поручение...

М. Лайтман: Поговори с группой, чтобы они стали вдруг обращаться к нему как к инструктору, советовались бы с ним. И он начнет сходить с ума, что вместо того, чтобы опасаться его силы, к нему подходят и говорят с ним совсем о других вещах. Для него это будет полной неожиданностью. Это выводит человека из себя, потому что он не понимает, что происходит.

И. Винокур: Значит, нужно провести мини-обсуждение в его отсутствие, или можно это сделать при нем?

М. Лайтман: Нет, он не должен при этом присутствовать. Нужно сказать подросткам, чтобы постепенно начали относиться к нему иначе. Скажем, обращаться по-другому: «Миша, скажи, пожалуйста...». Вдруг вместо привычного для него крика «Эй!» он слышит: «Пожалуйста, Миша!»

И. Якович: Можно это считать попыткой использовать силу группы: посмотрите, что способна совершить сила группы?

М. Лайтман: Да, потому что этот подросток желает создать себе определенный имидж, а товарищи будто бы видят его

иначе и накладывают на него совсем другой образ. Тогда он запутывается между этими двумя образами. Получается, то, как он хотел бы выглядеть, они не принимают и лепят его новый образ.

И. Якович: Но в чем состоит их интерес? Ведь они страдают от него, он их избивает, нервнрует.

М. Лайтман: Теперь они могут получать удовольствие от общения с ним. Он может их защитить и сделать много других вещей. Почему бы и нет? А если он еще почувствует, что они его уважают..... Это также их объединит.

И. Якович: Давайте посмотрим, как вы можете повлиять на проявление в нем совершенно других свойств! Это будет для них очень полезным примером.

А. Ульянов: Теперь на собственном опыте они убедятся, что сила группы способна даже изменить человека.

М. Лайтман: Группа вообще должна делать расчеты: как она воздействует на каждого товарища, как все мы относимся к тебе и к каждому из нас. Давайте попробуем относиться к товарищу по-другому и проверим, как, благодаря этому, человек меняется, потому что мы меняемся все вместе и каждый в отдельности. Давайте с помощью силы группы начнем менять каждого посредством того, что изменим к нему отношение.

И. Якович: Давайте посмотрим, что реально происходит.

М. Лайтман: Это начинает давать результаты в ту же минуту.

И. Якович: Нужно им предложить проверить, есть ли от этого какая-то польза и сколько времени пройдет, пока мы получим результат.

М. Лайтман: Верно, потому что это – единственное средство, которое у нас есть, чтобы изменить мир.

И. Якович: И тогда они действительно учатся, как установить групповую связь, чтобы иметь возможность оказывать влияние.

М. Лайтман: Им необходима связь в группе, чтобы оказывать влияние на каждого из товарищей, и договоренность, как относиться к каждому из них и какую реакцию они хотели бы получить в ответ.

Например, мы хотели бы, чтобы товарищ прекратил совершать какие-то поступки, а начал бы поступать другим образом. Так что же нам для этого нужно предпринять? Давайте подумаем, каким образом начать влиять на него, чтобы изменить в нем какие-то модели поведения.

И. Якович: И тем самым изменить его восприятие.

М. Лайтман: Таким способом мы учим их, как группа может изменить реальность.

А. Ульянов: Как правильно поступить в том случае, если через какое-то время после происшествия парень, склонный к насилию, успокоится и будет вести себя хорошо. Нужно вновь

собрать ребят и провести обсуждение и анализ, что мы делали, и что произошло?

М. Лайтман: Можно сделать, но это не важно. Самое основное, чтобы каждый из них показывал всем, и все показывали каждому товарищу, в какой мере окружение меняет нас от одной крайности к другой и способно полностью властвовать над нами.

А. Ульянов: Не нужно говорить с ними об этом. Просто они сами вдруг начнут понимать, что кто-то из них изменился.

М. Лайтман: Но тебе необходимо дать им средства для того, чтобы они объединились ради другой цели. С помощью этого мы хотим продвинуть каждого из них к чему-то хорошему. Что нам требуется сделать? Какое качество в этом товарище мы определяем как плохое? Давайте-ка решим все вместе как группа.

И. Якович: В присутствии этого же товарища?

А. Ульянов: Даже при этом человеке?

М. Лайтман: Я считаю, что это возможно, потому что он сам заинтересован измениться.

А. Ульянов: Это нельзя сказать с полной уверенностью.

М. Лайтман: Я помню, как мой сын жаловался на то, что он и хотел бы что-то изменить в себе, но не знает, как это сделать. А если бы он был в группе, ему было бы понятно, как поступать.

А. Ульянов: Так может быть в ходе обсуждения как-то можно убедить подростка, что его положение проблематично, и тут же обратиться к группе: как нам, товарищам, ему помочь?

М. Лайтман: Этот прием можно применить в любом случае. Я помню, как одна из моих дочерей не хотела есть какое-то овощное блюдо, и вдруг пришли ее подруги и захотели отведать эту еду. И как только моя жена угостила их, она тут же начала есть с таким аппетитом, как никогда. Все это – известные вещи.

И. Винокур: Выходит, что часть встречи может быть посвящена изменению себя, и подростки могут подойти сами. У каждого из них есть устав, и зная свои недостатки, они могут прийти и сказать, что желают изменить в себе какие-то качества.

А. Ульянов: Каждый день будет наступать очередь кого-нибудь из тех, кто пожелает измениться.

М. Лайтман: Главное – взять это в свои руки, чтобы каждый из них знал, что с помощью группы может изменить любого, включая самого себя. И тогда это средство будет находиться в нашей власти. А у группы, умеющей правильно им воспользоваться, будет возможность неограниченного развития.

И. Якович: У каждого из них будет сила.

А. Ульянов: Ну что же, имея в руках такое средство, мы закончим нашу беседу с таким выводом: группа может принять человека с теми или иными свойствами и обернуть их на пользу общества и его самого.

М. Лайтман: Я считаю, что это самое главное в нашей работе с группой, и нужно дать им это средство в руки. И насколько более самостоятельными они будут и смогут эффективно его использовать, этим будет оцениваться высота и сила группы.

А. Ульянов: Как я понимаю из Ваших слов, это именно то, чего сегодня не хватает миру. Решение проблем группы подростков – это практичное решение для маленькой группы. Но если рассматривать картину в целом, то это может послужить решением всех проблем в мире, решением по выходу из кризиса.

М. Лайтман: Судите сами: если бы сегодня такие страны, как Россия и Америка, выработали бы единое решение, взяли бы бразды правления в свои руки и обуздали бы, скажем, Иран, то они с успехом могли бы это сделать.

А. Ульянов: Вот так всё и соединяется.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ И ЕДИНСТВО В ГРУППЕ

Собеседники: Анатолий Ульянов, Ирина Якович и Илья Винокур

А. Ульянов: Сегодня мы хотим обсудить очень специфическую и актуальную тему, которая касается всех, кто сталкивается с подростками. Это проблема известна, и из года в год она только усиливается. Речь идет о насилии.

И. Якович: Мы уже несколько раз говорили о том, что насилие и жестокость среди молодежи постоянно растут. Это касается отношения подростков друг к другу, их отношения к взрослым, к имуществу, – вообще к системе, в которой они находятся. На фоне непрерывного роста эгоизма следует ли нам ожидать, что эта тенденция будет усугубляться?

М. Лайтман: Конечно. Эгоизм во всем мире усиливается, люди теряют над собой контроль, создают террористические организации, устраивают массовые беспорядки. Сегодня человеку ничего не стоит открыть огонь и убить другого, совершить насилие по отношению к животным, к природе, растут случаи вандализма. Люди не знают, что делать со своим эгоизмом, он заставляет их вести себя неадекватно, и я могу их по-

нять, я их чувствую! Молодые люди выходят вечером на улицу, пьют всевозможные тонизирующие напитки, курят... Эти средства возбуждают их, и они начинают буйнить.

Проблема существует – и эта проблема растет. Учителя боятся войти в класс, но и у молодежи тоже нет выбора. Эгоистическое желание, которое постоянно усиливается, не дает им покоя, и они ищут, каким способом они могут дать выход своим чувствам. Им это необходимо, иначе они просто взорвутся, а их держат в классе, где они должны сидеть и не двигаться. Мы не понимаем, как трудно это преодолевать, и какие усилия они должны делать, чтобы вообще ходить в школу. В них накапливается такое напряжение, которому потом приходится давать разрядку дома, на улице и так далее.

И. Якович: Что же делать со случаями насилия?

М. Лайтман: Изменить школу. Прежде всего, школа должна соответствовать современному человеку. Она не может оставаться такой же, как пятьдесят лет назад...

А. Ульянов: Сто пятьдесят лет.

М. Лайтман: Верно, сто пятьдесят.

И. Винокур: Мы говорим о группе молодежи. Как группа может способствовать уменьшению насилия? Она может изменить что-то в самой подростке, склонном к насилию? Что может сделать группа?

М. Лайтман: Мы должны воспринимать группу в качестве руководителя, учителя, инструктора. Каждый, кто находится

в группе, как бы он ни хотел выделиться из нее и быть выше других, постоянно оглядывается, насколько группа его ценит, уважает и желает быть с ним рядом.

Поэтому мы должны внедрить в группу своих «агентов», но так, чтобы она не чувствовала, что мы строим ее изнутри. С помощью всевозможных действий, игр, обсуждений, подбрасывая им различные идеи, ты управляешь группой таким образом, что она каждый раз принимает желательную форму. И тогда каждый, кто захочет выделиться из группы, будет вынужден постоянно проверять, соответствует ли он ее общей форме. Другого выхода нет.

А. Ульянов: Вы считаете, что это следует делать в школах?

М. Лайтман: Это не просто, но мы видим, что только общество может изменить человека. Все зависит от того, в каком обществе он находится. Человека должно окружать динамичное, способное изменяться общество, которое может его «форматировать», обновлять, «лепить» так, чтобы он правильно развивался. Нет другой силы для формирования человека, кроме такого общества, которое является творческой лабораторией для его развития. Я бы организовывал подобные общества и организации и открывал бы в них всевозможные клубы, которые привлекали бы молодежь. Попадая в такое общество, молодой человек, не подозревая об этом, окажется в такой среде, которая может его изменить.

И. Винокур: Меня интересует вопрос по поводу «форматирования» – формирования человека. Допустим, в группу попа-

дает молодой человек, склонный к насилию. Если он выйдет из этой среды, то такие свойства, как агрессивность и склонность к насилию, вернуться, или же общество способно полностью переделать, изменить его изнутри?

М. Лайтман: Все зависит от того, насколько человек ценит это общество относительно любого другого, в котором он находится. Совершенно очевидно, что плохое общество – это совсем не обязательно общество, склонное к насилию. Иногда я смотрю передачи о молодежи, о том, как они учатся, поступают в университеты, начинают работать в банках и других организациях. Они настолько эгоистичны, ограничены, их ничего не интересует, кроме возможности преуспеть, заработать, выиграть на бирже...

С моей точки зрения, они ничем не лучше тех молодых людей, которые выходят на улицу и наносят физический ущерб окружающим и их имуществу. Это все тот же эгоизм, который естественно выражается у одних в такой форме, а у других – в другой. И те, и другие антиобщественны и вредны в равной степени и даже больше, поскольку те из них, которые идут работать в банк и становятся адвокатами, тоже крадут у общества и разрушают его. Просто они делают это в такой форме, что ты не можешь их изобличить, и поэтому у тебя нет возможности обратиться к ним и каким-то образом исправить.

Что касается подростков с неадекватным поведением, у них больше шансов быстрее достичь исправления. Поэтому я бы оценивал всех людей с точки зрения их отношения к обществу,

действуют ли они на благо или во вред обществу, а все остальное относится к характеру человека. Один выражает себя таким образом, а другой – другим. Вор не лучше бандита, а вор-банкир или вор-адвокат ничуть не лучше, чем обычный вор. Всем необходимо воспитание.

И. Винокур: Меня интересует более конкретный вопрос. По Вашему совету мы провели в группе несколько мероприятий, в том числе вечер на природе, который организовали сами подростки. Это было исключительно удачное мероприятие, самое удачное из всех, которые мы проводили до сих пор. Но вместе с тем, на этом вечере произошло столкновение двух подростков. Один из них демонстративно выключил сотовый телефон другого, и тот его ударил. Мы видели только часть этого инцидента. Как мы, инструкторы, должны реагировать на такие происшествия? Должны ли мы немедленно принимать меры или нам следует отложить это на потом? Что мы должны делать?

М. Лайтман: Через несколько минут, когда страсти поутихнут, мы должны собрать всех товарищей, чтобы они категорически осудили поступок как одного, так и другого.

Когда между нами возникает конфликт, прежде всего, мы должны промолчать и разойтись. Каждый должен пойти в свою компанию, излить там весь свой гнев и все недовольство, а обе группы должны выслушать и вынести дело на обсуждение. Только таким образом мы должны подходить к решению проблемы, и от этого все только выиграют.

И. Винокур: Обсуждение должно происходить сразу?

М. Лайтман: После того как я рассказал о тебе, а ты рассказал обо мне, и мы выразили свое негодование, разгоряченная молодежь из двух групп встречается, но не для того, чтобы выяснить отношения в драке, а чтобы обсудить ситуацию. И здесь уже можно кричать и возмущаться, но, в конце концов, надо подняться над всеми эмоциями и трезво прийти к пониманию того, в чем прав или не прав каждый. Так происходит в суде, только в отличие от суда у нас другие законы.

И. Якович: Иначе говоря, здесь есть два этапа...

М. Лайтман: Сначала я изливаю свое возмущение, но не на конкретного человека. Я прихожу в свою «банду» и говорю: «Меня побили», – я накручиваю и подогреваю их, и они идут за меня мстить, только здесь они идут не драться, а обсуждать, выяснять.

И. Якович: То есть Вы ожидаете от них определенной сдержанности в случае физического насилия. Вы говорите: «Иди и выражай свое возмущение среди своих друзей, а не бей другого». Значит, на первом этапе надо научить молодого человека в ответ на насилие дать выход своему раздражению в другом месте.

М. Лайтман: Это все равно приносит мне облегчение, поскольку я все-таки даю себе разрядку.

А. Ульянов: Но ведь это удар по самолюбию.

М. Лайтман: Поэтому я хочу, чтобы мои друзья тоже возненавидели моего обидчика. Кстати, девочкам это удастся легче всего, и обычно они так и делают.

И. Якович: Совершенно верно! Именно так они и поступают, и вся компания немедленно узнает, что произошло...

А. Ульянов: ...согласно версии этой девочки.

М. Лайтман: Это неважно, версии мы потом сравним.

И. Якович: Вы даете человеку возможность проверить себя в группе, в которой он чувствует себя уверенно, и тогда одна группа выступает против другой.

М. Лайтман: Внутри своей группы человек может возмущаться и сердиться. В каждой группе есть люди спокойные, а есть еще более горячие, чем он сам.

И. Якович: Вы не боитесь, что это вызовет излишний накал страстей?

М. Лайтман: Пусть вызовет, а потом начнется обсуждение. На обсуждении тоже сначала пусть кричат; надо дать им возможность выговориться.

И. Винокур: А кто должен говорить, «адвокаты потерпевшего» или он сам?

М. Лайтман: Сначала надо просто посадить две группы одну против другой и дать им волю.

И. Винокур: То есть Вы советуете максимально утрировать ситуацию и «выпустить пар».

И. Якович: С условием, что они не применяют физическое насилие, а только разговаривают.

М. Лайтман: Это тоже может сильно задеть, но это неважно! Мы готовы к этому, это необходимо! Человек должен дать выход своим чувствам!

И. Якович: Вы же понимаете, что там будут словесные оскорбления.

М. Лайтман: У нас есть чувства и разум. Когда эмоции преобладают над разумом, им надо дать возможность успокоиться. Каким образом? С помощью горячих споров и шумных обсуждений. В конце концов, человек – это машина, которая устает. Поэтому надо дать людям выговориться. А когда разум и чувства придут к равновесию, можно начать разговаривать.

И. Винокур: Один из принципов нашей работы, о котором мы все время говорим, состоит в том, что инструктор должен предложить форму для выражения любого проявления эгоизма или неправильного взаимодействия между людьми. В таком случае никакое явление не превратится в потасовку и не выйдет из-под контроля. Это может быть организовано в виде игры или в другой форме.

М. Лайтман: Все надо проводить через группу. Это принцип, который мы никогда не нарушаем. Что бы ни происходи-

ло между нами, мы должны привлечь к этому всех остальных. Мы учим, что все, что мы делаем, мы делаем в рамках группы, мы никогда не обращаемся к самому ребенку.

И. Якович: Но ведь может оказаться, что группа получает удовольствие от самого скандала? Мы должны остановиться и провести обсуждение, но группа в этом не заинтересована.

И. Винокур: Я продолжу историю происшедшего инцидента. Это произошло в лесу, мы жарили мясо на огне, и нам не хотелось портить всем вечер из-за каких-то двух ребят.

М. Лайтман: Тогда сделайте это потом. Если обсуждение можно отложить, это даже лучше!

А. Ульянов: Чтобы они охладились.

М. Лайтман: Но желательно все-таки сесть и обсудить происшествие, потому что на следующий день они уже все забудут.

И. Винокур: Мы обратили внимание на интересное явление и не знали, как к нему относиться. Когда мы увидели, что один из ребят плачет, и спросили всех, что произошло, часть из них сказали, что ничего не произошло. Они не хотели заострять на этом внимание, хотели это скрыть. Мы не знали, как это воспринимать. С одной стороны, они покрывают друг друга, и в этом проявляется товарищество. С другой стороны, это вредит духу группы и единству. Как к этому надо относиться?

М. Лайтман: Если дело доходит до драки, это совершенно неприемлемо. Я не знаю, кто из них прав, а кто виноват, но

если ты решаешь вопрос с помощью драки, ты не должен находиться в группе.

И. Якович: А если бы мы не видели физического насилия, но один очень сильно обидел бы другого словами?

М. Лайтман: Это уже другое дело, но это тоже надо обсудить.

А. Ульянов: Но ведь человек замыкается в себе, он сердит и обижен! (Я ставлю себя на его место.)

М. Лайтман: Очень хорошо, пусть расскажет об этом. Все это должно быть выяснено, как и сам поступок.

А. Ульянов: Чтобы осталось сильное впечатление.

И. Винокур: С одной стороны, ребята сказали, что ничего не произошло, они хотели сгладить происшедшее. С другой стороны, мы видели, что взаимоотношениям в группе нанесен ущерб. К какому выводу мы должны подвести группу?

М. Лайтман: Показать, насколько это повредило всем. Мы хотели провести особое мероприятие, а они испортили наши планы. Они нанесли вред и себе, и группе. Обсуждение необходимо! А после обсуждения ты обязываешь их, буквально обязываешь, написать дома обо всем, что произошло: «Мы приехали в лес, чтобы провести вечер, и в процессе его проведения произошло то-то и то-то. Затем было проведено обсуждение...» Пусть напишут обо всем подробно, надо дать им домашнее задание.

И. Винокур: Это должны сделать все, или только те, кто непосредственно участвовал в инциденте?

М. Лайтман: В основном те, кто участвовал, но в конце обсуждения каждый должен сделать свой вывод.

И. Якович: Чтобы выразить то, что он понял.

А. Ульянов: Это должны сделать все, или только те двое?

М. Лайтман: Все.

А. Ульянов: Есть еще одно явление, о котором мы хотели поговорить. Некоторые из ребят хотели рассказать о том, что произошло, но они боялись, что группа отнесется к ним как к доносчикам и ябедам. Так что даже те, кто понимает, что произошло что-то нехорошее, опасается выразить свое мнение под давлением группы или нескольких наиболее сильных ее членов.

И. Якович: Это бывает очень часто.

М. Лайтман: Я их понимаю. Все дело в том, в какой группе ты находишься. Если целью группы является духовное продвижение, и мы постоянно подчеркиваем величие цели, которая достигается с помощью выяснения всех состояний, которые проходит группа, то это не донос. Это становится средством для продвижения к цели. Поэтому, если я что-то скрываю, я обкрадываю всю группу.

Мне неважно, пусть меня обвиняют. Главное, чтобы мы получили урок, благодаря которому наша группа поднимется на более высокий уровень, и все мы продвинемся. Все зависит от

того, насколько мы ценим нашу общую цель, которая достигается в исправленном обществе.

И. Винокур: То, что Вы говорите, очень важно. Наша молодежная группа находится на этапе сплочения. В ней существуют разные компании, часть из них поддерживает одних, часть – других. Чтобы привести ее к правильному состоянию, кто должен давать им величие цели – инструкторы?

М. Лайтман: Инструкторы и те, кто их окружает. Главное – это единство! Тот, кто причиняет ущерб объединению, кто нарушает его, тот самый большой преступник!

И. Винокур: В начале нашей беседы Вы говорили о «скрытых инструкторах», присутствие которых очень важно. Что должны делать «скрытые инструкторы» в такой ситуации, в случае подобного инцидента?

М. Лайтман: Даже если это «скрытый инструктор», все знают, что он инструктор. Просто обычно он не выделяется.

И. Винокур: Ребята уже довольно близки со своими инструкторами, они звонят им по телефону, приглашают на свои встречи. Что могли сделать инструкторы? Они как-то растерялись и наблюдали со стороны.

М. Лайтман: В критических случаях инструкторы должны действовать силой. Понятие «скрытый инструктор» подразумевает, что он обычно не выделяется, а немного направляет события.

А. Ульянов: Как должен был поступить инструктор, который случайно оказался бы свидетелем такого случая? С одной стороны, он близок к ребятам, он буквально один из них, а с другой стороны, у него есть полномочия инструктора, и они об этом знают. Как правильно отреагировать, если сейчас, при нем они начинают драку?

М. Лайтман: Он должен предотвратить физическое насилие.

А. Ульянов: А кто должен предложить провести обсуждение? Инструктор должен сказать: «Ребята, давайте поговорим об этом?»

М. Лайтман: Если нет выхода, инструктор открыто берется за дело.

И. Винокур: А если в процессе обсуждения возникают вопросы, не связанные с объединением, начинается выяснение того, кто прав, кто виноват. Должны ли инструкторы сказать: «Ребята, мы собрались на вечер группового объединения, и то, что произошло, вредит нашему единству», – или же группа должна прийти к этому выводу самостоятельно в процессе обсуждения?

М. Лайтман: Желательно провести как можно более широкое обсуждение, чтобы немедленно перевести его от эмоционального обсуждения к рациональному. Когда ты привлекаешь к обсуждению людей, чувства которых не задеты, они начинают рассуждать, размышлять. Включается разум,

который разбавляет эмоции, и обсуждение становится более упорядоченным, организованным, пригодным к анализу.

И. Винокур: Если я правильно понял, после такого происшествия сначала должно произойти охлаждение эмоций. Людям надо дать возможность разрядиться, а затем перейти к осмысленному обсуждению.

И. Якович: После того как человек дает выход своим эмоциям, он способен перейти от осуждения к другому взгляду на события. А Вам не кажется, что на самом деле это очень трудно сделать?

М. Лайтман: Я не думаю. Если мы привлечем к этому обсуждению хотя бы одного-двух человек, кроме тех, кто был непосредственно замешан в ссоре, это сразу будет выглядеть иначе.

А. Ульянов: Наша беседа подошла к концу. Мы говорили на болезную тему, которая называется «Насилие», о причине насилия – развитии эгоизма в человечестве – и о том, как практически справляться с насилием в группе детей и подростков. Каждый случай проявления насилия надо вынести на всеобщее обсуждение. Надо дать выход эмоциям, чтобы затем позволить разуму взять верх над чувствами, и после этого дома надо дать детям возможность подвести итоги и написать об этом. И самый главный вывод состоит в том, что все эти проблемы и всплески эгоизма только продвигают нас к цели, которая больше всех нас, и это – объединение между нами.

ВОСПИТАТЕЛЬ ПОДРОСТКОВОЙ ГРУППЫ

Собеседники: Анатолий Ульянов, Ирина Якович и Илья Винокур

А. Ульянов: Сегодня мы обсудим очень важную для построения молодежной группы тему: образ воспитателя подростковой группы.

И. Якович: В процессе развития у подростков часто проявляется состояние пустоты. Они уже не согласны во всем следовать за родителями, но еще ничего не сделали для своего внутреннего самоопределения. Поэтому они ищут всевозможные образы для подражания, пытаются им следовать, порой просто их перенимая. Нужно ли, чтобы на этом фоне у них был воспитатель или группа воспитателей?

М. Лайтман: О каком возрасте Вы говорите?

И. Якович: С 12-13 лет и далее, то есть средние и старшие классы. Что для них хорошо?

М. Лайтман: Я думаю, что в жизни человека нет такого периода – даже в преклонном возрасте, – когда у него нет воспитателя-инструктора. Назовите его духовным учителем,

высшим проводником, ангелом – не важно. Так следует из строения духовной системы. Двигаясь по лестнице ступеней, я всегда должен на кого-то полагаться, на кого-то опираться, с кем-то быть связанным. А он связан тоже – и так все.

И. Якович: Иначе говоря, существует система, и я себя не создаю?

М. Лайтман: Конечно. Чувствовать себя одиноким в пустом пространстве, безусловно, плохо. Мы еще почувствуем отрицательные последствия того, что позволяем нашим подросткам оставаться без положительного воздействия, без инструктора, без посоха, который ведет их вперед.

И. Якович: Это наносит вред.

М. Лайтман: Да. Поэтому инструкторов и воспитателей в человеческом обществе должно быть очень много. Причем не обязательно в школе: в каждом районе, квартале, на каждой детской площадке должен быть кто-то ответственный, воспитатель. Стоит платить этим людям зарплату, чтобы они профессионально занимались организацией детей, умели увлечь их и уберечь – некая общая постоянная няня. Такая сеть воспитателей должна быть с детьми постоянно, как сказано: «Охранников и судей поставь себе в каждых воротах». Они сторожат, организуют, воспитывают и направляют всех, начиная с самых маленьких и заканчивая взрослыми. Таких людей необходимо разослать в самые разные места, и они должны буквально охранять человеческое общество.

И. Винокур: Каким должен быть инструктор? Вы можете описать его образ?

М. Лайтман: Он должен быть образованным: психолог, знающий свое дело, изучающий специфику внутренней связи между людьми, воздействие окружения. Он должен знать основы педагогики, особенности поведения разных возрастов, понимать человеческую природу и в разных жизненных ситуациях организовывать мероприятия для детей, пенсионеров и т.д. Такие люди, упорядочивающие человеческое общество, подобны воспитательнице в детском саду. Но они работают со всем населением и должны быть во всех общественных местах – вместо полиции и других служб, которые от имени государства якобы должны охранять порядок. Однако нужно воспитывать – охранять нечего. Я бы в первую очередь побеспокоился об этом. И тогда мы бы получили другое общество, другое поколение. Мы не осознаем, насколько наши разносторонние хорошие отношения положительно повлияли бы на экономику, здоровье, климат, технологическое развитие – вещи, вроде бы напрямую не связанные с поведением человека. Тем не менее, мы достигли бы успеха во всех сферах.

И. Винокур: А какова роль воспитателя подростковой группы? Что он с ними делает?

М. Лайтман: Воспитатель подростков – самая проблемная профессия, мы это знаем.

И. Якович: Это очень не похоже на детского воспитателя.

М. Лайтман: Не похоже ни на воспитателя детей, ни на организатора пожилого населения, которое с тобой согласно, готово на все и за все благодарит. А подростки развиваются, ищут свободу, хотят себя проявить, перевернуть мир согласно своему пониманию, прогнуть всех на свой лад. И инструктор должен быть с ними – до такой степени, что возглавит эту шайку! Хитроумными приемами он должен убедить их изменить направление, чтобы они этого даже не заметили. А если и заметят, то почувствуют для себя пользу от этих изменений. В процессе таких упражнений они постепенно будут узнавать, что с ними происходит, к чему они направляются. В конечном счете, инструктор ведет их в нужном направлении. Это должен быть очень сильный человек, привлекающий к себе внимание, знающий, успешный, блестящий, красивый, не намного старше их. Таким скрытым образом он среди них работает.

И. Якович: Нужно ли, чтобы он работал один?

М. Лайтман: Нет, обычно такие люди работают в паре.

И. Якович: Два парня на каждую группу?

М. Лайтман: Два парня или парень и девушка. Пока это общие рекомендации, с которыми нужно работать. Но без такого человека, который находится в среде подростков, у нас нет над ними никакой власти. Власть может быть еще в том, что мы организуем места, где они собираются. Но это должны быть клубы в их стиле, а не просто еще одна школа. Нужно давать им то, что они хотят, и постепенно формировать из них силь-

ную команду, внутренние конфликты в которой будут постепенно сглаживаться, и формировать у этой группы правильные жизненные ориентиры.

И. Винокур: Итак, мы получили практический совет «воспитывать отрока по пути его», буквально опустившись на его уровень.

М. Лайтман: Мы должны понять, что есть период, называемый осознанием зла, в который нужно погрузиться: впитать разочарования, ощутить удары, пройти через неприятные ситуации: кражи, столкновения, звездную болезнь и т.д. Это должен испытать каждый – такова наша жизнь. И мы видим также на примере животных, что они позволяют своему потомству ошибиться и получить наказания. Без этого невозможно научиться правильному поведению.

А. Ульянов: Инструктор создает такие ситуации?

М. Лайтман: При определенной охране и издалека. Мы уже говорили в предыдущих беседах, что можем снять различные ситуации на видео, а затем изучить происходящее. Тем самым мы ускоряем эти периоды, но дети обязаны их пройти: нельзя ничего у них забирать, чтобы потом чего-то не хватало.

И. Якович: Этот период характерен тем, что в основном подростки «взламывают» границы.

М. Лайтман: Верно. Но они должны эти границы почувствовать, а без прорыва это не получится.

И. Якович: Значит, этого не избежать. Но должны ли они прийти до краж и других отклонений?

М. Лайтман: Да. Ребенок должен почувствовать, что значит украсть. А как же он узнает, что этого делать нельзя, не стоит, что это плохо, некрасиво? «У меня украли», «я украл» – нужно даже привести его к этому, но правильно, в виде учебы. А как иначе?

А. Ульянов: Спровоцировать падение, чтобы из него научиться новому поведению.

М. Лайтман: «Ум приходит с опытом» – это ясно.

А. Ульянов: Но мы говорили, что с помощью воздействия окружения можно предупредить плохие поступки.

М. Лайтман: Нет. Предупредить можно, только когда ты знаешь, что именно предупреждаешь. Ведь что значит «быть себе судьей»? Это значит, что я и преступник, и вор, и взломщик, но также и судья себе! А если я не совершил этих нарушений, что же я буду судить?!

И. Винокур: Давайте вернемся к началу. Допустим, собирается группа подростков. Что должен сделать инструктор, чтобы они его приняли, как своего? Например, меня они считают взрослым, положительным, рядом с которым нужно вести себя хорошо.

М. Лайтман: Я не думаю, что это зависит от возраста. Ведь если ты подобен им по духу, то они не особенно видят возраст.

Они видят, что ты во всех делах действуешь вместе с ними. И тут ты с большим умом должен подстроить им различные запрещенные вещи, чтобы они их коснулись.

И. Винокур: Что, например?

М. Лайтман: Клуб, немного выпивки, столкновения.

И. Якович: Прогулки?

М. Лайтман: Прогулки – это нечто спокойное. Вы сразу тянете нас к чему-то хорошему, а я сейчас говорю об осознании зла: как мы проводим их через познание зла.

И. Якович: Что означает «познать зло»?

М. Лайтман: Ты хочешь гулять ночью по городу и посещать увеселительные заведения? – Мы их тебе здесь устроим!

И. Якович: Но если это устраивают взрослые...

М. Лайтман: Нет-нет! Понятно, что это будет не так. Мы устроим это в такой форме, что они почувствует все, что захотят почувствовать. Но это будет в небольшой мере. Затем можно показать в увеличении те небольшие удовольствия, которые они попробовали, и обсудить, сделать расчет: правильно это или нет, хорошо или нет? Что о тебе думали, как ты сейчас к этому относишься и т.д. Это не просто. Но когда я утром иду на море и вижу молодежь, которая встает после ночных кальянов в ужасном виде, то думаю: с каким результатом они встают? Такая ночь вполне может быть, но что дальше? Их тя-

нет к продолжению? Они встают с тяжелым ощущением, разбитые возвращаются домой. Конечно, воздействует мнение общества: все так делают – и мы тоже. Но нет никого, кто бы тут же привлек их внимание и незаметно увлек к чему-то другому. Это большая проблема. Мы должны понимать порывы молодого поколения и показать, что их можно реализовать правильно. Но реализовать! Невозможно только ограничивать человека – мы видим, что из этого ничего не получается.

И. Винокур: Здесь возникают два важных вопроса. С одной стороны, есть опасность преклонения, если подростки будут почитать инструктора и смотреть на него как на божество.

М. Лайтман: Он должен быть как товарищ.

И. Винокур: С другой стороны, инструктор должен подавать личный положительный пример, ведь на него смотрят.

М. Лайтман: Вовсе нет. Ты делаешь все, что делают они, но постепенно, скрыто и умело начинаешь проявлять отвращение к этим вещам, показывая, что их можно реализовать в гораздо лучшей, безопасной и уважаемой форме. «Уважаемая форма» означает, что хотя «запретный плод сладок», тебе не будет стыдно.

И. Винокур: У инструктора есть несколько окружений: работая с подростками, он находится в их обществе, на их уровне, вместе с ними. Но у него есть также окружение взрослых, в частности, его товарищи. Как это сочетается? Каждый раз при виде молодежи он немедленно опускается на их уровень или

все-таки ведет себя как человек, у которого есть важная цель в жизни? Как разделить эти два мира?

М. Лайтман: Проблема взаимодействия с миром актуальна для нас всех. Обращаясь к нему, мы включаемся в его беды и проблемы – как молодого поколения, так и всего страдающего человечества, которое стоит перед вечными вопросами и не в состоянии на них ответить. Неосознанно эти же вопросы задает молодежь. Они спрашивают о глубоких вещах, даже если не умеют, стесняются или боятся их выразить. Но эти вопросы у них есть, и их очень привлекают серьезные размышления о жизни, о смысле существования, выраженные в песнях и стихах.

Даже их поиски в различных ночных развлечениях направлены на то, чтобы найти главное в жизни. Молодой человек ищет именно это: почему, зачем, что есть внутри каждого явления? И если мы от раза к разу как бы между делом будем об этом говорить – с помощью песен под гитару, сидя в кругу на берегу моря, – то сможем много достичь. После такой ночи они могут вернуться с совершенно иным отношением к жизни. И это зависит от того, насколько ты пытаешься коснуться сердца человека. Он очень чувствителен в этом возрасте, и его истинный поиск гораздо глубже того, что он в своей бравате хочет показать. Именно здесь проявляется искусство инструктора.

И. Винокур: Должна ли молодежь понимать, что хотя инструктор участвует с ними во всех их делах, он серьезный че-

ловек, для него важен смысл жизни, на него можно положиться? Или они смотрят на него просто как на товарища?

М. Лайтман: Нет. Они все-таки должны чувствовать его как товарища, возле которого можно быть самим собой, ничего не стыдясь. Ведь завтра он не будет сидеть с их родителями, а их выставят за дверь.

И. Якович: Именно об этом я думаю. Он должен быть именно той личностью, которой всё рассказывают? Не много ли нагрузки на одного человека?

М. Лайтман: Их может быть несколько. Но, конечно, это должны быть молодые люди. Ты можешь быть общим руководителем, а те, которые работают с ними практически, должны быть старше их не больше, чем на 3-4 года.

А. Ульянов: Они должны действовать рядом с руководителем или самостоятельно? Он должен приходить вместе с ними?

М. Лайтман: Нет-нет, он для них, как настоящий «динозавр».

И. Винокур: И все-таки у молодежи есть тенденция к почитанию. Вы говорили, что инструктор – личность яркая, привлекательная.

М. Лайтман: Нет, в таком случае это не так. Здесь он инструктор тайный: идет вместе с ними на любое дело.

А. Ульянов: То есть рядом с инструктором должна быть особая группа товарищей в возрасте 18-19 лет...

М. Лайтман: ...которые, собственно, действуют. Именно они идут с подростками на берег моря, в клуб, на вечеринку.

А. Ульянов: Покупают пиво, возят.

М. Лайтман: Играют роль бывшего мужчины, мачо: у меня есть машина, пиво в багажнике и т.д. Тем самым он их подкупает и может увлечь в правильном направлении. Это целый процесс, который необходимо спланировать и даже снять скрытой камерой. (Смех.)

И. Винокур: Согласно сценарию это сделать не трудно.

М. Лайтман: Открытая съемка их ограничит, а снять тайком очень заманчиво. Затем решим, как это использовать.

И. Винокур: У меня есть еще вопрос. До сих пор мы говорили о мальчиках, о том, что они любят делать, а как обстоят дела с девочками?

М. Лайтман: Разве девочки в этом не участвуют?

И. Винокур: Именно об этом я спрашиваю: это смешанная группа?

М. Лайтман: Действуйте, как обычно. Мы смешиваемся с ними, как сказано мудрецами: ты обязан спуститься к человеку туда, где он находится, буквально на его уровень, там с ним обняться и затем поднять его наверх. Так спасают тонущего

в море: нужно добраться до него, схватить его и вытащить на берег.

И. Якович: А если он не хочет обниматься с девочками в смешанной группе?

М. Лайтман: Инструктор должен быть для всех и везде.

И. Винокур: А когда устраиваем обсуждение и хотим внедрить некую духовную искру...

М. Лайтман: Возьми гитару, и начни говорить о песне. Они с легкостью включаются в такие дискуссии, любят их.

И. Винокур: Значит, не проблема, если во время обсуждения происходит столкновение между девочками и мальчиками, один пол обвиняет другой?

М. Лайтман: В том-то вся прелесть!

И. Винокур: Но где же цель обсуждения, если они заняты собой?

М. Лайтман: В процессе обсуждения они забывают о девочках и мальчиках под впечатлением серьезности самой темы. Вы касаетесь таких точек, что их уже не волнует противоположный пол. Им можно показать границу: сначала речь идет на уровне, где каждый все еще настроен на игру полов, а потом все вдруг поднимаются туда, где властвуют чувства, важность, смысл жизни.

И. Якович: Где все просто люди – не важно, мальчики или девочки.

И. Винокур: Но ведь группа должна расти. Управляет ли инструктор этим ростом, постепенно добавляя серьезности?

М. Лайтман: Какая серьезность? Нет! Просто поем под гитару. И не один инструктор, а несколько человек на группу – целая сеть. Человечеству и так нечего делать – мы искусственно создаем рабочие места. Поэтому пусть все учатся тому, чтобы быть воспитателями для себя, а самые способные должны работать на этом поприще постоянно. Это трудная задача, а не просто работа.

А. Ульянов: Подведем итог. Прежде всего, мы сказали, что есть два типа воспитателей-инструкторов: один ответственный за организацию среды, в которой развивается молодое поколение, а другие – в возрасте 18-19 лет – практически работают с подростками 14-16 лет.

М. Лайтман: То есть различие в возрасте небольшое.

А. Ульянов: Организатор тоже молодой человек.

М. Лайтман: Он сидит в офисе. (Смеются.)

А. Ульянов: Но он должен направлять своих молодых коллег.

М. Лайтман: Система инструктажа должна быть очень четкая – как настоящий университет. Без создания такой сети мы не оздоровим человечество, и это самая большая проблема – проблема воспитания. Здоровье, климат, технологии – все, чем мы занимаемся в этом мире, зависит от отношения людей друг

к другу. Мы с этим непременно столкнемся и будем вынуждены этой проблемой заняться.

А. Ульянов: Вы также сказали, что этому возрасту свойственна внутренняя склонность к поиску более глубокого смысла явлений, только нужно помочь им это выявить.

М. Лайтман: Всем возрастам присуща эта склонность. Вопрос только в том, как ее покрепче ухватить – тогда она тут же проявляется.

А. Ульянов: Я надеюсь, что нам удастся это сделать.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОСПИТАТЕЛЯ С ПОДРОСТКАМИ

Собеседники: Анатолий Ульянов, Ирина Якович и Илья Винокур

А. Ульянов: Сегодня мы обсудим, какие рамки общения нужно установить между руководителем и группой подростков.

И. Якович: Как правильно выстроить форму общения с подростками? Должен ли руководитель всегда держать дистанцию, или же допустимы дружеские отношения между ним и учениками? Ведь группа подростков очень сильно отличается от группы детей младшего возраста. Подростки настроены более воинственно, их поведение часто выходит за рамки общепринятого. Как может учитель справиться с этими проблемами наилучшим образом? Когда он должен быть к ним требовательным, а когда – как бы стать одним из них?

М. Лайтман: Он должен быть одним из них, только более осторожным. То есть он должен их предостерегать от необдуманных поступков: «Может быть, нам не стоит этого делать. Смотрите, к чему это может привести». Только так.

А. Ульянов: То есть он будет всех раздражать...

М. Лайтман: Нет, он не должен их запугивать, а просто быть предусмотрительным.

И. Винокур: Я хочу взять для примера конкретный случай. Мы работаем с группой подростков, и вот что происходит. Многие постоянно опаздывают на наши встречи на 15-20 минут. Есть довольно большое количество ребят, которые мешают на занятиях, и это вызывает определенные сложности. Скажем, невозможно провести какое-то обсуждение. Так вот, стоит ли нам, ведущим эти занятия, как бы «плыть по течению» вместе с ними и пытаться временами что-то обсуждать. Или же мы должны строго сказать: «Сейчас будет обсуждение. Пожалуйста, видите себя тихо». Тогда, с одной стороны, нам удастся провести это обсуждение, а с другой стороны, обсуждение проходит вяло, подростки никак себя не выражают. Мне кажется, что это приведет к тому, что они перестанут приходить на эти встречи. Как установить наиболее подходящие рамки общения с ними?

М. Лайтман: Вопрос вовсе не в этом. А с какой целью они приходят на эти встречи, и есть ли она у них вообще? Знают ли они, что в результате обсуждения должны прийти к каким-то выводам? Важна ли им сама цель этой встречи? Можешь ли ты уже показать им, что тот, кто опаздывает или мешает, не достигнет этой цели, что он что-то теряет?

И. Винокур: Пока еще нет. Все дело в том, что они только сейчас начинают становиться группой, и тот, кто мешает, вы-

зывает в них своего рода восхищение. А если кто-то опаздывает, – они не видят в этом ничего особенного. Они пока еще не чувствуют, что теряют что-то. Так вот, мой вопрос о первых этапах их становления как группы...

М. Лайтман: Тогда сделай иначе. Как только они придут, займи их чем-нибудь интересным, чтобы тем, кто опоздал, стало жаль, что они что-то пропустили. Но только, чтобы им действительно было жаль!

И. Якович: Чтобы к этому невозможно было вернуться.

М. Лайтман: Да. Если не сможешь ничего придумать, дай им посмотреть какой-нибудь клип, причем, только присутствующим. А опоздавшим скажи: «Мы уже закончили смотреть, теперь мы перешли к обсуждению».

А. Ульянов: А не отключит ли это от группы того, кто опоздал?

М. Лайтман: И пусть почувствует себя оторванным от группы!

И. Якович: Это ведь именно то, чего мы хотим добиться.

А. Ульянов: Это ясно. Но потом ведь получается, что я не дал ему возможности участвовать в обсуждении...

М. Лайтман: Ты не дал ему возможности? Ладно. В следующий раз он его не пропустит. А какой у тебя выход? Разве можно поступить как-то по-другому?

И. Винокур: Я видел, как младшие дети, возраста 6, 9, 10 лет с удовольствием участвуют в таких обсуждениях. Просто

приятно наблюдать за ними. Они сидят вместе со своим руководителем, поднимают руки, желая высказать свое мнение. Там царит очень приятная атмосфера. И в противовес этому – подростки, которые мешают, смеются...

М. Лайтман: Потому что каждый хочет показать себя.

И. Винокур: Верно. Каждую секунду выкидывают какие-то фокусы. И если мне, несмотря ни на что, все-таки удается что-то с ними обсудить, то я просто благодарен им за то, что они вообще пришли. И я говорю это совершенно серьезно. Поэтому я опять-таки спрашиваю о том, как поступить – сказать им: «Давайте проведем обсуждение так, как это положено». Или же я иду у них на поводу, и если удастся обсудить один-два вопроса, то это уже хорошо. А может быть, просто должно пройти время, пока они не научатся создавать атмосферу, которая подходит для обсуждений? Как вести себя с ними?

М. Лайтман: Я думаю, что желательно с самого начала решить с ними, для чего мы проводим эти встречи, чего мы хотим добиться. И если у всех нас есть общая цель, то давайте сделаем так, чтобы каждый постарался сделать все от него зависящее, чтобы все мы достигли этой цели.

И. Якович: Может быть, стоит на каждой встрече напоминать о цели?

М. Лайтман: Обязательно! Ведь они не знают, зачем приходят, и поэтому каждый хочет «высунуться», показать себя мачо. А если есть цель, и все о ней думают, стремятся выяс-

нить какие-то вопросы, что-то обсудить и в конце этого обсуждения прийти к каким-то интересным выводам или что-то увидеть, или даже получить какое-то угощение, тогда каждый будет чувствовать ответственность, чтобы своим поведением этому не помешать. Ты должен им это показать, но без нажима.

А. Ульянов: Или пусть вся группа почувствует, что он мешает...

М. Лайтман: Да.

И. Винокур: Вопрос в том, как же все-таки поступить: постараться быть терпеливым и дать им возможность привыкнуть в течение нескольких встреч или же с самого начала установить для них определенные рамки поведения? Мы задали им этот вопрос, и они ответили, что хотят стать сильной группой, только сделать это по-своему. «Пусть кто-то мешает, смеется, рассказывает анекдоты, – но мы хотим так».

М. Лайтман: Мне вовсе не мешает, что между занятиями кто-то расскажет анекдот. Но продвигает ли их этот анекдот к чему-то? Пусть рассказывают анекдоты, которые связаны с обсуждаемой темой... Я готов слушать анекдоты. Теперь пусть каждый расскажет анекдот, – это обязательно! Но только в связи с обсуждаемым материалом.

И. Винокур: Значит, мы всегда должны идти по их пути, но двигаясь к цели.

М. Лайтман: Да. Как говорится, умная жена идет с мужем туда, куда он ее ведет, но всегда сумеет привести его туда, куда ей нужно. В этом и состоит мудрость. Вы хотите анекдоты? – Пожалуйста. Вы хотите шуметь, петь прыгать, – неважно, что делать. Это приведет нас к цели? – Тогда – сколько угодно.

А. Ульянов: А кто будет решать, продвигает ли это к цели?

М. Лайтман: Мы вместе с ними. К этому нужно прийти в итоге обсуждения или в конце встречи. Пожалуйста, делайте, что хотите. Можете даже ходить по потолку, если это продвигает к цели.

А. Ульянов: А если обсуждение не привело к цели?

М. Лайтман: Неважно. Главное, что мы стремились ее достичь разными способами.

А. Ульянов: А если, скажем, мы определили вместе с ними цель, но в процессе обсуждения забыли. Мы шутили, смеялись. Нам было приятно. И цель уже не была такой важной – все просто получили удовольствие от общения...

М. Лайтман: Это тоже может быть хорошо. Потому что все соединились вместе в приятной атмосфере. Но все-таки, если ты не приучишь человека видеть цель, все просто будут «плыть по течению». Ты не сможешь ни с кого ничего потребовать. А так – ты им скажешь: «Мы вместе решили. Вы это решили».

И. Винокур: Как лучше всего объяснить им эту цель? Нужно ли каждый раз заострять на этом внимание, выяснять вместе с ними? Сам руководитель должен им это объяснять?

А. Ульянов: И в чем, по Вашему мнению, должна состоять цель такой встречи подростков?

М. Лайтман: Неважно, что вы решите. Пускай эта цель будет самой глупой, но она должна дать тебе возможность заставить каждого из них следовать ей. А иначе они будут приходить, чтобы просто провести время.

И. Винокур: А если в группе находятся подростки, которые постоянно мешают, и все остальные это тоже чувствуют?

М. Лайтман: Среди публики всегда есть 20% людей, которые мешают. «Так, где тут в группе эти 20%? – Миша, Саша, Юра? – Прекрасно. Продолжайте мешать, но только в рамках нашего обсуждения. Подберите нам подходящие анекдоты, еще какие-то подходящие вам вещи – пожалуйста. Но только чтобы это было связано с целью. Посмотрим, на что вы способны».

И. Винокур: Это должен сказать им руководитель?

М. Лайтман: Нет-нет! Как изначально они сами выбрали цель, так и потом должны руководить всем этим процессом.

И. Винокур: Я слышал, как в нескольких программах Вы рассказываете о разных способах разрешить все эти ситуации, когда кто-то из детей мешает. Либо снимать их на видео, а потом показывать им снятый отрывок о том, как они себя вели. Либо дать возможность группе обсудить их поведение, либо, как Вы говорите сейчас, руководитель должен установить им некие рамки. Какой из способов самый лучший?

М. Лайтман: Руководитель не должен этого делать, это не годится. Он просто как бы наблюдает со стороны. Пусть это решают сами подростки.

А. Ульянов: Иными словами, руководитель должен мягко подвести их к той цели, которую он выбрал.

М. Лайтман: Мы ведь всегда говорили о том, что он находится там, внутри.

А. Ульянов: Он – один из них.

И. Винокур: В группе подростков, которая только начинает свое становление, всегда есть несколько ребят – «вожаков». Они хотят устраивать вечеринки, встречаться с девочками и т.п. И я вижу, что остальные члены группы (особенно те, кто младше) хотят доставить им удовольствие, думать, как они, делать то, что они говорят. Мне кажется, что это мешает им быть самими собой. Как должен руководитель относиться к такому явлению?

М. Лайтман: Ты не можешь их ограничивать и не можешь ничего изменить. Есть дети-молчуны, а есть те, кто любит шуметь, прыгать, и есть лидеры. Это свойственно любому обществу. Мы наблюдаем это и среди взрослых. И детское общество, как и общество взрослых людей, тоже начинает разделяться на разные типы людей. У нас нет никакой возможности давить на них, чтобы привести их к одному уровню. Наоборот, нам нужно только правильно воспользоваться их склонностями. Скажем, научить младших детей анализи-

ровать, за что они могут уважать старших детей. А старшие должны задуматься о том, какую шкалу ценностей они несут всем, достойно ли это, и так далее.

А. Ульянов: Есть такая методика, когда именно тех, кто является лидерами в группе, назначают лидерами, только заранее определяют для них направление. Скажем, инструктор проведет встречу с 3-4 такими ребятами, а потом будет общая встреча со всеми. При этом те трое-четверо уже получили то внимание, которое им, в принципе, и нужно, и теперь они чувствуют, что ведут всех вперед.

М. Лайтман: Да, ты как бы переманиваешь их на свою сторону.

И. Винокур: Мы заметили, что несколько личных предварительных встреч с ними буквально меняют характер встречи со всей группой.

М. Лайтман: Конечно. Ведь ты придаешь им важность в собственных глазах, возлагаешь на них какие-то функции.

И. Винокур: К примеру, руководитель приходит на встречу с группой подростков и видит, что один из них – харизматическая личность, и он естественным образом становится лидером в группе. Как должен к этому относиться руководитель?

М. Лайтман: Как лучший доверенный друг.

И. Якович: Этого подростка?

М. Лайтман: Нет, этот подросток должен стать доверенным другом руководителя, они как бы должны вместе работать. Руководитель должен проводить с ним личные встречи, относиться к нему с уважением, показывая, что через него он решает какие-то вопросы с группой. Если у парня действительно есть склонности к лидерству, так почему же не воспитать из него настоящего лидера?

И. Якович: А разве это не вызовет зависть остальных, причем очень быстро? Может быть, стоит развивать эти качества у нескольких ребят, чтобы они работали вместе?

М. Лайтман: Да, это ясно, но это они уже умеют делать. Я бы предложил сделать нечто обратное. В наше время мы являемся свидетелями тому, как весь мир переворачивается. Я бы предложил сделать «переворот» в группе – поставить «тихонь» над лидерами. Сыграть в такую игру: «калиф на час». И даже несколько принизить этих лидеров. А тихони, наоборот, станут лидерами. Давай, проведи с ними такую игру.

И. Винокур: И мне кажется, что как раз через такую игру они примут все эти условия.

М. Лайтман: Пусть они почувствуют, что такое переворот. Ведь он происходит в разных странах, даже в разных слоях общества, и на работе, и в парламенте. Это может случиться всюду: лидеры «падают», а на их место приходят другие. Вот пускай и увидят, что это такое.

А. Ульянов: А поскольку это игра, то лидеры ее примут.

М. Лайтман: Да-да. «Ты был царем? А теперь тебя свергли. Давай посмотрим, что это означает».

А. Ульянов: Но как создать мотивацию у «тихонь»? Ведь в каждой группе, кроме лидеров, есть такие ребята, которые незаметны, они как бы находятся сзади...

М. Лайтман: Ты должен их «зажечь», пробудить в них разрушительную силу. Она есть у каждого, только человек ее подавляет.

А. Ульянов: Но как это сделать? Я помню, пытался поговорить с одним из таких детей, и он ответил, что не хочет разговаривать, высказываться, он чувствует себя более комфортно, когда молчит.

М. Лайтман: Попробайся соединить их между собой.

А. Ульянов: Тех, кто не хочет говорить?

М. Лайтман: Да.

А. Ульянов: Верно, они обычно тянутся друг к другу.

М. Лайтман: Мы знаем это из обычной жизни. Ведь как происходят революции, перевороты? Кто их делает – простые люди, которые ничего не знают? Такой человек не может быть лидером. Обычно им вертят, как хотят.

И. Якович: Но он знает, чего хочет.

М. Лайтман: Им просто вообще плохо, и все.

И. Якович: Они хотят, чтобы им стало лучше. Но Вы даете молодым некий навык, который не всем понятен. И иногда это не работает.

И. Винокур: Это соединение между «тихонями» нужно делать в присутствии всей группы? Или как-то в стороне?

М. Лайтман: Попробуй, поиграй. Я не знаю. Я только предлагаю показать им, что могут быть и другие ситуации, кроме тех, к которым они привыкли, или тех, когда кого-то просто подавили, «загнали в угол», и он, «несчастный», так и сидит там. Кроме того, нужен индивидуальный подход. Ведь один может оказаться не слишком сильным, другой – не очень умным, третий – не таким уж хитрым, а четвертый не очень-то умеет контактировать с другими. Но каждый из них в чем-то превосходит других.

Иными словами, лидерство заключается в том, чтобы суметь организовать всех. Но умными, как раз, могут оказаться «тихони». Поэтому дай им возможность показать это свое преимущество в группе. Пусть каждый покажет, на что он способен. Скажем, вот он умеет что-то делать своими руками, а никто другой этого не может, и т.д.

И. Винокур: То есть даже организовать какие-то особые мероприятия?..

М. Лайтман: Тогда ты дашь каждому возможность выделиться.

И. Винокур: Что делать, когда возникают конфликты между лидером группы и руководителем? К примеру, один из ре-

бят захотел организовать какое-то мероприятие для всех. Мы, руководители, только посоветовали ему спросить у всех, хотят ли они в этом участвовать, потому что он собирался куда-то всех отвезти. Он спросил группу – и не нашлось желающих. Тогда он сказал, что все равно это сделает. Так что же делать, когда интересы не совпадают?

М. Лайтман: Вы должны ему показать, что придерживаетесь мнения группы и не можете ничего сделать против ее желания. Сделайте такое общее собрание в группе, на котором каждый участник будет говорить о каждом другом участнике, что он самый лучший из всех. Допустим, в нашей группе 10 детей, давайте начнем говорить о каждом, какой он хороший. Сделаем такое упражнение, даже составим список его хороших качеств.

Тогда, после таких выяснений, каждому дается оценка, желает он этого, или нет. И все начинают расти друг у друга в глазах. И никто уже не сможет сказать ни о ком, что, дескать, этот – стоящий, а все остальные – ничто, просто пыль под ногами. И тебе, как руководителю, уже будет легче совладать с тем, кто, несмотря ни на что, хочет сделать в группе по-своему.

А. Ульянов: То есть вся группа уже поняла, что важен каждый участник, и поэтому значимость индивидуума уравнилась, его личные претензии и амбиции снизились...

М. Лайтман: Вся группа. И даже если он сам не слишком ими впечатлялся, все остальные получили впечатление друг от

друга. И теперь все они уже представляют большую, по сравнению с ним, силу. И это уравнивает его с ними.

А. Ульянов: У меня есть опыт таких обсуждений, и там складываются очень смешные ситуации. Когда говорят менее успешные ребята или ребята со странными склонностями, они еще больше выпячивают свои странности.

М. Лайтман: Неважно. Надо по-доброму смеяться над этим. «Все прегрешения покроеет любовь». Несмотря на какие-то его недостатки, я все равно его люблю. Иными словами, каждый должен увидеть в другом что-то особенное. И это непросто. Это заставляет ребенка пытаться что-то сделать...

А. Ульянов: Но я не понимаю, как можно запретить ребенку сказать что-то, что может рассмешить всех остальных?

М. Лайтман: Пусть рассмешит, это не имеет значения. Но мы хотим говорить о его хороших качествах, о том, что ему удается.

И. Якович: А если кто-то будет его критиковать?

М. Лайтман: Нет, в данный момент критика не разрешается.

И. Якович: Не разрешать критику?

М. Лайтман: Нет. Позволяется говорить только хорошее.

И. Якович: Значит, просто остановить критику, но ведь она возникнет?

А. Ульянов: А если кто-то высказывает критические замечания?

М. Лайтман: Нет, мы изначально решили, что говорим только о хороших качествах. Никакой критики.

И. Якович: То есть остановить критикующих.

М. Лайтман: Да, ведь мы не ставим одно против другого, чтобы проанализировать поступки каждого из них.

А. Ульянов: Значит, мы все вместе ставим это своей целью?

М. Лайтман: Да, именно так. Допустим, у кого-то сегодня день рождения, и все остальные должны говорить о нем только приятные вещи, подчеркивая его хорошие качества.

А. Ульянов: Это непросто.

М. Лайтман: Верно, непросто. Но благодаря этому человек вдруг открывает, что возможно так говорить, что можно таким образом видеть другого. А это не естественно.

И. Якович: Верно.

А. Ульянов: Да, это своего рода открытие. Ведь человек, который занимается такими внутренними выяснениями, да и эти дети, которые проходят весь этот процесс, действительно, становятся все большими психологами. Они начинают понимать, как им сложно так поступать, и, может быть, начинают осознавать, что им мешает. Можно позже об этом с ними поговорить.

М. Лайтман: Да он ведь вообще не видит ничего хорошего! Сколько усилий ему нужно приложить!

А. Ульянов: Так стоит с ним потом поговорить о его попытках увидеть хорошее в другом?

М. Лайтман: «Смотри, как быстро ты замечаешь плохое, а для хорошего у тебя не находится слов», – это нужно им объяснить, чтобы они прочувствовали.

А. Ульянов: И обсудить с ними, почему они так чувствуют?

М. Лайтман: Да.

И. Якович: Но насколько это, на самом деле, меняет их ощущения?

И. Винокур: Да, это отличная вещь. Нужно сразу же попробовать провести такую встречу. А что для них должно быть важнее: решение группы или мнение руководителя?

М. Лайтман: Решение группы – большинства. Этому мы учим. Недаром сказано: «Во множестве народа – величие Царя». Всегда – согласно большинству.

И. Винокур: И даже когда решение группы ошибочно?

А. Ульянов: Пусть сделают эту ошибку вместе?

М. Лайтман: Но ведь они должны ошибиться, чтобы понять, что это была ошибка!

И. Винокур: И руководитель должен идти с ними до конца?

М. Лайтман: До конца! Вместе! Ты делаешь все, что они хотят, – разумеется, если это не угрожает ничьей жизни. А то вдруг им вздумается выскочить на скоростное шоссе...

И. Винокур: А как группа узнает, что совершила ошибку? Или же ей вообще не нужно этого знать?

М. Лайтман: Она не знает, и пусть узнает только из свершившегося действия. Это очень хорошо.

И. Винокур: А если как такового действия не было? Просто решили сделать что-то приятное...

М. Лайтман: Ты идешь вместе с ними, хотя заранее знаешь, что этот путь ни к чему не приведет. «Вы этого хотите? Вы считаете, что это правильно? – Я иду с вами».

А. Ульянов: А можно ли предостеречь их? Может ли руководитель им сказать: «Это ни к чему не приведет, но я – с вами»?

М. Лайтман: Мне кажется, – нет. Но можно заставить их сомневаться, задавая наводящие вопросы: «На основании чего вы так решили? Как вы проверили? Только потому, что среди вас есть те, кто с уверенностью говорит «да»? На чем основана их уверенность? Но если вы решили, мы идем вместе».

И когда получен какой-то результат, ты не должен им показывать своей правоты. Ты вместе с ними решаешь, как вернуться, как выйти из того неприятного положения, в которое все попали. Ты принял решение вместе с ними? И теперь ничем не показываешь, что думал иначе.

И. Якович: А когда делать выводы?

М. Лайтман: Это они должны сделать сами.

И. Якович: Нужно организовать обсуждение?

М. Лайтман: Да, только там ты должен молчать. Ты не празднуешь свою победу, ругая их.

И. Винокур: А как вообще принимаются решения? Скажем, нужно запланировать следующее мероприятие в группе. Это должна решать группа или руководитель?

М. Лайтман: Каждый раз решает группа, а руководитель должен только представить им возможности. Так ты учишь их быть самостоятельными.

И. Винокур: Каких серьезных ошибок должен остерегаться руководитель группы? Какие большие, «классические» ошибки могут случиться при работе с группой?

М. Лайтман: Я думаю, что цель руководителя – обрести доверие группы, стать их другом, соединиться с ними. Они должны видеть в тебе некую положительную силу – человека, который всегда сможет их понять и поддержать. Какими бы плохими они ни были, какие бы ошибки ни совершали, – ты всегда с ними! И даже если ты с ними не согласен, ты придешь им на помощь. Это то, что они должны чувствовать.

А. Ульянов: Итак, сегодня мы говорили о том, что намечая обсуждение в группе, нужно вместе с ней решить, какова цель этого обсуждения. И все, что происходит во время обсуждения, все помехи – все должно вести к этой цели. Это ощущение постоянно должно присутствовать в группе.

Мы также обсудили вопрос, как правильно использовать доминантные личности в группе, как вместе с ними вести группу к достижению поставленной цели, и чтобы при этом руководитель группы был с этими лидерами в товарищеских отношениях, чтобы никогда между ними не возникало конфликтов.

Кроме того, мы говорили о том, что нужно учиться видеть хорошее в каждом, сделать такое упражнение – попытаться рассмотреть те хорошие качества, которые есть в каждом. И тогда все смогут оценить важность всей группы, а не отдельных «выскочек».

И в конце мы сделали, наверное, самый важный вывод, касающийся руководителя группы: он должен вызывать в ребенке доверие и ощущение того, что на него всегда можно положиться.

ЗАДАЧИ И РОЛЬ ВОСПИТАТЕЛЯ В ГРУППЕ

Собеседники: Анатолий Ульянов, Ирина Якович и Илья Винокур

А. Ульянов: Сегодня мы обсудим процесс правильного взаимодействия между руководителем группы и подростками: в чем руководитель может им помочь, где ему нужно вмешаться.

И. Винокур: Речь идет о первых этапах становления группы подростков от 12 до 16, иногда до 18 лет.

М. Лайтман: И это одна группа или она делится по возрастам?

И. Винокур: В некоторых случаях такое деление существует, но у нас это все еще одна группа. Так вот, вопрос в том, как быть нам, руководителям, если эта группа подростков пока еще не сплоченная: руководить ими, направлять их и устанавливать определенные рамки общения, или же находиться «за кулисами», быть их друзьями, равными им. И кроме того, на каком этапе руководитель должен дать группе возможность полного самоуправления?

М. Лайтман: Мы никогда не должны оставлять группу без присмотра, никогда не давать ей самой управлять со-

бой. Такого не может быть. «Не существует столицы без Правителя». Мы обязаны все время находиться с подростками, пока они не станут исправленными. А до тех пор за ними нужно приглядывать. И возраст тут вовсе не имеет значения, будь то 12-летний подросток или 30-40-летний человек. Ведь в процессе духовного развития, устремляясь к соединению между собой, которое диктует нам глобальная природа, а не наше внутреннее побуждение, – мы идем наперекор своему эго, то есть продвигаемся вперед за неимением выхода.

Поэтому мы все время должны себя проверять, правильно ли мы развиваемся, не вертит ли нами изнутри наше эго, играя с нами так, что нам кажется, будто мы правы. А на самом деле это неверное направление, не соответствующее программе природы, и мы от этого только проиграем и будем получать удары, как это происходит со всем человечеством.

Вот почему в наших группах нам всегда нужны руководители и те, кто снаружи будет наблюдать за процессом развития группы, определяя критерии, с помощью которых можно себя оценить. Это обязательно.

И. Винокур: Проблема не в том, находиться с ними вместе, или нет, а в том, чтобы осуществлять правильную интеракцию с группой. В некоторых ситуациях мы видим, что группа еще недостаточно сплочена, и там мы должны установить определенные рамки. А иногда нам кажется, что лучше самоустрашиться и дать ребятам возможность самим руководить груп-

пой. Вот и непонятно, когда больше важна роль самой группы, и когда более важно, чтобы руководитель участвовал в ее построении, определял рамки поведения?

И. Якович: Как и чем это можно измерить? В соответствии с их отношениями между собой? Временем, которое они уделяют работе в группе? Проблемами в поведении?

М. Лайтман: Очень трудно установить какой-то признак, согласно которому с этого момента и далее, или в каких-то определенных ситуациях можно предоставить группу самой себе и несколько отдалиться. Это должен почувствовать сам руководитель. Ведь происходит так много разных событий, падений, подъемов, ситуация все время меняется, и потому здесь невозможно ничего предугадать. Я не могу тебе гарантировать, что если ты будешь находиться с ними вместе, все проблемы будут решены, и ты сможешь отдалиться, когда они достигнут 12-14 лет. Мы ведь знаем, что это не так. Сказано: «каждый, кто больше своего товарища, обладает и большим эгоизмом». Поэтому, возможно, за ними, как раз, еще больше нужно присматривать.

И. Винокур: А когда руководителю нужно их направлять? Вы сказали, что они должны развиваться согласно программе природы. Значит, руководитель все время должен «держаться за руку на пульсе», проверяя, что именно так они продвигаются. И если вдруг взойдет их эго, тогда ему следует вмешаться и направить их?

М. Лайтман: Я думаю, что они не должны воспринимать его как руководителя. Им нужно ощущать его как еще одну силу, еще один голос в группе. Мы ведь всегда говорим о том, что в группе, скажем, из 10 подростков должны быть еще двое – руководители, но им нужно быть такими, как все. Но все-таки их голос, советы и рекомендации должны звучать чуть-чуть сильнее. Ведь группа заинтересована в том, чтобы проверить, правильно ли она продвигается.

И. Винокур: Но как бы мы, руководители, ни старались «находиться в тени», подростки воспринимают нас как нечто доминирующее. В моем случае они говорят: «Так сказал Миша». Им всегда хочется нас слушаться. А как нам к этому относиться? Видеть в этом их естественную потребность на данном этапе развития?

М. Лайтман: Пусть так и будет. Но постепенно они должны видеть, что вы все больше и больше с ними соглашаетесь. И каждый раз они будут накапливать опыт в этих ситуациях: где вы согласны с ними и где не согласны. Так они будут учиться до тех пор, пока не возьмут бразды правления в свои руки.

И. Якович: Но это требование к руководителю – находиться в тени – как бы противоречит потребностям подростков в этом возрасте...

М. Лайтман: А как мы учим малыша ходить? Мы даем ему свободу, а он этого не хочет и не понимает, почему мы его отпускаем.

Ведь мы отдаляемся, чтобы он самостоятельно к нам шагнул.

И. Якович: Значит, это динамичный процесс?

М. Лайтман: Таким он обязан быть. В какие-то моменты мне нужно как бы исчезнуть из группы, и подростки должны ощутить пустоту и самостоятельно решить, что делать дальше, как построить себя в этой ситуации, когда руководитель «скрывается».

И. Якович: Иными словами, «учить ходить» – можно использовать как метафору?

М. Лайтман: Именно так.

И. Якович: Вначале я подготавливаю для них все, а потом постепенно «ухожу в тень». И если они «падают», то я их «поднимаю».

М. Лайтман: Да. И так – еще и еще, в самых разных ситуациях.

И. Винокур: Как-то раз мы решили «уйти в тень», оставив группу в процессе обсуждения. Мы им сказали, что выйдем из класса, а они должны сами, как группа, решить возникшую проблему. Так вот, можно сказать, что то, что там происходило, было очень оригинально.

И. Якович: Они решили это физически.

И. Винокур: Нет-нет, они справились с этим, но вели себя оригинально. Это было замечательно. Так вот, кроме как выйти из класса, у нас нет других возможностей предоставить их

самим себе. А что же все-таки значит – «уйти в тень» и дать группе возможность самой управлять собой?

М. Лайтман: Я не знаю, в каких ситуациях вы находитесь...

И. Винокур: Обсуждения, какие-то совместные действия, прогулки.

М. Лайтман: Тогда ты просто не должен подавать голос. А если они приходят к каким-то выводам, которые не совсем верны, то ты должен обладать известной долей хитрости, чтобы спросить их или направить к тому, чтобы они все еще раз проверили, увидели проблему с другой стороны и исправили свою ошибку – пришли к правильным заключениям.

И. Винокур: Существует еще одна проблема. Дело в том, что у подростков выработался некий стереотип: они привыкли (и в школе тоже) больше обращаться за решением к учителям, а не к группе.

А. Ульянов: Они хотят, чтобы учитель нашел решение их проблемы, помог им.

И. Винокур: Верно. Так происходит и в процессе какого-либо обсуждения. То есть они не обращаются к группе, и нам, руководителям, очень сложно направить их именно туда. Мы сидим и молчим, а они от нас чего-то ждут...

М. Лайтман: Это не хорошо.

И. Винокур: Так, как же сделать, чтобы во главе была сама

группа, чтобы подростки ощутили, что они сами, сообща должны решать проблемы?

М. Лайтман: Постарайтесь как можно меньше отвечать на их вопросы, разыграйте свое смущение, сделайте вид, что вы не знаете ответа. Мы должны дать человеку ощущение того, что если он идет с группой, то никогда не ошибется. Группа – это высшая сила. Это то, что у нас есть в нашем мире, – ведь мы не можем позвонить Закону Природы по телефону или послать Ему SMS. Вместо этого Он нам дал группу. И если человек выполняет правило «возлюби ближнего, как самого себя», если он правильно себя направляет, то в конце пути он раскроет истину.

Поэтому выбора у нас нет: мы обязаны построить группу как образ судьи, инспектора, направляющего. Группа, по сути, должна делать все, а ее руководителям нужно направлять всех участников группы к единению, и тогда, сплотившись, они действительно раскроют скрытые законы природы.

И. Якович: Но тогда группа оказывается в неловком положении...

М. Лайтман: Отлично.

И. Якович: К тому же, если я полагаюсь на нее, тоже ощущаю неловкость...

М. Лайтман: Пусть они сами ее построят, – у них нет выхода. А у руководителя нет ответа на их вопросы, он не знает, что делать.

И. Якович: Но ведь это только разозлит их!

М. Лайтман: Пусть руководитель скажет, что и сам не знает. Только в той мере, в которой мы соединимся вместе, как можно больше поднявшись над своим эго, и достигнем между собой общего, правильного согласия, мы найдем решение. Именно это решение мы примем, и можно с уверенностью, буквально «с закрытыми глазами» сказать, что оно будет верным. В нашем мире нет никакого другого критерия, никакого иного способа что-то оценить, кроме как построить себе окружение и относительно него себя проверить. Мы словно подвешены в воздухе. Нас выбросили в наш мир и дали только это.

И. Якович: Таким образом, мы даем им некое универсальное средство?

М. Лайтман: Да.

И. Якович: И оно состоит в том, чтобы построить группу?

М. Лайтман: В нашем мире высший закон – это то, что может раскрыть и чему может уподобиться группа людей, если все они не подавляют себя или других, а поднимаются над собой.

И. Якович: Значит, если мы оставляем их одних, а они начинают подавлять друг друга, то нам нужно вмешаться и показать им решение?

М. Лайтман: Да, верно. Нужно действовать согласно уставу. Должен быть устав интегрального общества, в котором все

равны, в котором все признают силу группы, но при этом каждый чувствует себя комфортно и хорошо. Именно потому, что это – решение группы, я полностью его принимаю, без всякого давления.

И. Винокур: Когда мы оказываемся в таких ситуациях, они как раз очень хотят, чтобы мы, руководители, решили за них. И если мы отказываемся, говоря, что решить должна группа, а мы не вмешиваемся, – это их злит.

И. Якович: Да, это очень их раздражает.

М. Лайтман: Конечно, ведь это самое простое решение.

И. Якович: Так они из детей становятся подростками.

И. Винокур: Им всегда хотелось бы, чтобы все решал руководитель. Но как преподнести им эту мысль, что в решении группы проявляется закон природы, что это очень важно?

М. Лайтман: Соединяясь между собой, мы строим душу, свое духовное, более высокое состояние. И если мы ощутим общую силу, которая создается внутри группы, то через нее, как сквозь увеличительное стекло, начнем правильно воспринимать наш мир, связи, существующие между людьми, свое будущее, всю реальность. В том самом месте нашего соединения друг с другом мы начнем раскрывать духовный мир. У нас нет выхода. И руководители в группе нужны не для того, чтобы решать ее проблемы, а для того, чтобы направить подростков к созданию себе такого окружения.

А. Ульянов: И именно это им нужно сказать?

М. Лайтман: Да, разумеется! Для этого и нужен руководитель.

И. Якович: Это снимает их раздражение, ведь они видят, что ты увливаешь...

М. Лайтман: Это не важно, пускай себе сердятся на меня.

И. Якович: Вам это безразлично?

М. Лайтман: Да, но ведь они должны понять, для чего мы существуем. В нашем мире у нас есть возможность, правильно соединившись между собой, построить духовную реальность. Ведь при этом мы создаем некую дополнительную силу. Наше соединение – это сила, которая не существует в нашем мире. И если мы порождаем ее своими усилиями, поднимаясь над это, в ней все мы ощущаем иное, более высокое – духовное измерение.

А. Ульянов: Но полномочия руководителя группы сохраняются? То есть если он чувствует, что группа приняла неверное решение...

М. Лайтман: Его полномочия сохраняются только в том, чтобы направить группу к этому.

А. Ульянов: А как ему сохранить эти полномочия? Ведь существует мнение группы, и она может заявить ему, что таково ее решение – и точка.

М. Лайтман: То есть они не выполняют то, что он говорит?

А. Ульянов: Выполняют, но совершенно наоборот. Ведь так решила группа.

М. Лайтман: Нет, это неверно. Пока между ними нет такого соединения, которое может выступать в качестве полномочия, они обязаны слушаться руководителя.

И. Виокур: Значит, руководитель должен устремлять их к соединению между собой. И если он видит, что такое соединение есть, то он самоустранивается.

М. Лайтман: Или есть хотя бы стремление к правильному соединению. Ведь руководитель должен все время их направлять.

Так вот, если человек правильно устремлен, то руководитель постепенно оставляет его. А если он снова действует не в направлении объединения с остальными, руководитель сразу же должен его сориентировать.

И. Виокур: Но ведь они могут стремиться к соединению и при этом ошибаться. Значит, руководитель может дать им возможность ошибиться, главное – само устремление?

М. Лайтман: Не делая ошибок, мы не почувствуем, куда мы двигаемся, правильно или неправильно. Поэтому главное – это намерение, забота о том, куда мы все время приближаемся.

И. Виокур: Подростки в наших группах, как и все дети, любят посмеяться, подразнить друг друга, и главное – померяться силами с руководителем...

М. Лайтман: Нужна некая компенсация: сейчас он над тобой насмехается – потом он должен как-то это компенсировать. Иными словами, ему нужно чем-то покрыть этот, возможно, саркастический, нехороший смех, ведь «все преступления покрывает любовь». Не оставлять это так, дескать: «Ничего страшного – он забудет, и я забуду, и все само собой образуется». Нет! Поверх того действия, которым он оскорбил или обидел кого-то, должно произойти другое действие, которое как бы нейтрализует первое, и даже более того – исправляет. А то, что раскрывается такое отношение, само по себе хорошо. Ведь тогда у человека появляется возможность построить над этим хорошее, теплое отношение. Нельзя этого просто так оставлять.

И. Винокур: Да, но тем самым он удовлетворил свое эго, заслужил уважение остальных. А что дает ему эта компенсация?

А. Ульянов: Он подшутил над Мишей, все смеются, он доволен.

М. Лайтман: Но теперь он может подняться над собой и работать духовное, которое в этом кроется. Он покажет всем, какой он сильный, великий, – мужчина, способный себя преодолеть.

И. Якович: А руководитель должен направить его к этому?

М. Лайтман: Разумеется. И тут необходимо мнение группы. Иными словами, если кто-то поступает таким образом по отношению к своему товарищу, группа должна подождать, пока он это компенсирует. И тогда все плохое вызовет всплеск любви. Иными словами, нельзя ничего спускать просто так. Ты

говоришь, что они любят дразнить друг друга... Хорошо, а теперь давай посмотрим, как они это компенсируют. Вначале это очень неприятно. Но они будут знать, что так нужно сделать.

А. Ульянов: Тогда перед каждым обсуждением установим закон: каждый раз, когда кто-то будет поступать таким образом...

М. Лайтман: Нет-нет! Зачем? Наоборот! Пускай ведут себя как обычно. А вы их снимаете на видео. «А теперь посмотрим, как ты будешь это компенсировать».

И. Винокур: Бывают такие случаи, когда группа не считается с мнением одного из руководителей. Возможно, он не слишком харизматичная личность, и группа не воспринимает то, что он говорит, и даже относится к нему с некоторым пренебрежением. Что делать такому руководителю, как ему реагировать на это?

М. Лайтман: Такие вещи нужно принимать в расчет. Например, я бы сделал так: я бы повел эту группу на экскурсию, скажем, в сафари, на завод, в аэропорт, – неважно куда, но в такое место, где этот руководитель может показать себя мужчиной, знатоком, ведущим руководителем, чтобы подростки изменили о нем свое мнение.

И. Винокур: А чему это, в сущности, их научит?

М. Лайтман: Они увидят, как человек неожиданно раскрывается перед ними. Он был молчаливым, незаметным, стес-

нительным, и вдруг они понимают, что он – личность, что раньше они не видели в нем этих качеств. Именно так нужно поступить. Он должен найти такие возможности и ситуации, в которых сможет себя проявить. А подростки это почувствуют: «Ого! А мы и не знали. Мы думали, что он так себе, а посмотрите, какой он на самом деле!»

И. Винокур: Но ведь потом все равно мы возвращаемся к повседневности...

М. Лайтман: Но это впечатление у них остается. И, кроме того, другой руководитель в отсутствие напарника может что-то рассказать о нем, чтобы поднять его авторитет в их глазах.

И. Винокур: А что делать в такой ситуации, когда во время одного из обсуждений (еще до этой экскурсии, которую Вы предложили) этот не пользующийся авторитетом руководитель что-то рассказывает группе, но никто его не слушает, ему мешают, спорят с ним? Как ему реагировать на это? И что делать тем руководителям, которые в этот момент находятся рядом с ним?

М. Лайтман: Есть план этого обсуждения? Они его видят?

И. Винокур: Нет, он находится у руководителей.

М. Лайтман: Почему? Ведь я хочу, чтобы они были моими партнерами. Так почему не показать им этот план? Разве я должен хранить его у себя в кармане, чтобы показать им, что именно я всем руковожу?

И. Винокур: У них есть распечатка из «Фэйсбука», где указаны темы для обсуждения. Но что именно будет обсуждаться и точное расписание им неизвестно.

М. Лайтман: Вы должны им сказать так: «Ребята, у нас есть полчаса – час, мы должны просмотреть эти темы. Давайте сделаем это вместе и отметим, что для нас важно, а что нет. Нужно, чтобы все в этом участвовали». И пусть этот список все время будет перед их глазами, чтобы они галочками отмечали нужные пункты.

А. Ульянов: Они успешно закончили это обсуждение, и что дальше?

М. Лайтман: Сделай что-нибудь, ну, скажем, купи им мороженное.

И. Винокур: А нужно ли после этого провести с ними беседу о том, как они вели себя с этим руководителем? Или нет необходимости к этому возвращаться?

М. Лайтман: Я не знаю. Вместо того чтобы спрашивать подростка о том, что вы обсуждали, о цели, соединении и сплочении, о познании мира, или о том, что он увидел и понял, когда вы были на экскурсии, ты все время заставляешь его проверять его отношение к руководителю. Разве он должен писать о нем докторскую диссертацию?

И. Якович: Не редко руководитель группы хочет что-то рассказать подросткам, у него есть план и определенные намерения, он подготовился, а группа не дает ему сказать.

А. Ульянов: Или они просто пренебрегают самим обсуждением. Это было у нас не раз. Обычный подросток уже через полчаса после начала обсуждения говорит, что у него сейчас нет на это сил и он желает заниматься тем, что ему хочется, а не тем, что говорит ему руководитель. И он мешает руководителю и всем.

М. Лайтман: Есть те, кто постоянно хочет таким образом показать свою власть?

А. Ульянов: Да, есть такие.

М. Лайтман: Если так, то нужно подумать, как призвать их к порядку. А если это происходит не постоянно, то, опять-таки, действует все та же методика: «Мы с тобой друзья? – Друзья. Ты сейчас пренебрегал тем, что я говорил? – Отлично. А теперь покажи мне свою любовь».

И. Винокур: По крайней мере, так же сильно.

М. Лайтман: Да. «Давай посмотрим, сможешь ли ты преодолеть себя».

И. Винокур: И все это мы делаем через группу. То есть группа выступает как судья.

М. Лайтман: Да. Человек должен относиться к своему товарищу как к величайшему представителю своего поколения. Так ты и должен ему сказать: «Сейчас я хочу, чтобы ты разговаривал со мной, как с величайшим представителем своего поколения».

И. Винокур: «Я тебя слушаю».

М. Лайтман: И я говорю это серьезно! Это своего рода театр – неважно. Но это не просто. «Говори со мной такими словами, как будто я самый великий. Ну, давай посмотрим, как ты будешь относиться ко мне и говорить. Найди подходящие слова. Отыщи во мне соответствующие качества, ведь в каждом есть и хорошее и плохое. Ты видел только мои плохие свойства и потому пренебрегал мной? Давай поищем хорошие – такие, чтобы ты мог меня полюбить».

И. Якович: Сам руководитель должен это сказать?

М. Лайтман: Да, в этом нет никакой проблемы и никакого стыда. Этим мы строим человека. И дело сейчас не в руководителе. Просто этот подросток должен увидеть себя со стороны.

А. Ульянов: Но это и изменение в мировосприятии руководителя. Ведь он, естественно, все время думает о том, чтобы не уронить свое достоинство...

М. Лайтман: Вовсе нет! Наоборот. Нам это неважно. Главное – достичь цели, и все должны быть ориентированы на это.

А. Ульянов: И неважно, что я при этом чувствую?

М. Лайтман: Нет. Мы все должны смотреть на себя как бы со стороны. Ведь мы всего лишь маленькие животные, которым нужно стать людьми. «Мы собрались здесь для того, чтобы подняться на ступень человека». Поэтому нам нечего скры-

вать. А тогда покажи мне, что ты меня любишь. Найди во мне такие качества, которые ты любишь. И если ты говоришь, что любишь их, то это так и есть.

И. Якович: Убеди меня в этом.

М. Лайтман: Да. Ты должен видеть мир и меня не сквозь свое эго. Ведь о чем я тебя прошу? Смотри на мир не через призму своего эго, а через призму любви. Это упражнения, которые мы должны пройти.

И. Якович: Может быть, стоит сделать театральные репризы на эту тему?

М. Лайтман: Нет, не стоит низводить это на уровень театра. Это более серьезные вещи.

А. Ульянов: Итак, подводя итоги нашей беседы, нужно сказать, что мы должны научиться смотреть на мир через призму любви, а не через призму эго. Кроме того, руководитель группы не должен доминировать. Его цель – направить подростков к принятию решений всей группой, устремить их к объединению, и когда это стремление станет ощутимым – «уйти в тень». А если оно угасает, снова «выйти на сцену», сориентировать группу к единению и дать ей возможность развиваться самостоятельно.

ОБСУЖДЕНИЯ И САМОАНАЛИЗ В ГРУППЕ

Собеседники: Анатолий Ульянов и Ирина Якович

А. Ульянов: Мы пытаемся выяснить, как воспитать молодое поколение «согласно его пути», и сегодня поговорим о таком средстве, как обсуждение и самоанализ, рефлексия, когда процесс какого-либо обсуждения снимается на видео, а потом ребенку дается возможность посмотреть этот фильм и прореагировать на происходящее.

И. Якович: Почему так важно для воспитания детей их участие в обсуждениях?

М. Лайтман: Сегодня мы будем рассматривать две темы: обсуждение и рефлексии, когда ребенок видит себя со стороны и снова проживает некую ситуацию, но уже находясь в другом состоянии. Причем он может увидеть ее несколько раз, посмотреть на себя и остальных детей и оценить, насколько изменился он сам, его суждения, насколько иначе в его глазах выглядят другие. И, конечно, это имеет очень большое значение.

К тому же, сегодня, когда в каждом доме есть вся современная техника: видеокамера и даже мобильный телефон, позво-

ляющий снимать фильмы, – это доступно любой семье. Поэтому каждой матери стоило бы изучить эту простую технологию и показать своему ребенку, как он себя ведет, почему именно так, правильно ли такое поведение, повторяется ли оно, и т.д. Это самое лучшее средство обучения.

И. Якович: Но дело тут не только в том, чтобы записать действия на видео. Ведь я могу смотреть этот фильм, оценивая, хорошо ли я выгляжу, произношу ли какие-то умные слова. А Вы говорите совсем о другом, – о том, чтобы научить и родителей, и детей увидеть ситуацию изнутри.

М. Лайтман: Я вижу себя. А, когда я непосредственно нахожусь в какой-то ситуации, такой возможности у меня нет.

И. Якович: Скажем, через некоторое время...

М. Лайтман: Да, и тогда я понимаю, что мог бы вести себя по-другому. Но кто знает, объективен ли я и сейчас, когда смотрю на эту ситуацию со стороны? Возможно, когда я посмотрю этот фильм в третий раз, то снова как-то изменю свое мнение... Вот и получается, что ребенок видит, что нет ничего абсолютного. Все относительно.

И. Якович: Этого мы и добиваемся?

М. Лайтман: Да. Все относительно, и потому сегодня, завтра и послезавтра я могу иметь другое мнение. Это будут три разных человека.

И. Якович: А почему так важно понять, что все относительно? Что это дает ребенку?

М. Лайтман: Он не будет, как упрямый осёл, стоять на своем.

И. Якович: На своем мнении?

М. Лайтман: Конечно. Он привыкнет что-то менять, слышать других и понимать, что, возможно, они правы. И если сегодня пока еще не слышит, то, может быть, услышит завтра.

И. Якович: Иными словами, ребенок перестает быть упрямым и начинает прислушиваться к другим?

М. Лайтман: Он становится умнее, мягче, понятливее. Овладевает самим собой в различных аспектах...

И. Якович: Что значит «овладевает»?

М. Лайтман: Овладевает своими собственными свойствами и свойствами других.

И. Якович: То есть он готов включить в себя еще какие-то свойства?

М. Лайтман: Да, и это очень важно. Никто другой ни в чем не сумеет его убедить, только его собственный взгляд со стороны. Просто поразительно, как они реагируют, впервые себя увидев.

А. Ульянов: Это не станет для них привычным?

М. Лайтман: Возможно, и станет. Они привыкнут видеть себя со стороны. Скажем, сейчас я беседую с Вами и уже пред-

вкушаю, как через месяц увижу эту программу по телевизору. Это всегда заставляет человека стать более гибким, считаться с другими, не быть слишком самоуверенным. И тогда он может что-то обсудить с остальными. Ведь если я самоуверен, то для меня не существует других мнений, я не желаю никого слушать, всех обрываю...

И. Якович: Именно так все и происходит. Обсуждение заканчивается в ту минуту, как я высказал свое мнение. Сегодня это особенно проявляется и среди взрослых, и среди детей.

А. Ульянов: И начинается снова, когда им опять нужно что-то сказать.

И. Якович: Да, в точности так. Все навязывается силой. Но с другой стороны, если ребенок будет проявлять чрезмерную гибкость, не приведет ли это к тому, что у него не будет собственного мнения? Если он знает, что послезавтра он все равно изменит свое мнение, то, может быть, это мнение и вовсе не имеет смысла?

М. Лайтман: Почему человеку должно мешать, что его мнение так изменчиво? В чем здесь проблема? Ведь это лучше, чем когда я уверен, что прав, но уже через минуту начинаю сомневаться.

И. Якович: Нет, наоборот. Это может выработать в ребенке постоянное сомнение. Он будет все время считать, что, возможно, он не прав. Этого Вы хотите добиться?

М. Лайтман: Это именно то, что должно быть. Потому что тогда человек будет стремиться познавать все более глубокие вещи. Он узнает, что в природе нет ничего абсолютного, все изменяется.

А. Ульянов: А не вызовет ли это в ребенке желание позабавиться, поиграть перед камерой? Ведь он знает, что его снимают, и может намеренно дурачиться.

М. Лайтман: Пускай себе играет! Только нам нужно понять, действительно ли это заложено в нем от природы. Альтернатива такова: или передо мной будут 30-40 упрямцев, каждый из которых стоит на своем, или же это будут дети, которые готовы обсуждать какие-то вещи. И даже если это обсуждение не приведет ни к чему существенному, все-таки они будут обмениваться мнениями, и в итоге каждый из них впитает, скажем, мнение 19 других детей, и за счет этого его внутренний мир станет богаче.

И. Якович: То есть Вы хотите сказать, что это вырабатывает в ребенке способность услышать, но внутренне?

М. Лайтман: Таким образом, он будет развиваться. Ведь все наше богатство – это наш внутренний мир.

И. Якович: Иными словами, ребенок не просто слушает другого, а готов воспринять его мнение, которое он считает не менее важным, чем свое?

М. Лайтман: Если я знаю, что меняюсь, то хочу именно сейчас увидеть свои изменения с помощью остальных. А иначе что мне поможет завтра стать другим? Только мое окружение.

Иными словами, если в течение получасового обсуждения я вберу в себя мнения всех окружающих, то мне не придется ждать месяц-два, или, может быть, год-два, пока во мне произойдут какие-то изменения. Возможно, за эти полчаса я приобрету то, что иначе не смог бы получить и за несколько лет! Это даст мне толчок к развитию! Ведь благодаря чему мы меняемся? Только благодаря окружению.

И. Якович: Значит, изменения – это продвижение, развитие, и они легитимны?

М. Лайтман: Да.

И. Якович: Они необходимы и заложены в самой природе человека?

М. Лайтман: В конечном итоге, я только ускоряю свое развитие, не более того. Потому что я, сегодняшний, завтра стану другим под влиянием того самого окружения. Поэтому, если я сейчас в таком концентрированном виде, как бы под давлением, введу в себя все эти различные суждения окружающих, то это просто сэкономит мне время моего развития.

А. Ульянов: А как ребенок может прийти к такому выводу? Ведь, в сущности, Вы говорите, что ребенок может научиться получать силы от всех остальных...

М. Лайтман: Эти объяснения не поймут ни дети, ни взрослые. Все приходит с опытом.

А. Ульянов: Это будет результатом всего процесса...

И. Якович: Но в конце, когда завершится обмен мнениями, не должен ли ребенок составить свое собственное мнение?

М. Лайтман: Он впитает в себя мнения всех, и тогда будет знать, как принять решение. Но даже если и не знает, то, скажем, подобно ученому или врачу, будет сомневаться. И совершенно неважно, что сегодня он не знает, как принять решение; скажем, ему еще не ясен «диагноз». Но в его распоряжении будет множество данных, и потому он не ошибется. А если у него есть какое-то свое мнение, но он не прислушивается к мнению 20 остальных «специалистов», то может совершить судьбоносную ошибку.

И. Якович: То есть можно показать ребенку, что его суждения пока еще не полноценны. Но ведь ощущение запутанности, безнадежности очень неприятно ребенку, и он не захочет оставаться с ним. Да и взрослому это очень тяжело.

М. Лайтман: Дети должны получать удовольствие от того, что они вбирают в себя мнения друг друга.

И. Якович: От того, что они обмениваются мнениями...

М. Лайтман: Да. Когда мы сидим вместе и что-то обсуждаем, и каждый впитывает что-то от других, то это очень хороший процесс сам по себе. Это меня развивает. Ведь услышав мнение каждого из окружающих, узнав, как он думает, как принимает решения, я приобретаю от них знания, их систему мышления. Она складывается во мне из всех их систем, и тогда я действительно становлюсь в несколько раз внутренне богаче.

И. Якович: Фактически, это учит детей думать? Вырабатывает в них гибкое мышление?

М. Лайтман: Да.

А. Ульянов: И все-таки, как совладать с желанием ребенка подурачиться перед камерой, чтобы потом, когда все увидят фильм, рассмешить их своим поведением? Это ведь естественно, такое происходит с детьми, и мы это уже знаем из опыта. Ведь когда ребенка снимают на видео, он не всегда может оставаться серьезным, ему хочется корчить смешные рожицы, играть... А потом все увидят и будут смеяться, и ребенку это доставляет удовольствие.

И. Якович: Или как сделать обсуждение игрой?

А. Ульянов: Как все эти дурачества превратить в средство для развития детей?

И. Якович: Как использовать желание ребенка играть?

М. Лайтман: Я что-то не видел, чтобы дети превращали обсуждение в смешную игру...

А. Ульянов: Когда идут съемки для телевидения, этого не происходит. Но когда это делают дома или в каком-то кружке, то там они дурачатся.

М. Лайтман: То есть когда они находятся без учителя?

А. Ульянов: Или даже в его присутствии.

М. Лайтман: А почему бы не превратить это в смешную игру?

И. Якович: Потому что тогда они не участвуют в процессе обсуждения, просто срывают его.

М. Лайтман: Я этого не видел...

И. Якович: Дома это вполне может случиться. Я думаю, все зависит от того, сколько времени занимает этот процесс. Ведь часто ребенок готов поговорить 5-10 минут, четверть часа и не больше. А взрослый хочет беседовать с ним полчаса, 40 минут. Для детей это очень долго! Скажем, мой сын, которому четыре года, начинает со мной разговаривать, скажет несколько слов, потом пойдет поиграть, затем вернется, скажет еще пару слов и снова пойдет играть. И так мы беседуем. Я запоминаю, что он сказал, а он к этому возвращается, когда захочет. То есть иногда это может происходить такими «набегами».

А. Ульянов: Но я спрашиваю именно о тех случаях, когда они просто дурачатся, обо всех этих глупостях.

М. Лайтман: Я не думаю, что это глупости. Я считаю, что мы должны ввести такие обсуждения в жизнь ребенка. Детям нужны серьезные вещи, но также им нужно дать возможность подурачиться, поиграть. Только не надо их ограничивать, дескать «сейчас мы сидим и обсуждаем». Конечно, и этому есть место, это тоже должно стать для них привычкой: скажем, 10-15 минут в день обсуждать его итоги. Но это должно стать частью их обычной жизни.

А. Ульянов: Понятно. То есть Вы говорите, что если ребенок целый день находится перед камерой, то со временем он к

этому привыкает и перестает делать глупости. А если это происходит иногда, то у него возникает желание подурчиться.

М. Лайтман: Сегодня вообще нет никакой проблемы организовать такие съемки: с помощью компьютеров, мобильных телефонов и прочее.

И. Якович: То есть вы оба предлагаете делать это дома?

М. Лайтман: Я вижу, что это Вас напрягает?

И. Якович: Да.

М. Лайтман: Почему?

И. Якович: Ну, во-первых, все увидят, что происходит на самом деле.

М. Лайтман: Ну и что из того? Кстати говоря, всех нас снимают в тысяче разных мест, и мы даже об этом не подозреваем.

И. Якович: Возможно, будет приятно сделать такой клип о произошедшем за неделю...

М. Лайтман: Сегодня камеры следят за нами везде и всюду, только мы об этом не знаем. Какое это имеет значение? Я – человек, такой как есть. Это ясно. Но эти съемки происходят для того, чтобы потом проанализировать ситуацию. Желательно запечатлеть какие-то особые, приятные моменты, чтобы потом к ним вернуться.

И. Якович: На самом деле, многие семьи именно так и поступают.

А. Ульянов: Только они не используют это в качестве методики воспитания, не занимаются рефлексиями, как это делаем здесь мы.

М. Лайтман: Попробуйте так сделать, а потом вечером всей семьей посмотрите эти приятные моменты.

А. Ульянов: В конечном итоге может получиться такой семейный вечер, когда дети смотрят не пустые фильмы по телевизору, а нечто, что их развивает.

А теперь посмотрим один из клипов, который мы сняли. Диалог детей с преподавателем. Там были очень интересные реакции.

Клип 2

Преподаватель: Итак, кто может подытожить основы закона, который мы включим в книгу законов нашего общества?

Первый мальчик: Каждый должен брать соответственно своим насущным потребностям – нечто среднее.

Преподаватель: А как мы это определим? И как мы узнаем, что значит «среднее»? А что делать, если мы хотим больше?

Девочка: Нужно как бы погасить, успокоить это желание. Скажем, тебе дают зарплату 6000 в месяц, а тебе нужно больше. Тогда ты должен научиться меньше тратить, чтобы у тебя оставалось больше денег.

Преподаватель: Какие еще принципы мы внесем в нашу книгу законов?

Второй мальчик: Вообще-то принцип – это то, чего хочет человек. Пусть делает то, что он желает.

Преподаватель: Это принцип, который мы внесем?

Второй мальчик: Да, пусть делает то, что ему хочется.

Преподаватель: Значит, пусть каждый делает то, что ему вздумается, не считаясь с другими. Это ты предлагаешь?

Иван: А какое отношение это имеет к другим? Это мои деньги, и что захочу, то и буду с ними делать, согласно существующим законам. Почему я должен делать то, что мне скажут?

Преподаватель: Это хороший вопрос. Но мы видим, что в природе все находится в равновесии, и там существуют другие законы.

Иван: Пусть каждый решит, брать ли ему по потребностям или же столько, сколько он хочет.

Преподаватель: Но тогда он нарушит закон равновесия.

Иван: В чем это нарушение? В том, что у него будет много денег?

Преподаватель: Тогда все начнут соревноваться друг с другом, у кого больше денег...

Иван: Нет, никого не волнует, сколько есть у другого.

Преподаватель: Ты думаешь, это никого не волнует? Хорошо. Скоро мы это выясним в нашей следующей беседе. Только запомни то, что ты сказал. Возможно, так оно и есть. А может быть, мы обнаружим что-то другое.

А. Ульянов: Это было обсуждение с детьми темы денег. То есть мы пытались выяснить с детьми, нужны ли деньги, сколько их требуется: только ли на удовлетворение насущного или больше. Мы говорили также о равновесии в природе, спросили детей, существует ли такое равновесие у нас в обществе. И в итоге этого обсуждения попросили сделать выводы – сформулировать законы, которые мы будем стараться выполнять.

И. Якович: Это очень приятно, когда дети в группе думают об обществе, проверяют, какие законы являются для него хорошими, и решают, к чему приведет тот или иной закон. И здесь они бросают вызов преподавателю: давай создадим такое равновесие, при котором каждый делает то, что ему вздумается. И мне кажется, что каждый из нас ощущает нечто подобное, – разве нет?

А. Ульянов: Но там произошло нечто еще более интересное: группа пришла к заключению, что все должно быть в равновесии, что нужно брать по потребностям и не больше, как вдруг...

И. Якович: Сколько требуется, а не сколько хочется...

А. Ульянов: Как вдруг встает Иван и говорит: «Я не знаю, о чем вы все здесь говорите. Какое мне дело до всех остальных? Где все, и где я? Я беру столько, сколько мне нужно, это не имеет значения, тут нет никакой связи». На завтра мы решили показать им эту беседу, заснятую нами, и спросить, изменили ли они свое мнение.

И. Якович: Именно назавтра?

А. Ульянов: Назавтра, после беседы. Давайте посмотрим.

Клип 3 (анализ)

Преподаватель: Прежде всего, я хочу напомнить, как мы должны относиться к этому анализу.

Девочка: Мы не должны воспринимать его лично, он должен помочь нам всем.

Преподаватель: Еще кто-нибудь?

Мальчик: Не воспринимать лично, то есть не страдать от того, что выбрали именно меня, а понять, что это исправление для всех.»

Смотрим снова клип 2

«**Преподаватель:** Значит, пусть каждый делает то, что ему вздумается, не считаясь с другими. Это ты предлагаешь?»

Иван: А какое отношение это имеет к другим? Это мои деньги, и что захочу, то и буду с ними делать, согласно существующим законам. Почему я должен делать то, что мне скажут?»

Преподаватель: Мы выясняли определенную вещь. И как оказалась, не всем это было ясно.

Мальчик: То, что сказал Иван, звучит не совсем нор-

мально. Ведь в процессе каждого обсуждения мы говорим о том, что нужно думать не только о себе, а он вдруг говорит «только о себе».

Преподаватель: А что ты сам об этом думаешь, Иван?

Иван: Это логично, что в процессе обсуждения каждый изменяет свое мнение. Видимо, я понял так, что каждый может делать то, что ему хочется.

Преподаватель: Это то, что ты чувствовал в тот момент?

Иван: Да, это то, что я обычно делаю.

Преподаватель: А теперь, когда ты это видишь, то есть на следующий день после нашей беседы, – что-то изменилось? Ты об этом думал?

Иван: Сейчас, когда я смотрю на себя, мне кажется, что я выглядел глупо.

Преподаватель: Почему ты так считаешь?

Иван: Сам не знаю. Мне вдруг это кажется не очень логичным.

Преподаватель: Почему?

Иван: Полчаса сейчас мне объясняют то же самое, и я вдруг изменил свое мнение.

Преподаватель: Но во время той нашей беседы ты этого не чувствовал?

Иван: Тоже чувствовал, но мое мнение все время менялось. Постепенно я понял то, что не понимал раньше.

Преподаватель: В процессе обсуждения?

Иван: Да.

И. Якович: Что бы Вы сказали Ивану?

М. Лайтман: Очень хороший результат! Иван смог критически отнестись к себе. Он уже внутренне, буквально всем своим естеством осознал, что мнение может меняться, что нет чего-то верного или неверного; все относительно и зависит от его настроения, окружения и т.д. И это очень глубокая степень осознания. Я думаю, что взрослым во всем мире этого не хватает. Вот бы эти надутые главы правительств пришли к нам, мы бы их засняли на видео и потом показали им.

И. Якович: И напомнили бы им то, что они говорили. Вернемся к Ивану. Есть нечто особенное в том, как он говорит. Он словно заглядывает в некий сад, находящийся у него внутри, и видит, что там растет...

М. Лайтман: Да. Он даже может сказать, – пусть не сейчас, не с первого раза, – какие состояния он прошел, как его мнение менялось и трансформировалось в совершенно противоположное.

И. Якович: А что такое «состояния»?

М. Лайтман: Он слышал чьи-то мнения, соглашался с ними, не соглашался из-за своего эго или из-за того, что мнение высказал кто-то, кого он не любит, или наоборот. Иными словами, что заставило его изменить свое мнение? Либо его готовность подняться над своим эго, либо то, что ему нравится его товарищ, и потому он готов принять его мнение.

И. Якович: Значит, в сущности, Вы учите его увидеть причины своих внутренних изменений?

М. Лайтман: Да. Он должен увидеть, что вызывает в нем изменения: «Разумеется, я меняюсь. Безусловно, я меняюсь благодаря своему окружению. Но анализирую ли я происходящее: какое окружение на меня воздействует, в какую сторону я меняюсь? А может, мне стоит этому сопротивляться? Возможно, мне нужно сменить окружение? Буквально заткнуть уши?»

И. Якович: Так это отвечает на вопрос, который был задан раньше? То есть не то что бы у ребенка не было своего собственного мнения, а наоборот: вы учите его проследить процесс выстраивания своего мнения.

М. Лайтман: Если мы просто рассказываем ему о том, что происходит с его природой, – это ничего не дает, он не приходит ни к каким выводам.

И. Якович: Вы учите его самому процессу.

М. Лайтман: Я не просто обучаю его процессу. Я объясняю ему, что он может измениться и сам решить, что будет вызывать эти изменения. В этом суть! Ведь мы изучаем, что свободный выбор человека заключается только в выборе окружения. И если я себе его выбираю, то буду меняться именно под его влиянием. Мне только остается проверить, стоит ли мне меняться под воздействием этого окружения или выбрать другое.

Разумеется, я живу в каком-то окружении, а не в джунглях. Может быть, и в «джунглях», только человеческих. Поэтому я

должен выбрать, под чьим влиянием я буду меняться. Другого выбора у меня нет. Я не могу решить вообще не меняться, мне только нужно выбрать соответствующее воздействие.

И. Якович: То есть Вы хотите сказать, что это положительные изменения. Вы как бы успокаиваете его.

М. Лайтман: Это необходимое изменение! Ведь в любом случае мы меняемся! Поэтому мы должны показать этим детям, да и вообще всем, что у нас есть возможность выбрать, за счет чего мы будем меняться. Давайте сравним, как будет человек развиваться под воздействием различной окружающей среды при одинаковых начальных условиях, и каким будет конечный результат.

А. Ульянов: В каждом случае это будет нечто другое.

М. Лайтман: Да. Это интересно. К примеру, давайте снимем на видео такой процесс: создадим 4 различных окружения, и все будут постепенно переходить из одного в другое. А потом покажем детям, что получается в итоге. Вот тогда человек становится более восприимчивым к происходящему, более осторожным.

И. Якович: Начинает больше осознавать.

М. Лайтман: Да, больше осознает, где он находится, что слышит и видит каждую секунду.

И. Якович: Мы говорили о гибкости мышления, но в итоге пришли к тому, что молодой человек благодаря такому осознанию способен избежать нежелательного влияния. Это именно то, чему

бы мы хотели научить подростков, чтобы они смогли выстоять против негативных воздействий и сделать правильный выбор.

М. Лайтман: Теперь, если мы вернемся к клипу: преподаватель там просто присутствует, он может вообще ничего не говорить. Детей учит жизнь, они учатся благодаря тому, что видят себя самих – какими они были вчера и какие они сегодня.

И. Якович: Да, он не высказывает никаких суждений, то есть каждый из детей может сказать именно то, что он хочет. И это замечательно.

М. Лайтман: Главное, что здесь хорошо, – это то, что ребенок учится жизни, проходя через собственные жизненные ситуации, а не на чьем-то чужом опыте. Просто, таким образом, он меняет свой подход к жизни. Он сам решает, что у него нет выхода, что такова жизнь, что он такой, как он есть, что так на него влияет его окружение, и т.д. Ко всем этим выводам он приходит сам. И это хорошо! Это запечатлевается у него внутри как следствие его жизненного опыта.

А. Ульянов: Я бы хотел, чтобы мы посмотрели еще один клип о том, что рассказывают другие дети, какие изменения произошли с ними после обсуждения.

Клип 4

Преподаватель: Я хочу напомнить, что в процессе нашего обсуждения было высказано два мнения. Одно –

о том, что у человека должно быть как можно больше денег, а второе – о том, что денег нужно ровно столько, чтобы удовлетворить свои насущные потребности, не больше. Подумали ли вы над тем, что является для вас насущно необходимым?

Мальчик: Сначала я, как и Иван, думал, что каждый может делать со своими деньгами то, что он хочет, – например, купить виллу...

Преподаватель: И в процессе обсуждения твои мысли изменились?

Первый мальчик: Да.

Преподаватель: И о чем же ты вдруг стал думать?

Первый мальчик: Что, к примеру, если у человека много детей, то ему нужно и больше денег. И он не должен просто так тратить их.

Второй мальчик: Сначала я тоже думал, как Иван...

Преподаватель: То есть что нужно иметь как можно больше денег?

Второй мальчик: А потом вдруг произошел такой «бум» в моих мыслях: зачем мне нужно много денег? И вообще, для чего мне нужны деньги? Что я с ними буду делать?

Преподаватель: И это произошло в процессе нашего обсуждения?

Второй мальчик: Да. Я как бы начал разговаривать с самим собой: «Если я съем слишком много пирожных, то у меня заболит живот. А если съем одно пирожное, то мне будет приятно».

Третий мальчик: В начале нашего обсуждения я был совершенно уверен, что каждый должен делать со своими деньгами то, что ему хочется.

Преподаватель: То есть, что нужно иметь как можно больше денег.

Третий мальчик: Да, не только, чтобы просто иметь необходимое. Но во время обсуждения постепенно я начал менять свое мнение и уже даже высказал противоположное мнение.

Четвертый мальчик: Я хотел сначала сказать, что думал, что денег нужно столько, сколько нужно, а сейчас я, вроде бы, хочу как можно больше, чтобы купить все то, что мне хочется.

Преподаватель: Как изменилось твое мнение?

Четвертый мальчик: Ведь если у меня будет только на необходимое, то я не смогу купить то, что хочется именно мне, а не другим.

Девочка: Вначале я тоже думала, что человеку нужно иметь как можно больше денег. А потом постепенно поняла, что это не так, что нужно столько, сколько необходимо.

Преподаватель: Как это произошло? Почему вдруг изменилось твое мнение?

Девочка: Потому что я подумала: «Что я буду делать со всеми этими деньгами?». И потом, если все вдруг скажут, что чем больше денег, тем лучше, так к чему же мы придем? Ведь наша цель прийти к большему согласию, к со-

единению друг с другом.

Преподаватель: Но какое это имеет отношение к соединению? Как ты ощущаешь, что это связано с соединением между нами?

Девочка: Ведь все должны быть равны, а не так, что у одного – больше, а у другого – меньше.

А. Ульянов: Скажите, чего недостает в этом обсуждении, и мы подведем итоги.

М. Лайтман: Несмотря на то, что мы видели лишь небольшие отрывки, я думаю, понятно, что таким образом мы можем очень просто, естественно воспитывать детей. Они видят себя и сами приходят к различным выводам. Возможно, эти выводы не совсем правильные. Они не могут точно ответить, почему нужно больше или меньше денег. Это запутывает их, и мальчик говорит о том, что если у него много денег, то он сможет съесть больше пирожных, но тогда у него заболит живот.

Возможно, им непонятны примеры, да и вообще, почему все это обсуждения о количестве денег так важно человеку. В чем это его обкрадывает? Если у меня очень много денег, то это может ухудшить мне что-то другое? Почему в этом случае я начинаю страдать? А тогда зачем мне столько денег? Все это пока что не очень понятно.

Но само по себе обсуждение приводит к тому, что ребенок учится, наблюдая себя, на примере остальных, видит, что ме-

няется и он, и окружающие. Он меняет свое мнение на противоположное.

А. Ульянов: Да, я специально принес именно этот отрывок.

М. Лайтман: «Сначала я думал, что меньше денег – это хорошо. А теперь – нет, я хочу много». Это хорошо, и не важно, в какую сторону изменяется их мнение.

И. Якович: Потому что это учит ребенка думать.

М. Лайтман: Да, все относительно, все изменяется. И сам я меняюсь под влиянием окружения. У меня нет своего мнения, все зависит от силы окружения. Это очень важно. Это дает человеку способность оценить важность того, где он находится, с кем он сейчас себя связал.

ВИДЫ ОБСУЖДЕНИЙ

Собеседники: Анатолий Ульянов и Ирина Якович

А. Ульянов: Сегодня мы снова поговорим о специфическом приеме, который называется «обсуждением», и приведем несколько примеров различных видов обсуждений. Мы хотим выяснить, как правильно их проводить, как к ним готовиться, если это вообще необходимо, какие виды обсуждений стоит использовать в группах детей, с которыми мы работаем, и с детьми дома.

И. Якович: Сначала я хотела бы выяснить, в чем заключается важность обсуждений. Вы много раз подчеркивали, что каждая проблема должна решаться в процессе обсуждения. Вы также говорили о таких формах, как беседа, урок, выяснение. Чем они отличаются друг от друга?

М. Лайтман: Прежде всего, мы должны определить, чего хотим от молодежи и от самих себя. В сущности, мы хотим соединения между людьми. Сейчас человечество обнаруживает, что является глобальной системой – природа показывает нам, что мы связаны и взаимно друг от друга за-

висим. Эта зависимость проявляется все больше, согласно тому, что раскрывается в реальности. Мы связаны, зависимы, буквально прикреплены друг к другу. Вследствие этого развиваются всевозможные средства коммуникации, ведь если человек в чем-то нуждается, он эти вещи изобретает. Так появляются дополнительные формы связи. Очевидно, нам необходима более глубокая, крепкая, тесная связь, понимание друг друга.

И. Якович: В этом причина развития средств коммуникации?

М. Лайтман: Да. Сегодня я без труда перевожу информацию с 40-50 языков, связываюсь с людьми, говорящими на разных языках, и тут же получаю перевод. А они понимают меня.

И. Якович: С разных концов мира?

М. Лайтман: Именно. Мы видим, что перевороты, происходившие в последнее время, переходили из одной страны в другую за счет связи. Будто существует некий вирус, проходящий по всему миру, и никто не понимает, что происходит! Мир тянется к соединению: некая мощная волна привлекает нас к участию и буквально втягивает в водоворот, так что мы становимся все ближе. Очевидно, успех человечества состоит в том, чтобы понять друг друга, а также цель этого развития. Ведь если мы будем ему сопротивляться, то наверняка будем страдать – это видно уже сейчас. Мы должны постараться лучше понимать друг друга, быть как можно ближе – не физически, а в понимании и ощущении. Если я не понимаю со-

седа – он думает одно, а я другое, – то, возможно, каждый из нас обвиняет другого просто от непонимания.

И. Якович: Так называемое ощущение расстояния: можно жить рядом с человеком и быть далеким в мыслях.

М. Лайтман: Еще сложнее это проявляется в отношениях между государствами, а потому меня порадовали раскрытия, сделанные на сайте WikiLeaks. Не пора ли всем раскрыть карты?! Ведь если мы друг от друга зависим, связаны вместе и находимся в одном замкнутом мире, то умалчивания и утаивания только приносят нам беды. Непонимание может в будущем перерасти в опасность. Скажем, в семье наилучшим является такой порядок, когда всем известно все и обо всех.

И. Якович: Как можно меньше скрывать.

М. Лайтман: Да. Например, когда супруги приходят к психологу, что он делает? Пытается их сблизить, чтобы они начали говорить между собой и друг друга понимать. От этого зависит мир и благополучие. Поэтому мы, прежде всего, должны требовать в нашем воспитании, чтобы люди были открытыми, естественными, меньше зависели от условий, правил, предрассудков, игр. Ставя себя в позу или принимая некий образ, который где-то видел, человек порождает непонимание, запутывает других и себя.

И. Якович: Игрой?

М. Лайтман: Да. Каждый одевает на себя несколько облачений, виденных в кино или в окружении, в результате чего или оказы-

вается в состоянии депрессии и пустоты, или до такой степени не понимает других, что полностью теряет способность к коммуникации. Поэтому для благополучного будущего мы должны научить детей связываться с любым человеком, даже если у него есть предвзятое мнение о формах поведения, а потому он запутан и запутывает других. Ведь мы видим, как маленькие дети копируют взрослых. Мы тоже должны понять другого человека, даже если он заблуждается и лицемерит – ведь такова его природа. Постараемся привести его к открытости, связи, простоте. Он должен понять, что мы, в конечном счете, люди, и нам стоит быть открытыми, а не действовать «в перчатках». При возрастающей зависимости друг от друга лучше ничего не прятать. Поэтому желательная цель нашего воспитания состоит в том, чтобы каждый человек в мире умел свободно и просто разговаривать с другими, понимая себя и других. Тогда появится надежда, что мир станет лучше, и наши дети будут чувствовать себя в безопасности, потому что понимают других, понимают себя, могут легко взаимодействовать с людьми, вызывая в них естественную правильную реакцию.

И. Якович: Это главная цель?

М. Лайтман: Конечно. Ведь когда к вам приходят люди, вы, в первую очередь, хотите их открытости?

И. Якович: Тесной коммуникации.

М. Лайтман: Выходит, необходимо, прежде всего, сделать из каждого психотерапевта. (Смеются.) Разумеется, не вредя профессии!

И. Якович: Ей трудно чем-то повредить. Так в чем же различие между обсуждением, беседой и выяснением?

А. Ульянов: Иными словами, средствами достижения цели, о которой мы говорили, являются обсуждение, беседа и выяснение.

М. Лайтман: Обсуждение означает, что мы судим себя, свои отношения с другими и меру их открытости относительно третьей стороны. Мы берем некий пример, якобы произошедший не с нами, а затем каждый переносит это явление на себя. В принципе, обсуждение – это выяснение: мы еще не объединены, каждый находится на своем месте, но хочет именно со своей точки понять другого. И в столкновении между нами, в разногласии мы выясняем эти вещи.

Поэтому в обсуждении должно быть как можно больше людей с разными мнениями. Понятно, что нужно не просто принимать участие в обсуждении, а уметь это делать. Предмет выяснения является общим для всех, каждый высказывает свое мнение, и это нас связывает. Однако каждый выясняет вопрос, исходя из своих природных свойств и способностей, находящихся в нем, в присутствии только ему сочетании. Соединяя эти различные точки, мы выясняем общую проблему.

И. Якович: В процессе выяснения человек должен сосредоточиться на своем внутреннем состоянии?

М. Лайтман: Мы выясняем или нечто общее для всех, или нечто якобы вне нас.

А. Ульянов: Начиная выяснение, стоит спросить детей, о чем они хотят говорить, или прийти с заранее заготовленной темой?

М. Лайтман: Мы должны входить с нашими желаниями в проблемы, которые у них существуют.

И. Якович: Это называется выяснением?

М. Лайтман: Да. Проблему должна представить группа – то, что их интересует. Я не могу заниматься с ними проблемой общего мира, которая их не волнует. Им интересно происходящее в классе, отношения между мальчиками и девочками – то, что живо между ними.

А. Ульянов: Посмотрим сейчас снятый нами пример. Мы пришли в группу и спросили ребят, что их интересует. Ответы были очень похожи на то, что Вы сейчас сказали. Затем мы провели обсуждение. Сейчас посмотрим первый отрывок, посвященный подготовке к обсуждению.

Клип 5

Ведущий: Мы собрались, чтобы подготовиться к уроку о жизни и выяснить самые важные для нас темы. О чем бы вы хотели сейчас поговорить?

– О школе.

Ведущий: Какую именно школьную проблему вы хотели бы обсудить?

– Зачем нужна школа, если можно учиться дома? Какое окружение есть в школе? Поскольку мы ходим туда каждый день, то думаем об этом.

– Почему дети говорят, что им надоела школа, что они ее ненавидят?

Ведущая: Поскольку мы стараемся рассмотреть каждое явление со всех сторон, сбалансировано, то давайте подумаем о его использовании, а не просто дадим определение.

– Больше всего мы не любим домашние задания и наказания за их невыполнение. Я предлагаю делать их в классе, чтобы не было повода на нас кричать. И еще хотелось бы, чтобы была возможность приходить в школу до 9 утра, а не ровно в 8.

– Хорошо бы изменить подход и учителей, и учеников, а также больше уроков посвящать общественным темам. Тогда дети захотят приходить в школу.

М. Лайтман: Бедные дети! Никто не доволен школой! А что вы рекомендуете учителям? Если мы спросим любого ребенка в школе, то 99% – если не все 100% – скажут, что ненавидят учителей, школу, это место и всех, кто этим управляет. Что же мы делаем с нашими детьми? Мы их буквально помещаем в тюрьму!

И. Якович: Да, в школе очень много принуждения. Создается ощущение, что мы забыли, что это дети – в школах даже нет игр! Им действительно там очень скучно.

М. Лайтман: А какую бы школу они организовали для себя сами? Допустим, мы поставим им одно условие.

И. Якович: Какое условие?

М. Лайтман: Вы должны учиться и в итоге знать немного математику, физику, географию, ботанику, биологию, зоологию. Выберите, каким образом вы узнаете эти предметы. Мы даем вам 5-10 книг, и вы в течение года должны более-менее узнать, что в них написано. Кроме того, мы хотим, чтобы вы были нормальными детьми: не дрались, не создавали проблем, не делали всего того, что сами ненавидите. Ведь один жалуется, что его бьют ученики, второй утверждает, что на него сердятся учителя, и т.д.

И. Якович: Я думаю, это очень хорошая методика – предложить им быть ответственными за то, что они хотят. Само обсуждение их желаний – уже действенный метод обучения. Несомненно, они хотят больше игр, больше быть вместе, ведь на уроке им нельзя говорить друг с другом. Они не могут общаться между собой – считается, что это помеха. На мой взгляд, такое положение невыносимо. Я не думаю, что такая учеба приносит удовольствие. Дети хотят учиться, но больше всего хотят быть вместе.

А. Ульянов: Есть пример экспериментальной школы, в которой произошли буквально революционные изменения. Эта школа находится в трудном районе и сталкивается с большими проблемами. Туда пришел новый директор и ввел в про-

цесс обучения игру: в школе все играют, включая учителей и родителей. В результате дети очень изменились. Учителям и родителям было трудно перестроиться, но они приняли эти изменения, и жизнь в школе стала иной. На уроках почти нет помех, дети играют на море, в фойе нарисованы различные фигуры, и с помощью прыжков изучают математику и т.д. Буквально революция в воспитании в проблемном районе.

И. Якович: Вы много раз говорили о необходимости учиться с наслаждением, с удовольствием, а не под давлением: сиди и получай то, что нужно. Отвечают ли этому требованию обсуждения? Например, в отрывке, который мы видели, у детей спросили, о чем они хотят говорить, и выяснилось, что у них есть важные темы.

М. Лайтман: Прежде всего, они выплескивают то, что наболело: не хочу вставать в 7 утра – пусть будет в 8; не хочу получать наказание за опоздание; не хочу приходить в школу в ожидании давления от учителей и побоев от детей; не хочу, чтобы задавали так много домашних заданий, из-за которых и дома, после школы, я нахожусь под давлением. Я сам это помню, хотя прошло 50 лет.

И. Якович: И сегодня слишком много домашних заданий.

А. Ульянов: Итак, Вы говорите, что подготовка – часть методики. После нее следует сразу же перейти к беседе или обсуждать в следующий раз? То есть уйти домой с вопросами, а решение искать потом?

М. Лайтман: Если ты только поговорил, то ничего не сделал. Нужно все-таки реализовать это практически.

А. Ульянов: Скажем, мы говорили о школе. Что дети делают?

М. Лайтман: Постепенно, после многих разговоров вы начинаете создавать программу оздоровления.

А. Ульянов: Играем в это?

М. Лайтман: Да. Решаете, как себя ведут дети, как действуют учителя, как, в конце концов, получить аттестат зрелости. Какой процент детей сейчас получает аттестат? А мы с помощью изменений, которые будем проводить из года в год, все получим аттестат! Мы должны доказать всему миру, что правы, поэтому нам нужно объединиться и показать, что мы больше взрослых понимаем, что с собой делать.

А. Ульянов: Это очень заманчивая идея и серьезная задача. Но не будет ли разочарованием для детей, если в итоге они получат программу и ничего не сделают сами?

М. Лайтман: Почему не сделают? Делайте вместе.

И. Якович: Если я правильно понимаю, сегодня они обсуждают, а завтра выполняют?

М. Лайтман: Нет, не завтра. Нужно создать программу, включить в нее все детали, обсудить между собой возникающие проблемы, достигнуть консенсуса. Скажем, один хочет

приходить в школу в 11 часов, а другой в 10 уже хочет возвращаться домой. А как быть с домашними заданиями? Уменьшить или делать в школе? Все эти вещи необходимо выяснить.

А. Ульянов: Но как это реализовать? Дети поговорили, обсудили, создали программу...

М. Лайтман: Прежде всего, они понимают, почему к ним так относятся, что собой представляет школа, к чему они направляются. Им ясна программа обучения, которую они должны пройти, понятен взгляд на школу министерства образования и всего общества. В конце концов, чего от них хотят? Я говорю не о воспитании, а об образовании, – хотят, чтобы они обладали определенными знаниями.

А. Ульянов: Для продолжения учебы в Университете они должны пройти определенный курс.

М. Лайтман: Верно. Сегодня ребенок идет в школу, не особенно понимая, зачем. Его обязывают, и он выполняет. А мы говорим ему: ты должен вырасти, обрести профессию, включиться в жизнь общества. Для этого ты должен учиться несколько лет и в течение этого времени узнать, как себя вести в своем окружении, в мире, на заводе, в банке, в университете. Ты должен знать, как устроено общество, какие знания нужны для конкретных профессий, – то есть мы должны обучить его и на будущее: привести на рабочие места, показать производственный процесс. Скажем, при изучении медицины нужно знать химию и так далее.

А. Ульянов: Это серьезный проект, который может занять целый год.

М. Лайтман: Плохо, если человек не знает, для чего он что-то делает. Я помню, что в возрасте 8-9 лет вдруг ощутил, что не понимаю, чего от меня хотят. Мне постоянно говорили: «Делай, делай!» А для чего? Если это непонятно, то я не могу решать задачу, что-то делать, ведь у меня нет сил для выполнения. Особенно это чувствовалось в музыкальной школе, когда на уроке сольфеджио мне давали лист с нотами и говорили: «Пой!» А зачем? Только потом пришло понимание.

Человек должен знать, что данное умение ему понадобится, что он реализует его в жизни: с помощью некоей формулы решит какую-то задачу, сумеет рассчитать, где лучше посадить дерево, взвесить и перевести груз, и т.д. Нужно объяснять им максимально практически, что изучаемое ими необходимо для жизни.

А. Ульянов: Буквально профессия профессий.

М. Лайтман: Да.

И. Якович: Но они не изучают вещи практически.

М. Лайтман: Почему? Скажем, они учат таблицу умножения и другие основы, которые нужны всем. Но мы не показываем им использование этих вещей в жизни. А это должно быть в первую очередь. Показав им конечную картину, какими они должны быть, мы возвращаемся в настоящее и вы-

ясняем, что для этого требуется. Нужны такие-то и такие-то знания: как мы их обретаем? Вы предпочитаете учиться дома через Интернет или в школе через обсуждение в группе или чтение книг? Есть возможность учиться в музеях, через фильмы и так далее.

И. Якович: Это даст им возможность выбрать.

А. Ульянов: Но как дети сделают выбор, если не знают мира и существующих в нем возможностей?

М. Лайтман: Верно. Поэтому взрослые выбирают для детей такую методику обучения, которая отбивает у них желание учиться.

А. Ульянов: Каков же выход? Как найти общую платформу между двумя позициями?

М. Лайтман: Обсудить с ними вместе и проверить, что для них лучше, а что заставляет страдать.

А. Ульянов: Представить им различные варианты и спросить, что для них предпочтительней?

М. Лайтман: Да. Они наверняка находят в Интернете изучаемый материал в лучшем изложении, чем получают от учителя. Ведь в классе столько помех, так скучно слушать монолог учителя. (Простите за критику!) Поэтому нужно вместе с ними выяснить, что идет им на пользу: этому поколению абсолютно не подходят методики, которые мы все еще пытаемся использовать.

И. Якович: Я думаю, что если мы их спросим, и они найдут различные варианты в Интернете, то в классе будут представлены различные технологии.

М. Лайтман: Мы хотим на их опыте проверить и измерить, что они воспринимают лучше. Один и тот же материал нужно представить в разных формах: аудио, видео, музей, книга и т.д. В конечном счете, мы хотим, чтобы каждый из них знал, впитал и умел использовать.

И. Якович: Это может быть темой научного исследования – проверить, насколько усваивается каждая форма, и есть ли расхождение между подачей и результатом.

А. Ульянов: Разговор получился очень интересный – не о том, что мы запланировали, однако намного лучше. Мы говорили о глобальном мире, который вынуждает нас связываться. Живя в нем, дети должны понимать друг друга и видеть общую проблему. Обсуждение является выяснением этой проблемы с индивидуальной позиции каждого. На примере обсуждения вопроса о школе мы поняли, как правильно представить им тему – показать требования и вместе найти пути и способы их реализации.

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОБСУЖДЕНИЙ

Собеседники: Анатолий Ульянов и Ирина Якович

А. Ульянов: Сегодня мы поговорим о том, как нужно разговаривать с ребенком, обсудим те методы и средства, которые уже применяются на практике.

И. Якович: Я несколько раз слышала, как Вы говорили о важности обсуждений в группах детей. Мне кажется, Вы придаете этому особое значение.

М. Лайтман: Конечно, ведь именно в таких обсуждениях у ребенка есть возможность представить себя на месте других людей и научиться понимать самого себя. Вопросы и ответы – это все, что есть в нашей жизни и что нас учит.

И. Якович: Что, на Ваш взгляд, является критерием правильно организованного обсуждения?

М. Лайтман: Прежде всего, сами вопросы должны быть взяты из жизни. Это должны быть серьезные и часто повторяющиеся в природе или в нашей жизни явления.

И. Якович: Вопросы должен задавать воспитатель?

М. Лайтман: И воспитатель, и родители, и учителя – не важно. Но это обязательно должно быть какое-то явление в жизни, в природе, в обществе, причины которого и отношение к которому не ясны для детей. Чтобы понять суть происходящего и выработать правильное отношение к нему, проводится обсуждение. Во время разговора нужно показать все мнения и подходы к проблеме, в том числе психологов, воспитателей, родителей и различных государственных учреждений.

И. Якович: Представлять им разные мнения?

М. Лайтман: Почему бы и нет? Мы находимся внутри системы, в которой сталкиваются разные интересы, и дети могут быть в середине этого противостояния и страдать от этого. Наша задача – прояснить истину для того, чтобы воспитать успешное поколение. Именно и только в обсуждении можно увидеть интересы разных сторон в решении проблемы и отделить их от сути самой проблемы.

И. Якович: То есть Вы подчеркиваете, что чем больше мнений мы приводим в процессе обсуждения, тем лучше?

М. Лайтман: Мнений, относящихся к данной проблеме, чтобы прояснить истину.

И. Якович: Нужно ли и детей поощрять высказывать как можно больше различных взглядов на проблему?

М. Лайтман: Да, именно такому подходу мы их учим.

И. Якович: То есть показывать, что любое явление может интерпретироваться разными людьми по-разному, и здесь проявляются различные интересы. Вы настаиваете, что необходимо раскрывать вопрос намерений людей, а не только их видимых действий?

М. Лайтман: Вся жизнь и вся наша учеба построены на вопросах, в поиске ответов на них, в их обсуждении.

А. Ульянов: Каким должен быть результат обсуждения?

М. Лайтман: В результате обсуждения должно стать понятным, как правильно поступать. Но это понимание верно лишь на данный момент времени. Продолжая развиваться, мы сталкиваемся с новыми случаями и фактами, мы глубже вглядываемся в действительность, и снова нужны выяснения. Таков путь воспитания, построения человека. Мы должны пройти весь этот путь, пока сама методика не станет ясной, понятной и применимой в жизни.

И. Якович: Мне не совсем ясна связь между обсуждением в группе и исправлением себя. Как может обсуждение повлиять на исправление каждым себя самого?

М. Лайтман: Мы изучаем, как человек должен исправлять свои желания и намерения для того, чтобы стало возможным существование всех как «одного человека с одним сердцем». При этом наша способность к объединению определит и нашу возможность раскрыть единый высший Закон Природы.

Этот закон мы можем раскрыть только через объединение. Поэтому вся наша работа и все наше существование сегодня состоят только в этом поиске. Все человечество сегодня стоит на пороге раскрытия этого закона, и сама природа толкает нас к этому. Переживаемые нами сегодня катастрофы и удары природы – это давление, которое должно подтолкнуть нас к объединению и раскрытию силы, соединяющей нас.

И. Якович: Вы имеете в виду, что в процессе обсуждения различных примеров из жизни дети постепенно должны научиться связывать их, находить закономерности, делать выводы о связи между людьми, о взаимоотношениях их самих с внешней средой, и этот анализ должен быть более чувственный?

М. Лайтман: С помощью логического анализа мы приходим к пониманию чувств.

И. Якович: То есть дети учатся всматриваться в проблему и обсуждать ее?

М. Лайтман: Да.

И. Якович: Такое обсуждение должно происходить в небольших группах?

М. Лайтман: Чем больше людей, тем лучше, но все-таки стоит соблюдать границы. Понятно, что один человек ничего не может выяснить. Это как в судебном заседании, где каждый высказывает свое мнение.

И. Якович: Насколько возможно в таком обсуждении предоставить каждому возможность свободно выразить свое мнение?

М. Лайтман: Должны быть ответственные за порядок, и они должны следить за тем, чтобы выступление каждого было кратким, по делу, не утомительным.

И. Якович: Что означает кратким?

М. Лайтман: Это означает, что можно говорить только на заданную тему.

И. Якович: Но иногда в самом процессе обсуждения может возникнуть ситуация, когда, например, кто-то приводит пример, уводящий в сторону, но очень важный для обсуждения. Что делать в такой ситуации?

М. Лайтман: Чтобы ответить на этот вопрос, я думаю, нам нужно попробовать проводить такие встречи с родителями, и с подростками.

И. Якович: Может, стоит спросить об этом самих детей?

А. Ульянов: Мы сейчас пробуем проводить обсуждение несколько иначе: делаем первичное обсуждение в достаточно большой группе, состоящей из 20-30 человек, а затем делим ее на несколько малых – по 4-5, и уже внутри этих малых групп продолжаем. Вначале все вместе обсуждают тему в целом, теоретически, а затем в малых группах обговариваются практические вопросы. Мне хотелось бы сейчас показать, как

работает такая малая группа, а затем в другом клипе – к каким выводам приходят уже в совместном обсуждении в большой группе.

Клип 6

Ведущий: Каждая группа в течение 3 минут должна обдумать 3 предложения по укреплению связи между детьми в школе.

Ведущая: 1, 2...3. Начали!

Обсуждение в одной из групп:

– Мы должны подумать, как нам улучшить отношения между нами и другими учениками в школе.

– Я думаю, что если начинается какая-то ссора, то мы должны остановиться и подумать, в чем причина, что каждый из нас хочет получить и что получит на самом деле, и тогда ссор будет меньше.

– Я думаю, что когда ссора уже в самом разгаре, то ничего сделать уже нельзя. Но до того как я намереваюсь что-то кому-то сделать, я должен подумать и понять, что ничего хорошего для меня из этой ссоры не получится.

– Ну, допустим, мы сейчас ссоримся. Что хорошего из этого выйдет? Мне кажется, нужно просто не замечать.

– У меня есть предложение. Прежде чем ты идешь драться, подумай, что ты сам от этого выиграешь. Ничего. Тебя же и обвинят, и еще получишь замечание в дневник. И все.

– Когда мы начинаем ссориться, нужно сразу подумать о результате. Если мы это сделаем, то, скорее всего, придем к выводу, что никому эта ссора не нужна.

Один из детей записывал все высказанные предложения. Он зачитывает, а дети одобряют или нет:

1. Прервать ссору – нет.
2. Прервать ссору и начать обсуждать – да.
3. Подумать до того, как начинаешь ссору – да.
4. Нарисовать плакаты, чтобы напомнить – нет-нет, поставь знак вопроса.
5. Не обращать внимание – да.

А. Ульянов: Это небольшой пример, демонстрирующий методику обсуждения.

И. Якович: На самом деле такая методика когда-то была очень распространена, затем ее оставили, но периодически ее в той или иной модификации все-таки пытаются применять.

М. Лайтман: Вы думаете, что, в конце концов, эта методика не приживется?

И. Якович: Сегодня это не применяется, так как дети очень шумят в процессе такого обсуждения и не прислушиваются друг к другу. Но здесь я вижу, что они очень внимательно слушают друг друга.

М. Лайтман: Мне кажется, что если мы приучим их разговаривать и прислушиваться друг к другу, мы тем самым предотвратим множество проблем.

И. Якович: Видно из примера, как замечательно дети слушают.

М. Лайтман: Сам диалог отпечатывается в них, они включаются друг в друга, а это больше, чем что-либо другое, влияет на поведение человека.

И. Якович: Что значит «включаться друг в друга»?

М. Лайтман: Дети впитывают мнения других, впечатляются от них, начинают понимать, что у другого человека есть свое понимание ситуации, которое нужно уважать. Даже если они сталкиваются с другим мнением, отличным от их собственного, все равно чувствуют, что есть возможность диалога или даже спора, то есть учатся решать конфликты через обсуждение, а не через драку или агрессию в ее любой форме. Здесь есть возможность для проявления эгоизма, так как в споре можно убедить другую сторону и сделать так, что она примет мое мнение, и этим можно будет гордиться, а это самое сильное наслаждение.

И. Якович: То есть удовлетворить свое эго не через агрессию.

М. Лайтман: Агрессия в это время как бы успокаивается, причем с двух сторон, хотя противоположность не стирается.

Спор учит нас, что можно прийти к соглашению, даже не почувствовав своей уступки. Просто чужое мнение как-то незаметно становится моим.

А. Ульянов: Это можно показать через видеосъемку спора, где будет явно видно, как в процессе происходят изменения мнений.

М. Лайтман: Можно и так, но дети должны быть готовы к этому. Ведь глядя на себя со стороны, они могут увидеть себя как будто слабыми, непоследовательными, уступчивыми, и это может дать обратный результат. Поэтому очень важно предварительно выстроить в них понимание, что логический анализ ситуации, разум...

И. Якович: Совместное обдумывание...

М. Лайтман: Это лучше и правильнее, чем проявление силы, власти, гордыни, то есть тех явлений, которые человек должен в себе преодолевать.

А. Ульянов: Как воспитать такое отношение?

М. Лайтман: Показывать, что человек не должен себя вести, как осел, который упирается даже тогда, когда совершенно ясно всем и ему самому, что он неправ.

А. Ульянов: Если ребенок действительно себя так ведет, можно ему показать его самого со стороны?

М. Лайтман: Можно, но с осторожностью.

А. Ульянов: По-другому это не сработает, только через пример.

М. Лайтман: Нужно, чтобы они увидели себя со стороны несколько раз и убедились, насколько им трудно принять мнение другого.

А. Ульянов: После окончания обсуждения подвести итог поведения каждого?

М. Лайтман: Да. Но нужно донести до них, что никто не застрахован от такого поведения, подобные проявления есть у каждого, и сейчас самое главное – насколько каждый сможет понять и принять мнения других, для того чтобы измениться. Затем нужно повторить подобную ситуацию.

И. Якович: То есть Вы говорите о воспитании в детях уважения к такому качеству, как умение слушать другого, анализировать и принимать его мнение, делая своим.

М. Лайтман: Совершенно верно.

И. Якович: Я думаю, что, с точки зрения психологии, именно это и происходит во время обсуждения. Каждый участник такого диалога, прислушиваясь к мнению другого, сверяет его со своим мнением и анализирует свое отношение к нему. И Вы подчеркиваете, что именно изменение своего мнения в результате обсуждения – самое важное.

М. Лайтман: Да. Нужно понять, что с самого начала у нас нет собственного мнения. То, что мы принимаем за таковое, –

всего лишь усвоенные из окружающей среды стереотипы. Что-то мы слышим или читаем в средствах массовой информации, впитываем откуда-то еще. Такую смесь мы считаем своим мнением и приносим его на обсуждение, чтобы выяснить нечто нейтральное.

А. Ульянов: Это должен объяснять или показывать инструктор?

М. Лайтман: Нет-нет. Это именно то конечное понимание, которое мы должны в детях сформировать. Человек в таком обсуждении должен быть вначале нейтральным и готовым принять любой вывод или позицию, которые окажутся самыми логичными, ценными для него.

И. Якович: Возможно, мы должны учить тому, что конечное мнение должно основываться на как можно большем количестве фактов, и если добавляются новые, то необходимо учесть и их?

М. Лайтман: Да, но в таком случае остается возможность для несогласия и разделения между мнениями. Самое лучшее – научить детей, что взгляды людей на самом деле сформированы под влиянием окружающей среды и все время меняются.

И. Якович: Мне кажется, что очень проблематично учить ребенка тому, что на самом деле у него нет никакого собственного мнения.

М. Лайтман: Почему?

И. Якович: Понятно, что Вы не хотите воспитывать негибкость во мнениях, но, с другой стороны, мы постоянно принимаем решения.

М. Лайтман: И постоянно меняемся.

И. Якович: Да.

М. Лайтман: Так нужно показать ребенку, что он сам меняется, чтобы он принимал это с легкостью.

И. Якович: Но это не означает, что у него нет собственного мнения, а скорее, что он все время его создает.

М. Лайтман: Нужно научить его относиться к своим взглядам как к чему-то проходящему. Тогда он будет относиться к совместным обсуждениям как к чему-то важному, помогающему сформировать более правильное мнение.

А человек, который постоянно изменяется, находится в развитии.

И. Якович: Если он все время создает новое мнение, то это означает, что он изменяется и развивается?

М. Лайтман: Да.

И. Якович: Все-таки это не отсутствие мнения, а его постоянное изменение.

А. Ульянов: Возвратимся к видеоклипу. На следующем этапе, после обсуждений в малых группах, каждая представила свои окончательные выводы перед всеми, и состоялся общий разговор.

Клип 7

Ведущая: Сейчас представитель от каждой группы скажет три самых основных предложения его группы, которые должны войти в собрание правил общественного поведения.

Первая группа: 1. Не обращать внимания и отдалиться. 2. До начала ссоры и каких-либо действий представить себя на месте другого и подумать. 3. Посчитать про себя до пяти перед каждым действием, и подумать, как можно отреагировать без ссоры.

Вторая группа: 1. Каждому нужно постараться лучше узнать другого, чтобы случайно не обидеть его. 2. Если все-таки случается ссора, должен быть кто-то, кто их разведет.

Ведущий: Что это значит? Это должны быть постоянные дети, которые во время перемен будут следить за порядком?

– Не обязательно. Это могут быть дежурные.

Ведущий: Они должны быть из того же класса или старше?

– Мне кажется, что они могут быть всех возрастов, это не важно.

Ведущая: И что еще вы предлагаете?

– 3. Если кто-то с тобой ссорится, и ты не понимаешь причину, то выясни, что он хочет.

Ведущая: Прямо во время ссоры?

– Нет, до ее начала.

Третья группа (читает): 1. Нужно иметь хороших друзей, которые смогут защитить тебя в случае ссоры с другими детьми в классе. 2. Нужно занять детей чем-то интересным, чтобы предотвратить ссоры от скуки.

Ведущая: Это должны делать учителя?

– И учителя, и сами дети. 3. Просто выбирать хорошую среду, которая будет давать правильные примеры поведения.

М. Лайтман: Дети не должны зачитывать.

И. Якович: Это не хорошо?

М. Лайтман: Ну да, они сначала пишут, а затем не могут точно прочитать.

И. Якович: Но все-таки они высказали немало предложений.

М. Лайтман: Это один из вариантов обсуждения.

И. Якович: Мне кажется, что обсуждение в малых группах позволяет детям высказываться более свободно.

М. Лайтман: Польза от этих обсуждений в том, что они могут заменить и предотвратить многочисленные ссоры, непонимание и выяснение с помощью силы. Вместо этого, слушая друг друга, включаясь друг в друга, переживая в процессе обсуждения различные ситуации, дети могут в течение короткого времени пройти множество состояний и в результате научиться лучше пони-

мать и чувствовать другого человека, видеть в нем изменения, а не относиться к нему как к бесчувственной статуе. Тем самым мы строим человека с совершенно другим поведением.

А. Ульянов: Но в конце обсуждения лучше, чтобы дети высказали, а не зачитывали свои предложения.

М. Лайтман: Да, хотя им трудно будет сформулировать. Ведь они должны составить цельные предложения. А трудность в прочтении легко объяснима: ведь с момента, когда они обсуждали и записывали, до того, как начали читать, они уже прошли несколько состояний и успели забыть, что писали.

И. Якович: На меня произвело впечатление, что в предложениях детей они много говорили о необходимости понять другого и о важности связи между ними. Это очень хорошая основа для построения правильных взаимоотношений. Дети подчеркивали необходимость понять чувства другого.

М. Лайтман: Можно для сравнения произвести подобное обсуждение в обычной школе и просто посчитать количество случаев агрессии до и после таких обсуждений. Тогда мы увидим, насколько это положительно влияет, и, может быть, это убедит школьное руководство принять метод обсуждения как обязательное воспитательное средство.

И. Якович: Я бы назвала эту методику «интересным обсуждением». Ведь обсуждения, которые проводятся и сегодня, воспринимаются как нечто чересчур скучное и расплывчатое.

А здесь были применены различные приемы для того, чтобы сделать обсуждение действительно интересным и актуальным.

М. Лайтман: Нужно считаться с тем, что интересует детей, что происходит в классе.

А. Ульянов: Подведем итоги. Мы сегодня говорили о методе обсуждения. Главное правило – тема обсуждения должна быть для детей актуальной и затрагивать события, происходящие в классе и в жизни. Хорошим результатом обсуждения будет непрерывный процесс: выяснение, изменение мнений под его влиянием и снова выяснение. Все это должно основываться на логическом анализе, сопоставлении, на понимании того, что наши мнения могут и должны изменяться, включая в себя мнения других. Изменяющийся человек – это человек растущий, развивающийся. Мы предлагаем выйти в школы и там применять и развивать эту методику.

РАБОТА С ГРУППАМИ ДЕТЕЙ РАЗНОГО ВОЗРАСТА

Собеседники: Анатолий Ульянов, Ирина Якович и Илья Винокур

А. Ульянов: Сегодня мы поговорим конкретно о работе инструкторов с группами детей и подростков.

И. Якович: Одна из особенностей работы с группой подростков... в возрасте от 12-13 до 18 лет, которая бросается в глаза, – это существенные отличия между подростками разного возраста. В результате создается различие в развитии, самовыражении и поведении. Интересно, что иногда именно молодые люди проявляют способность четко выразить свою позицию, а взрослые даже проигрывают в этом, выглядят по-детски.

М. Лайтман: Потому что дети меняются.

И. Якович: Да, и темп изменений очень быстрый.

М. Лайтман: Но не всегда они представляются умнее. Бывают периоды путаницы и падений, а затем вновь подъем.

И. Якович: Совершенно верно. Подросток то проявляет самостоятельность, то снова становится ребенком. Вопрос в том,

насколько возможно работать вместе или все-таки стоит разделять их по возрастам?

М. Лайтман: Группа, в которой находятся дети разных возрастов? Нет, конечно, это неправильно. Как 13-летние дети могут быть вместе с 16-17 летними? Это просто как дети вместе с взрослыми. Нет, это неправильно. Говорится о большой разнице между возрастными группами 3-6, 6-9, 9-12 и в интервале от 13 до 20 лет также есть разделение.

И. Якович: Разделение все-таки есть?

А. Ульянов: Какое разделение должно быть в возрастном периоде от 13 до 20 лет?

М. Лайтман: Нужно сделать три группы.

И. Якович: Каждые два года – группа?

М. Лайтман: Да, одна группа 13-15 лет, в зависимости от уровня детей.

И. Якович: И от того воспитания, которое они получили.

М. Лайтман: Да. Затем группа 15-17 лет. Это подростки, приближающиеся к зрелости. И последняя группа, начиная с 18 лет, с которыми уже можно говорить, как с взрослыми.

И. Винокур: Всегда ли нужно формировать группы исключительно по возрастному признаку? Например, у нас есть дети 12-13 лет, которые рассуждают так, что я могу им только позавидовать. И, напротив, есть молодые люди 17-18 лет, которые

менее развиты. Может быть, можно формировать группы по уровню развития, а не только по возрасту?

М. Лайтман: Если ты возьмешь группу детей, скажем, 12-13 лет, поместишь их в какие-то ограниченные рамки и скажешь, что это – мир, то дети быстро научатся в нем ориентироваться. Им будет все ясно: там взрослые, здесь дети, все упорядочено. Они будут чувствовать себя уверенно, обсуждать с тобой проблемы и даже спорить. Когда же их мир начнет расширяться и усложняться, то им уже будет сложнее разобраться во всевозможных ситуациях. Появляются новые отношения между подростком и остальным миром, между полами. Этот новый мир может пугать, например, службой в армии или просто выходом в большой мир без границ, без привычных рамок. Сама мысль о том, что нужно выйти из-под опеки родного дома, семьи и школы пугает, несмотря даже на то, что все эти рамки давно надоели, но они все-таки давали уверенность и поддержку. Вдруг именно в старшем возрасте подростки начинают чувствовать испуг перед большим миром, в котором нет ограничений. И здесь нам очень важно помочь им сделать этот прорыв в большой мир: в армию, на заводы, в длительные путешествия, в больницы, банки и т.д. Мы должны показать им жизнь такой, какова она есть. Они встают утром и не идут в школу, а всей группой едут в разные места, туда, где работают врачи, инженеры, рабочие. Они должны узнать жизнь, мир. Пусть полдня проведут в автобусе и посмотрят на пассажиров – это тоже жизнь, которую они будут впитывать в себя.

И. Якович: Превратить неведомое в знакомое.

М. Лайтман: Да, и как можно больше. Это нужно делать, конечно же, не в 17 лет, а начинать намного раньше и постепенно. В процессе таких экскурсий дети начинают видеть, для чего они учатся, почему нужно понимать мир и людей, правильно выстраивать отношения. Тогда они поймут, что школа готовит их к жизни, а потому необходима. Ведь сегодня они не знают, зачем она нужна: «родители уходят на работу, а потому оставляют меня в этом месте для присмотра».

И. Винокур: Вернемся к делению на возрастные группы. Вы могли бы подробнее остановиться на том, какие темы и какие акценты должны быть в работе воспитателей в каждом возрасте?

М. Лайтман: Я думаю, что в каждом возрасте нужно говорить обо всем. Вопрос только в том, в какой форме это передать. Ребенку в возрасте примерно с 6 лет уже нужно объяснять все. С 2 до 6 лет закладываются основы общего мировоззрения, а с 6 лет мы начинаем объяснять им мир более подробно и должны объяснять все. В течение одного года нужно познакомить детей со всеми аспектами жизни человека в обществе, и делать это с помощью экскурсий, о которых мы говорили. Я еще раз подчеркиваю, что половину школьного времени ребенок должен находиться вне стен школы.

А. Ульянов: В школьном автобусе?

М. Лайтман: Да. А после этого провести работу в классе, обсуждая увиденное: что люди делают, для чего нужен продукт,

который они выпускают, где они этому учатся и т.д. Нужно обращать их внимание не только на объект экскурсии, но и на людей, животных, механизмы, которые там действуют. Так ребенок познает жизнь. В конечном счете, чего мы требуем от школы? Подготовить человека к жизни.

И. Якович: Обсуждение после такой экскурсии действительно очень важно. В сущности, они получают материал, ощущения, которые затем необходимо обговорить.

А. Ульянов: И все же, есть ли отличие в выяснениях между группами детей 13-15 и 15-17 лет?

М. Лайтман: Различие в глубине обсуждения, в том, насколько мы раскрываем мир и можем объяснить положительные стороны жизни и отрицательные. Почему бы, например, не показать детям тюрьму? Подумай, как это правильно сделать. Представь, что они входят, и за ними закрывается стальная дверь. Они остаются на тюремном дворе, осматриваются, затем им открывают двери камер. Даже полицейского участка достаточно!

А. Ульянов: Мы с ними это делали.

М. Лайтман: Вы увидите, как сильно это воздействует на ребенка. И тогда ты начнешь думать, в каком возрасте это можно сделать, как нужно предварительно подготовить детей, какие примеры внутри тюрьмы показать, что объяснить из происходящих там событий. Может быть, прежде стоит повести их в армейскую тюрьму как более легкую или в больницу. Здесь

тоже нужно продумать, в какое отделение ты их ведешь в соответствии с возрастом. Я уже рассказывал, какие сильные впечатления получил, когда в бытность студентом впервые побывал в родильном зале. Это был просто шок, несмотря на то, что я воспитывался в семье врачей, много читал и слышал немало откровенных разговоров на эти темы. Сегодня, конечно, все более открыто, но, тем не менее, сам вид крови и всего процесса оставляет след на всю жизнь.

И. Винокур: С детьми обязательно должен быть взрослый инструктор или с небольшими группами могут работать молодые люди 17-18 лет? Есть различие в их отношении к детям?

М. Лайтман: Это очень специфические вещи. Даже если мы показываем детям какое-то производство – строительство, гараж или завод, – то подробно объясняем весь процесс. У ребенка после экскурсии должно быть четкое представление, где он был, что и как делают на этом месте, какие правила безопасности для работы там существуют, почему нужно их соблюдать и т.д. Ты объясняешь ему часть нашей жизни, и он уже знает, к чему эта часть относится, а не просто смотрит. Конечно, желательно, чтобы с детьми были их старшие товарищи и подростки, которые знают больше, могут посоветовать, поддержать, дать пример. Но это не должно мешать их первому эмоциональному отношению к увиденному, ведь в присутствии старших дети меняются, хотят выглядеть серьезнее. Нужно брать это в расчет.

И. Винокур: Допустим, есть две группы разных возрастов, но дети хорошо знают друг друга, растут вместе и т.д. Должны ли мы в группе старших детей делать акцент на их подготовке к работе с младшими, или они растут отдельно и только иногда исполняют роль инструкторов?

М. Лайтман: Иногда – как в жизни, когда старшие присоединяются и помогают младшим. Конечно, мы должны готовить будущих воспитателей, для которых это станет профессией. Но вся группа старших может только иногда присоединяться к младшим. Мы не должны отнимать у маленьких возможность быть только в своем обществе.

А. Ульянов: В предыдущих беседах мы говорили о том, что нужно разговаривать с детьми на темы, которые им интересны. Возможно, что молодежи в 17 лет вовсе не интересна экскурсия в больницу или поездка в автобусе. Как соединить это вместе?

М. Лайтман: 17 лет это, наверное, слишком поздно. Мы говорим о работе, которую начинаем намного раньше.

А. Ульянов: Я вижу, что в 11-12 лет дети действительно очень хотят ходить на экскурсии, им это нравится. В 17 лет они уже не возбуждаются от любого предложения куда-то поехать или пойти; посещение больницы их не привлекает.

М. Лайтман: Мы не должны просто таскать их по всем этим местам. После того как они поймут в целом, как устроено и функционирует общество, я бы начал брать их в более спец-

ифические места. Лучше всего разделить детей по интересам и склонностям, и идти с ними в такие места, которые могут привлечь их профессионально.

А. Ульянов: Например, тех, в ком больше развиты технические способности, взять на наиболее технически развитые предприятия...

М. Лайтман: Да, а тех, кому ближе искусство – туда, где его можно увидеть. Даже если они ничего не будут там делать, а просто покрутятся, то уже впитают в себя атмосферу этих мест, и это очень важно.

А. Ульянов: Как должно проходить затем обсуждение: в каждой группе отдельно или все вместе?

М. Лайтман: И так, и так. Как в человеческом обществе есть разделение по профессиям, и есть связь между людьми разных профессий, так и с детьми. Но нужно каждому ребенку предоставить возможность увидеть все. Человек должен почувствовать энергетику разных мест и людей: тех, кто занимается компьютерами, по сравнению с теми, кто пишет музыку. Ребенок должен почувствовать разницу между служащим банка, следящим за изменениями на бирже, и работником большого государственного учреждения. Каждый себя проверит, увидит большой мир. Пускай и на рынок сходят, почему бы и нет?

И. Якович: Дать им возможность почувствовать себя на этих местах?

М. Лайтман: Да. Например, если есть девочки, которым интересна мода, отведи их в магазины-бутики и дай им возможность посмотреть, легко ли отработать там целый день, обслуживая требовательных покупателей.

И. Винокур: Скорее, покупательниц.

М. Лайтман: Я говорю совершенно серьезно: дети должны почувствовать все стороны жизни.

И. Винокур: До сих пор мы говорили о необходимости раскрыть детям глаза на мир и подготовить их к полноценной взрослой жизни. Но что происходит между детьми? Речь идет о двух возрастных группах: 12-15 и 15-17 и старше. Есть ли разница в подходе и выстраивании отношений между детьми внутри группы?

М. Лайтман: Я думаю, что если общий процесс организован правильно, то и общение между детьми будет более полным и интересным, а не ограниченным примитивным и агрессивным сленгом, как мы это видим сегодня. Школа должна стать настоящей школой жизни, так как должна показать все стороны человеческого существования. Дети за время учебы должны как можно больше выходить за рамки самой школы и участвовать во внешней жизни.

Сегодня школа стала ненавистным местом, где процветают агрессия, наркотики, даже проституция. Нужно вывести детей оттуда, дать им возможность встречаться со значимыми людьми, участвовать в настоящей жизни. Это предотвратит множество проблем.

Дети должны почувствовать, что значит жить в большом обществе. После этого не нужны никакие слова. Вместо того чтобы лгать им и объяснять мир на словах, надо показать, что это такое. Затем увиденное остается только обсудить, поскольку каждый увидел и почувствовал по-своему и людей, и их поведение. Такое обсуждение будет живым и интересным. А что сегодня дети учат в школе? Сухой материал, который они не чувствуют.

И. Якович: Вы говорите об экскурсиях, которые должны ребенка чему-то научить. Ведь могут быть и просто экскурсии, в которых дети остаются пассивными и совершенно не участвуют в происходящем. Мы сегодня видим, как много проблем в поведении проявляется именно в экскурсиях. Молодежь считается самыми проблемными гостями в любом месте, так как они мешают, шумят, зачастую их совершенно не интересует, что им показывают и объясняют.

М. Лайтман: Должна быть соответствующая подготовка. Мы говорим о группах, с которыми работаем несколько лет. Мы их приводим, например, в аэропорт, туда, где ремонтируют самолеты. Мы даем им возможность посидеть в самолете. Им рассказывают, как все работает, в чем заключается работа летчиков, как проверяют багаж пассажиров и т.д. Это не может быть неинтересно.

И. Якович: Может быть, дать им возможность что-то сделать самим?

М. Лайтман: Возможно. Нужно показать им то, что видел не каждый взрослый. Тогда это будет интересно. Мы должны показать ребенку жизнь, чтобы затем она не стала для него полной неожиданностью, когда все то, чему его учили в школе, оказывается ненужным. Я думаю, что для этого не нужно много денег, а преимущества налицо. Кроме всего прочего, это даст возможность вывести их из стен школы, где они варятся в одном котле, а это избавит нас от множества проблем.

И. Якович: Вы имеете в виду поведение?

М. Лайтман: Да, ведь именно от скуки они начинают вести себя в школе агрессивно, не знают, как избавиться от злости и гнева. А здесь они почувствуют себя совершенно по-другому.

А. Ульянов: Есть ли в процессе таких экскурсий место для выяснения отношений между детьми?

М. Лайтман: Для этого нужны специальные обсуждения.

А. Ульянов: Значит, мы должны работать по двум направлениям. Одно – ознакомление с внешним миром, а второе – изучение самих себя, своей природы.

М. Лайтман: Когда мы приводим их куда-то, и специалист рассказывает им о своей специальности, то они начинают понимать, для чего нужно знать математику, физику, биологию, географию и так далее. Это понемногу начинает проникать в сознание ребенка и оформляться в четкое понимание, для чего нужно учиться. Поэтому обязательно, чтобы в каждом месте

дети получали подробные объяснения всего происходящего и связывали это с учебным процессом.

А. Ульянов: Но есть ли возможность для формирования отношений между детьми в подобных экскурсиях или все направлено только на впитывание каждым в себя всего происходящего? Ведь они выходят на подобные экскурсии вместе, всей группой. Стоит ли как-то акцентировать на этом внимание?

М. Лайтман: Возможно, что да, но главная цель – получение впечатления.

И. Якович: Можно дать групповое задание, в котором каждый получает какую-то часть.

М. Лайтман: Конечно, это обязательно. Каждый должен записывать и затем составить отчет: что видел, какое получил впечатление. Мы должны организовать все так, чтобы ребенок изучил то место, где побывал.

И. Якович: Изучил основательно, не поверхностно.

М. Лайтман: Да. Такие экскурсии 1-2 раза в неделю могут стать средством для сброса лишнего напряжения.

И. Винокур: О чем стоит беседовать с детьми после того, как они вернулись с экскурсии и обменялись впечатлениями?

М. Лайтман: Нужно объяснить, что сегодня они познакомились еще с одной частью большого мира. Нужно выяснить, в чем функция этой части, что именно она делает для всего

общества, какие люди там работают. Мы связываем функционирование отдельного предприятия или учреждения со всем обществом и подчеркиваем, что каждая часть обязана что-то делать для общества. Мы снова возвращаемся к понятию глобального мира. Обязательно нужно обсудить, какого типа люди могут работать на этом месте, какими знаниями и какими чертами характера они должны обладать. Из таких отдельных кубиков мы формируем у детей понимание жизни. Вместе с этим они начинают по-другому относиться к учебным предметам.

И. Винокур: Они поймут, что сами должны будут стать необходимой частью общества?

М. Лайтман: Да. Я помню, что когда в школе учил химию, то ненавидел этот предмет, совершенно не понимая, для чего мне нужно знать, как одни атомы и молекулы соединяются и реагируют с другими. И только после того, как я увидел в аптеке, где работала моя родственница, как делают лекарства – а их тогда делали прямо на месте, смешивая различные вещества в точных пропорциях, – мое отношение к этому предмету изменилось. Я понял, что тело человека тоже является огромной химической лабораторией, и стал иначе относиться к этому предмету. Тогда у меня появилось терпение и готовность слушать об этом в школе.

А. Ульянов: Итак, сегодня мы говорили о делении на возрастные группы и об одном из главных методов в работе с

детьми – учебных экскурсиях. Проводить такие экскурсии желательно 1-2 раза в неделю, каждая из них должна сопровождаться подготовкой до экскурсии и обсуждением после нее. Экскурсии должны, в конечном счете, внести свой вклад в формирование понимания, для чего существует мир, почему нужно его изучать, и в чем проявляется связь каждого из нас с миром.

ПРИМЕРЫ ЭКСКУРСИЙ

Собеседники: Анатолий Ульянов и Ирина Якович

А. Ульянов: В предыдущих беседах мы говорили о необходимости как можно больше показать и объяснить детям окружающий мир, и лучшим средством для этого являются экскурсии. Нужно просто показывать детям все, что есть вокруг них. Мы уже начали эту работу, и сегодня мы увидим небольшой пример, как это происходит. Но для начала несколько общих вопросов.

И. Якович: Есть места, в которые обязательно и в первую очередь нужно приводить детей. Если мы попробуем составить план таких экскурсий, что будет стоять на первых местах в этом плане?

А. Ульянов: Я только хочу напомнить, что мы говорим об организации экскурсий для детей в самые разные места, начиная с раннего возраста, с 6 лет. Примерно треть всего учебного времени желательно использовать на проведение таких экскурсий с последующим обсуждением увиденного.

М. Лайтман: Да, и это необходимо для того, чтобы по-настоящему подготовить детей к жизни, а не просто вырастить роботов, умеющих выполнять определенную работу.

И. Якович: Нужно ли здесь вводить разделение по возрастам? Скажем, для детей 6-12 лет – одни экскурсии, для старших – другие?

М. Лайтман: Конечно. Мы не можем брать 6-летних детей в больницу, в морг, на кладбище или даже в отделение полиции или тюрьмы. Им это будет чуждо и непонятно, так как еще не находится в поле их зрения.

И. Якович: Значит, для возраста 6-9 лет нужно подготовить специальную программу экскурсий?

М. Лайтман: Да, больше природы, близких и понятных для детей вещей. Вообще нужно учитывать, что растущий человек проходит в своем развитии все стадии – такие, как неживой, растительный и животный уровень.

И. Якович: Что значит «проходит»?

М. Лайтман: Это этапы его развития. Примерно с 6-летнего возраста, даже немного раньше, и до 10-11 лет (возрастные границы могут меняться в зависимости от среды, в которой ребенок растет), ребенок еще находится на животном уровне развития.

И. Якович: И что ему подходит в этом возрасте?

М. Лайтман: Он развивается естественным образом, и в нем еще не проявляются те отрицательные явления, которые мы наблюдаем в человеческом обществе.

И. Якович: Но он уже интересуется тем, что есть в его окружении.

М. Лайтман: Да, но это не привлекает его. В нем еще не проявляется во всей своей силе злое начало, он не желает и не причиняет зла другим, а только хочет играть с другими детьми.

И. Якович: Да, но в возрасте 11 лет дети уже подвергаются влиянию Интернета.

М. Лайтман: Граница и время перехода к другому периоду, как я уже сказал, очень зависят от того, где именно растет ребенок.

А. Ульянов: То есть на начальном этапе дети все-таки ближе к природе.

М. Лайтман: Да. И поскольку в этом возрасте дети ближе к природе, к неживому, растительному и животному уровням в ней, и развиваются больше внутренне, чем внешне, то мы должны брать их на экскурсии в места такого уровня. Например, можно повести туда, где готовят пищу, шьют, то есть туда, где человек что-то производит естественным образом.

А. Ульянов: Значит, в возрасте от 6 до 10-11 лет мы поведем детей туда, где еще не проявляется явно злое начало человека.

М. Лайтман: На этом этапе мы покажем естественные для человека и природы промыслы, например, жизнь в деревне, содержание животных и тому подобное.

А. Ульянов: Как человек одевается, чем питается, как передвигается...

И. Якович: А как же городские дети?

М. Лайтман: И городские дети должны знать то же самое. Все дети в этом возрасте интересуются самыми простыми, естественными вещами.

Я вижу по своему внуку, как он любит, когда приезжает машина, вывозящая мусор. Она приезжает, гремит, загружает всякие контейнеры, сигналит – для него это настоящее развлечение.

И. Якович: Напомним, что вашему внуку 2,5 года.

М. Лайтман: Да. В соответствии с интересами детей нужно им показывать, например, как вывозится мусор, куда складывается и так далее.

И. Якович: Показать, как городской муниципалитет это организует?

М. Лайтман: Да, и вообще осветить все вопросы естественного снабжения человека всем необходимым ему для жизни.

Мой отец, который работал зубным врачом, часто брал меня с собой в клинику. И меня это развивало, хотя зубная клиника – не такое уж увлекательное место. Но это позволило мне понять какие-то стороны жизни.

А. Ульянов: Больница – это уже животный уровень развития.

М. Лайтман: Да, в больницу можно отвести попозже, а пока – туда, где люди едят, покупают все необходимое, например, показать подсобные помещения и склады супермаркетов, загрузку и разгрузку, чтобы они увидели всю огромную систему, работающую на человека. Важно показывать положительные стороны.

И. Якович: Показывать и сам процесс производства продуктов питания?

М. Лайтман: Да-да, показывать все.

А. Ульянов: Различные виды транспорта – поезда, самолеты – тоже относятся к этому уровню?

М. Лайтман: Конечно.

И. Якович: Поездка в аэропорт – замечательная экскурсия для детей. Но когда же мы поведем их на экскурсию в отделение полиции, в тюрьму?

М. Лайтман: Накануне наступления того возраста, когда у подростков начинают проявляться те явления, из-за которых они могут попасть в эти места не на экскурсию. Когда это начинается?

И. Якович: В подростковом периоде: сегодня это 11-12 лет.

М. Лайтман: Значит, в это время можно в дополнение ко всему, что мы уже сказали, повести и в эти места.

И. Якович: В дополнение? Снова вести их туда, где они уже были, как хождение по спирали?

М. Лайтман: Но в каждом возрасте восприятие совершенно другое. Скажем, пищевое предприятие они увидят совершенно другими глазами.

А. Ульянов: Посмотрят и заметят то, что не видели раньше.

И. Якович: То есть стоит повторно приходить в те же места?

М. Лайтман: Почему бы и нет? Сколько всего разных мест, куда мы собираемся их взять? Порядка 10-15, не более. К этому можно добавить отделение полиции...

А. Ульянов: Суд.

М. Лайтман: Да. Но не просто зайти и выйти, а дать им возможность увидеть на экране то, что происходит внутри, в камерах, на допросах. Затем показать суд, может быть, проследить какое-то одно дело от начала до конца. Это должно быть в мягкой форме, но, тем не менее, впечатлять.

И. Якович: В мягкой форме, то есть не вызывая страх, не показывая тяжелых моментов?

М. Лайтман: Делать это так, чтобы вызвать определенную степень осторожности, но не утрачивать. Естественно, после экскурсии должно быть обсуждение.

Так в течение нескольких лет они побывают и в больнице, и в других местах. Нужно продумать, куда и когда можно с ними пойти, но в любом случае нужно показать все. Я в возрасте 18 лет побывал и в морге, и в родильной палате, где

пришлось увидеть многое. И я хорошо помню, как увиденное изменило во мне и моих товарищах отношение к женщинам.

И. Якович: Изменило в лучшую сторону?

М. Лайтман: Да. Мы стали уважать те страдания, которые выпадают на долю женщин. Можно также показать учреждения, где проходят лечение наркоманы и алкоголики.

И. Якович: Это уже в более зрелом возрасте, перед самым выходом во взрослую жизнь.

М. Лайтман: Многое зависит от состава группы, здесь трудно определить точные возрастные границы.

И. Якович: То есть нужно учитывать характер и состав группы?

М. Лайтман: Обязательно. Если вдруг мы замечаем, что эти явления проникают в группу, сразу же нужно организовывать такую экскурсию для того, чтобы предотвратить болезнь, а не лечить ее.

И. Якович: Если, например, в группе есть проявления агрессии, то нужно делать экскурсию в полицию и в суд?

М. Лайтман: Ну, да, чтобы они поняли, что есть границы.

А. Ульянов: И чем такое поведение может закончиться.

М. Лайтман: После такой экскурсии обязательно должно быть обсуждение.

И. Якович: Как правильно подготовить детей к таким экскурсиям, особенно в раннем возрасте?

М. Лайтман: Я думаю, мы должны раскрыть перед ними все эти места как окружающую нас среду. Как мы посмотрели банки, зоопарки, пищевые предприятия, транспорт и прочие места, так и тюрьма, полиция и больница – наша среда.

А. Ульянов: Показать разнообразие внешнего мира?

М. Лайтман: Верно. Но важно показать, как это работает внутри. Если ребенок приходит в какое-то место, хочет, например, купить что-то...

А. Ульянов: То нужно показать, что за пакетиком сладостей, которые он покупает, стоит целая отрасль промышленности.

М. Лайтман: Именно так, потому что это построит в нем понимание того, насколько наш мир интегральный, и как в производстве самой простой вещи могут участвовать множество людей разных профессий, работающих круглосуточно, транспортные средства, разные страны.

И. Якович: И все время возвращаться и напоминать о тех местах, где они были, так как дети склонны забывать.

М. Лайтман: Да. Но с каждым возвращением мы углубляем понимание всех систем. Скажем, два года назад мы были на каком-то пищевом предприятии и снова возвращаемся к нему. Нужно расширить взгляд, добавить новые аспекты, например,

как проходит технологический процесс, какие химические вещества используются, как продукты сохраняются и т.д. Все время через рассказы и обсуждения усложнять и расширять их взгляд. И так дети естественным образом будут это впитывать, у них сформируется правильное понимание сложности мира, интегральной зависимости всех его частей. Им станет понятно, что если весь мир работает на одного человека, то и человек должен внести свой вклад в общее. Они просто будут видеть, что за каждым нашим самым простым действием, как, например, купить что-то в магазине или выпить чашку кофе в кафе, стоит работа множества систем.

И. Якович: Вместо того чтобы воспитывать их как потребителей, Вы предлагаете гораздо более широкий подход.

М. Лайтман: Такой подход правильно настраивает человека по отношению к миру. Мне кажется, что именно он должен стать направляющим в воспитании, хотя может показаться, что это вовсе и не относится к воспитанию, а больше к образованию.

И. Якович: По сути, это настоящие уроки обществоведения.

М. Лайтман: Ну, это я не знаю.

И. Якович: Дети ненавидят этот предмет, потому что на нем говорят о каких-то слишком высоких вещах, а Вы предлагаете войти в жизнь.

М. Лайтман: Не заниматься болтовней, а обсуждать после экскурсий.

А. Ульянов: Должна ли предшествовать экскурсии подготовительная беседа?

М. Лайтман: Подготовка должна быть самой простой.

И. Якович: Например?

М. Лайтман: Сказать, на какое предприятие мы идем, что оно выпускает, где применяется его продукция. Дальше, разумеется, должен быть человек, который ведет по предприятию и показывает весь процесс, начиная с доставки сырья и заканчивая проверкой качества продукции в лабораториях.

А. Ульянов: Я предлагаю посмотреть пример того, как проводилась подготовка к экскурсии в отделение полиции с одной из наших групп. После сегодняшней беседы, возможно, мы что-то изменим. Давайте посмотрим видеоклип.

Клип 8

Воспитатель: Сегодня мы пойдем на экскурсию в одно из отделений полиции. Очень важно, как мы подготовимся к этой экскурсии. Прежде всего, я хочу узнать, что, на ваш взгляд, должна делать полиция?

– Полиция нужна, чтобы предотвращать вспышки эгоизма, когда он развивается, и чтобы люди соблюдали законы.

– Чтобы соблюдался порядок.

– Чтобы охранять законы, и чтобы не было на свободе слишком много воров, так как они будут плохо влиять на других людей.

Воспитатель: Кто из вас хочет быть полицейским и почему?

– Потому что он все решает и следит за остальными.

– Потому что охраняет покой в городе.

– Потому что он делает доброе дело для всего города.

Воспитатель: На чем нужно сконцентрироваться во время экскурсии?

– Помнить о нашем единстве и пытаться поддерживать друг друга.

Воспитатель: Что мы хотим узнать из экскурсии?

– Мы хотим увидеть, как полиция работает на самом деле, а не просто услышать от кого-то или увидеть в кино.

– По-моему, мы должны побывать в полиции, чтобы увидеть, к чему приводит развитие эгоизма, и захотеть объединиться и больше отдавать.

Воспитатель: В исправленном обществе будет необходимость в полиции?

– Нет, так как ни у кого не будет вспышек эгоизма.

– Нет, все будет в свойстве отдачи, и никто не будет вредить другому.

– Не будет полиции такой, как сегодня, а будет такая, которая будет в свойстве отдачи.

А. Ульянов: Это только подготовка. Я бы хотел спросить, есть ли у Вас замечания по этому фрагменту?

М. Лайтман: Я не знаю, каким будет продолжение, что детям расскажут и покажут в полиции. Я вижу, что дети сами отвечают, для чего нужна полиция. Так что создается впечатление, что они это знают. Возможно, что на месте они увидят то, о чем не знали.

И. Якович: И тогда они поймут разницу. Но когда такая небольшая группа находится в достаточно большом учреждении, где можно сконцентрироваться на самых разных аспектах, нужно ли направлять внимание детей на что-то конкретное? Например, чтобы один смотрел на устройство помещения, другой – на связи между объектами и т.д., а затем составить общую картину?

М. Лайтман: Нет. Нужно научить их смотреть и видеть. Тот, кто проводит экскурсию, вначале должен объяснить устройство здания: в нем есть внутренний закрытый двор, установлены видеокамеры, как туда входят, где находится охранник и т.д. Дети должны увидеть всю сложность этого механизма, понять, какого типа люди здесь работают.

И. Якович: То есть на протяжении экскурсии нужно обращать внимание на детали, из которых и сложится общее впечатление?

М. Лайтман: Важно научить их в любом явлении, с которым они сталкиваются, замечать детали и из них выстраивать общую картину и свое отношение к ней.

И. Якович: Нужно ли нам заранее подумать о тех вещах, на которые мы хотим обратить внимание детей?

М. Лайтман: Возможно.

И. Якович: Просто среди множества деталей можно упустить главное.

М. Лайтман: Возможно, Вы правы. Это во многом зависит от взрослых, от продолжительности экскурсии, от количества детей в группе. Здесь мы видим очень большую группу, и сами дети еще не в том возрасте, когда есть опасность совершить преступление.

А. Ульянов: Они больше хотят быть полицейскими.

М. Лайтман: Поэтому именно этих детей я бы не повел в отделение полиции. Такая экскурсия больше нужна тем детям, у которых уже появляются преступные побуждения. Это, как вы сказали, возраст примерно 11 лет.

А. Ульянов: На этой экскурсии детям показали несколько иной аспект работы полиции. Давайте посмотрим.

Клип 9

Полицейский-Экскурсовод: Меня зовут Олег, я буду с вами в течение ближайшего часа. Вы зайдете в места, где все происходит по-настоящему.

Вот, например, робот, который применяется для распознавания взрывчатых веществ. У него, как вы види-

те, есть ружье, с помощью которого он может открыть пакет с подозрительным веществом. Полицейские надевают специальный защитный костюм. Кто-нибудь хочет попробовать?

(Несколько детей надевают костюм, все смотрят, как работает робот. Затем дети смотрят фильм.)

Полицейский-Экскурсовод: Сейчас мы находимся в комнате, где принимают телефонные сообщения о происшествиях. Это справочная «02». Все звонки и сообщения записываются в компьютере.

Вот, например, сейчас на экране мы можем видеть, что сегодня, начиная с 2 часов, было принято 628 звонков. Можно также видеть карту города, и на ней видны перемещения всех полицейских машин в настоящий момент времени.

Мальчик: Что происходит, если что-то случается, и нет свободной полицейской машины?

Полицейский-Экскурсовод: В первую очередь мы посылаем машины на самые срочные и серьезные происшествия, а то, что не так срочно, должно подождать.

Девочка: Полицейские не боятся иметь дело с преступниками, террористами?

Экскурсовод: Все мы люди, но полицейские получают специальную подготовку, тренируются и в навыках рукопашного боя, и в использовании оружия.

Воспитатель: Чувствуют ли полицейские связь между собой и взаимозависимость?

Полицейский-Экскурсовод: Конечно, вся работа поделена на всех, и если один по каким-то причинам не выполняет своей части, то остальные должны взять это на себя. Полицейские работают парами, и, конечно, в такой ситуации они поддерживают и даже охраняют друг друга.

И. Якович: Это очень интересно!

М. Лайтман: Почему бы не сделать больше таких уроков в школе?

И. Якович: Мне самой никогда не приходилось бывать в отделении полиции.

М. Лайтман: Я, кстати, не думал, что детям покажут именно этот аспект работы полиции. Можно еще и еще углублять.

А. Ульянов: Мне хотелось бы показать и обсуждение, которое состоялось после посещения.

Клип 10

Воспитатель: Изменилось ли в чем-то ваше представление о работе полиции после того, как мы там побывали?

– Сейчас мне кажется, что и в исправленном обществе должна быть полиция.

Воспитатель: Почему?

– Если что-то случится, кто-то должен принимать меры.

– Но если мир будет исправлен, то почему должно что-то плохое случиться?

– Полиция не только арестовывает преступников, но и делает другие вещи, поэтому она будет нужна.

– Нужна будет полиция, она будет следить за тем, чтобы никто не сверлил дыру в общей лодке.

– В исправленном обществе не будет полиции, так как ни у кого не будет даже мысли воровать или вредить ближнему.

Воспитатель: Было ли что-то, что удивило вас, чего вы не ожидали?

– Меня удивило, как быстро полиция реагирует на звонки, как сразу же посылается машина на место. Но все равно это целый процесс, и вообще все в мире устроено сложно.

– Для меня было новым, что так много преступлений совершается в мире.

Воспитатель: Добавила ли эта экскурсия что-то к нашему объединению? Удалось ли нам держать намерение на объединение во время экскурсии?

– Да, добавила. Полицейский сказал, что когда двое работают вместе, то они поддерживают друг друга, каждый чувствует спину другого.

– Я вместо объединения почувствовала, наоборот, разъединение, потому что говорили о преступниках.

– Я понял главную мысль: если есть разъединение, мы должны быстрее распространить наш метод, и тогда ослабеют преступники, и все смогут объединиться.

М. Лайтман: Я им завидую.

И. Якович: В исправленном мире будет место полиции?

М. Лайтман: Будет, как дети правильно сказали, так как она нужна не только для того, чтобы бороться с отрицательными явлениями.

И. Якович: У нее будут другие функции.

М. Лайтман: Как сказано: «Поставь охранников и стражников у всех врат своих». Для того чтобы правильно выстраивать связь между нами, кто-то должен направлять, организовывать, ну, скажем, движение на улицах. И вообще в любом месте, где должна быть связь между людьми, нужно устанавливать...

И. Якович: ...порядок, а, следовательно, должны быть люди, отвечающие за это. На Ваш взгляд, восприятие детей расширилось благодаря этой экскурсии?

М. Лайтман: Несомненно. Видно, что они стали больше чувствовать и понимать. Мы не можем в полной мере это оценить, но дети впитали атмосферу работы коллектива со сложным и скоординированным устройством, которое постоянно охраняет всех нас.

ПОХОДЫ И ЛЕТНИЕ ЛАГЕРЯ

Собеседники: Анатолий Ульянов, Ирина Якович и Илья Винокур

А. Ульянов: Сегодня мы остановимся на таких формах взаимодействия, как поход, экскурсия и летний лагерь. Мы постараемся выяснить все вопросы, касающиеся лагерной жизни.

И. Винокур: Летний лагерь – отличная возможность познакомиться и соединить между собой молодежь из разных частей страны. Поскольку организация такого лагеря требует тщательной подготовки, мы хотим выяснить ряд вопросов по этой теме. Но прежде хотелось бы услышать Ваше мнение, д-р Лайтман, о том, как Вы представляете себе это мероприятие и каковы его цели.

М. Лайтман: Вы называете это действие походом, а я называю практической учебой – не вижу просто путешествия. Прежде всего, согласно местности, в которую вы направляетесь, следует продумать обучающую, воспитательную и образовательную составляющие. Сюда входят история, национальные традиции, география. Иными словами, каждый поход включает в себя много разных аспектов. Кроме того, в процессе

путешествия вы хотите сплотить учеников и повысить квалификацию воспитателей, поручив им более ответственную работу. Мы не только изучаем достопримечательности, но и повышаем профессиональные умения, предоставляя новичкам возможность проявить свои способности. Меняя должности, мы даем возможность ребятам изучить различные формы поведения в группе. Возможно, следует заранее распределить между ними задания: один проводит беседу о цели путешествия, другой объясняет маршрут, третий знакомит с достопримечательностями и т.д. Необходимо помочь каждому ребенку подготовиться к его должности, научить, как ему нужно действовать. А воспитателю следует быть как можно менее заметным.

И. Якович: Это значит, что он должен проделать всю организационную работу заранее.

М. Лайтман: Необходимо готовиться вместе. Перед экскурсией или походом следует провести общее собрание: куда отправляемся, зачем, какие цели перед собой ставим. Вся группа должна быть подготовлена.

И. Якович: К целям?

М. Лайтман: Ко всему, ведь сюрпризов быть не должно. Сюрпризы проходят мимо внимания.

И. Якович: Вы имеете в виду, что они должны знать обо всем, что будет происходить?

М. Лайтман: Они должны знать, куда и для чего идем – это ясно. Кроме того, во время путешествия каждый должен за что-то отвечать: за песни, снаряжение, обеспечение водой и прочее. Необходимо задействовать абсолютно всех, чтобы каждый в чем-то участвовал. Воспитатель только следит со стороны, что все выполняют свои должности с максимальной ответственностью – они якобы сами все организуют.

И. Винокур: Мы уже разделили ребят на группы, согласно вопросам, которыми они хотят заниматься. Они объединились небольшими коллективами и обсудили, что и как будут делать. Свои предложения они разослали всем участникам похода. Мы не проводили совместную встречу с девочками – не знаю, правильно ли это.

А. Ульянов: Мальчики и девочки готовились отдельно.

И. Винокур: Возможно, они должны встретиться, обсудить все предложения и выработать общий план?

М. Лайтман: Это вы должны проверить на месте в зависимости от характера среды и общей атмосферы.

И. Якович: Насколько следует поощрять цели объединения и сплочения, по сравнению с образовательными вопросами?

М. Лайтман: Допустим, вы отправляетесь на север страны. Пусть сначала изучат в Интернете информацию об этом районе, найдут интересные места и достопримечательности, распечатывают путеводители, сделают памятки для всех о цели похода.

Все это они должны подготовить. Тогда по прибытии на место они будут знать, где находятся.

И. Винокур: Ребята с нетерпением ждут выхода на природу, когда можно расслабиться, быть с друзьями. Как в это возбужденное состояние включить желание объединиться и кое-что изучить? Как вызвать в них ощущение, что эта дополнительная ценность их обогащает?

А. Ульянов: Как сделать это правильно, а не просто кричать в микрофон призывы к объединению?

М. Лайтман: Если мы хотим, чтобы поход всем создал хорошее настроение и оставил приятное впечатление, то должны действовать очень просто. Мы говорим о дружбе и объединении, но это свойственно не только нам. Просто у нас есть дополнительная ценность, так как с помощью объединения мы достигаем еще некоего особого уровня восприятия и ощущения реальности. Но хорошее настроение во время похода – кто этого не хочет?! Разве, отправляясь в отпуск, люди начинают ссориться? Напротив, они хотят, чтобы все было гладко, и забывают о разногласиях. Ребята хотят расслабиться? Так почему нет?! Для чего они отправляются в поход? Подвигаться, повеселиться. Но попытайтесь выпустить их энергию заранее в песнях и физических упражнениях, дайте им максимальную возможность разрядиться положительным образом.

И. Винокур: Ясно! Какие действия больше походят для мальчиков, а какие для девочек? Возможно, что-то можно делать вместе?

М. Лайтман: Трудно сказать. Я думаю, что стоит передать инициативу им и не вмешиваться со своими предложениями, которые напоминают приказы. Пусть все устраивается естественно. Конечно, это возраст, в котором все крутится вокруг отношений между девочками и мальчиками. Если ты идешь со смешанной группой, то 99% путешествия будет связано с их отношениями. Тут ничего не поделаешь – это природа человека.

И. Якович: Но стоит ли внутри этого «водоворота» устроить какие-то отдельные акции? Допустим, девочки в течение часа или двух занимаются какими-то своими делами или что-то обсуждают. Это выглядит слишком искусственно?

М. Лайтман: Это возможно при условии, что действие естественно для данного пола, а не потому, что их делают только ради того, чтобы отделить. Но в каких именно мероприятиях они могут действовать отдельно, я не знаю, так как не знаю, куда именно вы едете.

И. Винокур: Мы едем в очень красивый уголок природы, с водоемами вокруг. Там есть большой зал для мероприятий, а также различные площадки на открытом воздухе. Мы планируем экскурсии, семинары, пикник у костра.

М. Лайтман: Они будут там несколько дней?

И. Винокур: Два дня с ночевкой. Все мероприятия они выбрали сами. Но если мальчики вдруг решат поиграть в футбол, чем заняться девочкам?

М. Лайтман: Тем, чего они хотят, согласно женской природе!

И. Винокур: В течение образовательных мероприятий мы хотим их сплотить...

М. Лайтман: Изучать что-то можно и другим способом: девочки против мальчиков. Устройте соревнование: вопросы, ответы.

А. Ульянов: Мальчики проиграют!

М. Лайтман: Очень хорошо!

И. Якович: Нечто вроде викторины?

М. Лайтман: Выбираем двух девочек и двух мальчиков, которые задают вопросы, а остальные пусть отвечают. Устройте взаимодействие и в такой форме. Разумеется, это разжигает страсти, но приносит пользу.

И. Винокур: У подростков очень быстро теряется концентрация внимания – уже через 15 минут обсуждения они заняты чем-то другим.

М. Лайтман: Нужно все делать в виде соревнования – хорошего соревнования. Это помогает удержать внимание.

А. Ульянов: Что Вы подразумеваете под «хорошим соревнованием»?

М. Лайтман: Каждый гордиться своим умением что-либо сделать – используйте это.

И. Винокур: Соревнование между мальчиками, чтобы привлечь внимание девочек?

М. Лайтман: Нет-нет. Лучше пусть соревнуется группа против группы. Не надо устраивать соревнование между мальчиками на глазах у девочек – это выглядит эгоистически.

И. Винокур: В таком соревновании есть награды, призы?

М. Лайтман: Решайте сами. Главное, чтобы была веселая атмосфера и добрый юмор.

И. Винокур: Какой вид рефлексии или подведения итогов Вы советуете делать после каждого мероприятия? Стоит ли вообще говорить о том, что мы сделали, чего достигли?

М. Лайтман: Это тоже не должно проходить со всей серьезностью, ведь вы на отдыхе. Невозможно делать из похода университет.

И. Винокур: Не стоит разрушать им удовольствие?

М. Лайтман: Не только не стоит – нельзя этого делать. Но обязательно нужно в каждом действии подчеркивать ценность объединения и важность группы. Ребята должны знать, что в каждом мероприятии есть дополнительный выигрыш – духовный – в объединении между ними. Эту мысль нужно постоянно в себе удерживать.

И. Винокур: Как они узнают, достигли они чего-то или нет? Как обратить их внимание на это?

М. Лайтман: С помощью короткого обсуждения. Возможно, они должны выбрать особую комиссию, которая будет оценивать успешность каждого мероприятия.

А. Ульянов: Давать оценку каждому или группе?

М. Лайтман: И каждому, и группе, но не сравнивать мальчиков относительно девочек. Соревнование между мальчиками пользы не приносит.

А. Ульянов: Скажем, группа девочек дает оценку группе мальчиков и наоборот?

М. Лайтман: Допустим.

И. Якович: Можно также давать оценку самим себе.

М. Лайтман: Но с юмором.

И. Якович: Количество обсуждений должно быть ограниченным – не более 3-4 раз в день?

М. Лайтман: Да, причем каждое – не более четверти часа.

И. Якович: Иначе только принесет вред.

И. Винокур: В первый день похода мы хотим устроить семинар знакомства – растопить лед, узнать друг друга.

М. Лайтман: Зачем? Они будут ехать два часа в автобусе – познакомятся.

А. Ульянов: Многие из них встречаются впервые.

И. Винокур: Есть также ребята из других районов. Поэтому мы хотим начать с семинара, который бы их сблизил. Что стоит сделать, чтобы они рассказали о себе, не вызвав насмешек?

М. Лайтман: Это вы увидите на практике. Действие само по себе подскажет вам формы.

А. Ульянов: Но что способствует сближению людей, заставляет их раскрыться?

М. Лайтман: Один раскрывается в том, что начинает танцевать и прыгать вместе со всеми даже без желания. Другой – в том, что сидит в углу и восхищается товарищами. Есть такие, которых приходится втягивать силой, а потом невозможно остановить. У каждого свой характер. Дать конкретные рекомендации трудно, потому что я не знаю, насколько они восприняли наш материал, насколько к нему готовы. Поэтому привлекать их к участию нужно очень осторожно. Ребята, получившие воспитание в нашем центре, много знают, понимают, обладают опытом. У них все идет легко и гладко. А у новеньких такого опыта нет. Нельзя, чтобы у них возникло чувство неполноценности.

И. Винокур: Мы готовим наших ребят к тому, что они встретятся там с подростками, которых не знают. Что именно им стоит объяснить?

М. Лайтман: Мы принимаем и обслуживаем гостей – из этого следует все остальное. Больше ничего не надо.

И. Винокур: Понятно. Следующий вопрос касается перерывов между мероприятиями, то есть свободного времени. Как провести и это время с пользой, не допуская нежелательных происшествий?

М. Лайтман: Мне не понятно, что такое «свободное время». Действительно очень опасно оставлять подростков без присмотра – не стоит этого делать. Они должны постоянно быть в поле зрения – собирать хворост для костра и т.д. Кстати, они сами готовят обед?

И. Винокур: Да.

М. Лайтман: Отлично. Так и действуйте.

И. Винокур: Выходит, нет такого понятия как «отдых»?

М. Лайтман: Нет.

И. Якович: Даже каких-нибудь полчаса? Подростки часто жалуются, что если мероприятия идут без перерывов, то они вызывают негативную реакцию.

М. Лайтман: Растяните мероприятия – вместо получаса занимайтесь час или два.

И. Якович: Сделать расписание относительно широким, чтобы время не поджимало?

М. Лайтман: Да, но не оставляйте совершенно свободное время, это не хорошо.

И. Винокур: В одной из бесед Вы говорили о том, что в походах мальчики и девочки выполняют разные функции. Как

это реализовать во время пешеходного перехода? Ведь можно просто любоваться видом, а можно прибавить к этому дополнительную ценность.

М. Лайтман: Прежде всего, мальчики должны разделиться на две группы: одна группа идет во главе колонны, а другая ее замыкает. Кроме того, каждый должен быть ответственным за то, чтобы ничего не случилось, помогать и подтягивать отстающих. Если кто-то устал, то все останавливаются на отдых, не обвиняя слабых. Поход должен быть веселым, с песнями, шутками.

И. Винокур: К какому итогу мы должны прийти по окончании экскурсии? Должно ли быть какое-то продолжение?

М. Лайтман: Я посоветовал бы снять фильм, даже не один. Несколько человек должны быть постоянно с камерами. Затем из снятого материала сделать не просто клипы, а настоящий фильм с различными дополнениями и объяснениями: процесс обсуждений, различные действия. Может получиться очень интересный фильм можно показать его на школьном телеканале. Разумеется, по окончании путешествия необходимо вспомнить все его этапы и поговорить о впечатлениях и достижениях. Изменилось ли у них отношение к группе и каждому товарищу? С кем познакомились, с кем сблизились? Кто понравился, а кто – не очень? Конечно, эти вопросы должны выясняться деликатно, однако все должны видеть четкие результаты. Я думаю, им будет что сказать. Самая большая цен-

ность путешествия состоит в умении относиться к группе так, чтобы считаться с другими. На это следует обратить особое внимание. Возможно, будут смешки и слезы, но главный вывод должен быть таким: я знаю, как вести себя в группе, чтобы со мной было удобно.

И. Якович: Следовательно, наиболее важный критерий – способность считаться с другими?

М. Лайтман: Да, насколько я удобен для других.

И. Винокур: И эта задача должна быть поставлена с самого начала путешествия?

М. Лайтман: Конечно. От этого зависит успех человека в жизни.

И. Якович: И это стоит им сказать?

М. Лайтман: Да. Речь идет об успехе в человеческом обществе. Ведь мы хотим вырастить их так, чтобы им было хорошо в жизни. Человек, умеющий создавать вокруг себя благоприятную, удобную атмосферу, достигает многого. И этому мы хотим их научить.

И. Якович: Поставить перед ними эту цель изначально.

М. Лайтман: Я должен научиться вести себя так, чтобы другие люди захотели быть рядом с тобой.

И. Якович: Сейчас они думают в противоположном направлении – только о себе.

М. Лайтман: Ошибочно думать, что превосходством над другими можно чего-то достичь. Напротив! Можно предложить им после путешествия провести тайное голосование: с кем лучше, приятнее, удобнее быть в походе?

И. Якович: Это соревнование не создаст атмосферу разъединения?

М. Лайтман: Нет, ведь мы говорим им об этом заранее.

И. Якович: Иными словами, должно быть некое поощрение за то, что ты считаешься с другими?

М. Лайтман: Да. Они должны знать, что путешествие – это учеба, и в этом его важность.

А. Ульянов: Подростков, как правило, привлекает в походе развлекательная часть: костер, песни. Как заинтересовать их историей и географией?

М. Лайтман: Но ведь у них будут по этим вопросам соревнования, викторины. А викторина – это уже игра.

А. Ульянов: Спасибо за интересное обсуждение. После экскурсии мы покажем вам снимки и расскажем о том, как все происходило. Я уверен, что у нас все получится!

РАЗЛИЧИЯ В ВОСПИТАНИИ ДЕВОЧЕК И МАЛЬЧИКОВ

Собеседники: Анатолий Ульянов, Ирина Якович и Илья Винокур

И. Винокур: Мы затронем необычную тему – о девочках-подростках.

Ирина, возможно, начнете Вы как сопровождающая группу девочек?

М. Лайтман: Я только с самого начала хочу предупредить, что в этой области у меня почти нет опыта.

И. Якович: В области воспитания девочек?

М. Лайтман: Да, несмотря на то, что у меня есть две дочери и сын, их воспитание прошло мимо меня, поскольку я в ту пору был очень занят учебной и работой.

И. Якович: Вы имеете в виду, что у Вас мало практического опыта в воспитании дочерей?

М. Лайтман: А также с учетом того, что я мужчина, у меня в жизни не было возможности прочувствовать эту тематику и прониknуться ей. Но давайте посмотрим, что получится.

Я буду подходить к нашей теме со стороны разума и законов природы, управляющих мужчиной и женщиной, и того, как они создают мужчину и женщину, мальчиков и девочек. Я буду опираться на разум, а не на чувства и жизнь в материальном мире.

И. Якович: Тогда, если можно, я задам один общий вопрос. Какова роль женщины в природе? Роль женщины очень изменилась на протяжении всей истории человечества. И когда сегодня мы хотим подготовить или создать более правильную систему воспитания для девочек-подростков, на что нам можно опереться, чтобы идти в правильном направлении?

М. Лайтман: В природе существует четыре уровня развития: неживая, растительная, животная природа и человек. Наше развитие на земном шаре начинается с животного уровня.

Точно так же книга «Зоар» объясняет нам, что Земля – круглая, а люди не чувствуют этого, и на противоположной ее стороне они якобы находятся вниз головой относительно остальных. И их положение по отношению друг к другу меняется, потому что Земля вращается. Из этой книги, написанной 2000 лет назад, мы узнаем такие вещи, которые могут раскрыться только благодаря постижению духовного мира.

И. Якович: И они были скрыты.

М. Лайтман: Верно. В начале нашего развития эгоизм был настолько мал, что мы были почти, как животные, и жили со-

гласно законам природы и внутри нее. Мы также были намного ближе к своему духовному корню, поскольку злое начало не делало различий между нами и духовным миром.

В то время женщина знала свою пещеру или хижину...

И. Якович: То есть все было на уровне ее потребностей.

М. Лайтман: Именно так. А мужчина знал, что ему необходимо выйти из пещеры, пойти на охоту или наловить рыбы и вернуться домой с добычей. В то же время женщины занимались сбором съедобных корней и плодов. И так сыновья, достигая определенного возраста, следовали за отцами, а дочери помогали матерям.

Вообще в те времена жили большими семьями, в которых было много матерей и отцов. Жизнь протекала естественно и правильно, а человек находился в гармонии с природой, с членами своей семьи, соседями и друзьями. Естественным образом учился у старших, каким он должен быть, а также получал от них принятую в той среде шкалу ценностей: кого считать сильным, а кого слабым, кого старым и кого молодым.

Человек на все обращал внимание, знал и от природы понимал окружающий его мир, а не перенимал свои ценности из голливудских кинофильмов, в которых позволительно искажать реальность, лишь бы создать кассовый фильм.

И. Якович: Человек был менее подвержен влиянию интересов.

М. Лайтман: Разумеется. Он учился естественным путем, не нуждаясь ни в чьих пояснениях. И вот на протяжении всей

истории наше эго достигло такого уровня, что сегодня оно разрушает нас самих. Причем, проявление этого мы видим повсюду: в семейной жизни, дома, на работе, в роли мужчины и женщины. Мы вообще потеряли связь с первоисточником и не знаем, в каком направлении двигаться, утратили связь не только со своими духовными, но и с материальными корнями.

И. Якович: С биологическими, природными корнями?

М. Лайтман: Верно, наши действия им не соответствуют. Так, женщину учат быть сильной и готовят на роль мужчины, а мужчину оставляют в покое, чтобы всю жизнь он мог вести себя, как женщина.

И. Якович: Его воспитанием также на протяжении всей жизни занимаются женщины.

М. Лайтман: Да, это так. И получается, что мы пришли к большому кризису как в воспитании, в семье и супружестве, так и в отношениях между полами вообще. Каждый из них играет совершенно неестественную для него роль. Но мы уже привыкли к такой игре, потому что приобрели эти ценности и примеры от окружения.

Ведь если я рос в такой атмосфере 20 лет...

И. Якович: И проходил своеобразную промывку мозгов...

М. Лайтман: ... получал информацию, что именно так нужно себя вести, то теперь делаю это автоматически.

И. Якович: И я не чувствую, что это не естественно?

М. Лайтман: Не чувствую, поскольку привычка стала для меня второй натурой. Сегодня мы даже не знаем, что на самом деле естественно и что такое «хорошо».

И. Якович: И это имеет отношение как к женщинам, так и к мужчинам, а также к девочкам и мальчикам. Они далеки от своего биологического, естественного, физического уровня.

М. Лайтман: Вы правы. Природой был запланирован кризис, чтобы мы раскрыли свое злое начало, потому что сказано: «Я создал злое начало». По этой причине несколько тысяч лет мы и находились в процессе развития этого зла, пока не раскрыли его сейчас.

И вот сегодня от прежнего жизненного уклада, от установок на семейную жизнь, на общий распорядок на земном шаре мы переходим в новый мир. Этот переход происходит очень быстро и драматично.

2000 лет назад нам поведала об этом книга «Зоар». Коротче говоря, все события разворачиваются в точности, как там предсказано.

А сейчас нам необходимо изменить себя, и поэтому главная роль в этом изменении должна принадлежать новой методике воспитания. В сущности, отношение человека к самому себе и к среде, в которой он живет, построение нового окружения – это и есть ключ, открывающий нам дверь в новый мир.

Новый мир позволит нам избавиться от всех наших проблем и бед. И тогда мы достигнем хорошей жизни не только

в этом мире, но и раскроем мир наших душ, то есть ощути́м одновременно с нашим миром духовный мир.

И. Якович: И каким образом воспитание девочек сочетается с этим?

М. Лайтман: Точно так же, как воспитание мальчиков, и даже более того, хотя женщина не определяет здесь больше, чем мужчина, ведь она будто бы более скромная и скрытая в нашем мире, даже в современном обществе.

И. Якович: Неужели Вы видите, что современные женщины более скрытны и скромны? Я вижу женщин в большой мере обращенных наружу. Это сопровождается множественными конфликтами. Возможно, это не характерно для природы женщины и не подходит ей, но это существует.

М. Лайтман: Но все же существует различие между тем, когда за дело берется мужчина, и тем, когда за этим стоит женщина.

И. Якович: Да, у них разное отношение к одному и тому же действию.

М. Лайтман: Все еще есть большие различия в работе мужчин и женщин, а также в оплате ее труда. Но эти явления невозможно полностью убрать из природы.

Так чем же женщина хороша для мира? Пожалуй, они сами не совсем это понимают. Вот если бы они направляли мужчин на раскрытие нового мира, на изменение отношений, введение новой методики воспитания в человеческом обществе, если

бы они вышли с единой методикой, объединившись вместе, то смогли бы спасти все человечество.

В своей семье женщина умеет оказать давление на мужчину и добиться того, что желает. Нам известно, что мужчине от природы присуща слабость по отношению к женщине. В итоге он сдается и подчиняется ей. Такое положение характерно для каждой семьи. Мужчине свойственно некое опасение, страх по отношению к жене, как к матери.

Ему по жизни нужно перейти от беспокойства родной матери к заботам своей жены, в которой он видит некий прототип своей матери.

И. Якович: Это во многом перекликается с психологией.

М. Лайтман: Если мы исследуем эту тему глубже, то я уверен, что найдем все эти духовные корни. Поэтому, нам нужно правильно использовать стабильность женщины, ее желание вести домашнее хозяйство, заниматься семьей и детьми, а не поощрять соперничество с мужчинами.

Потребности женщины вполне естественны: быть матерью, женой, хозяйкой в доме, прежде всего, иметь свой дом, а затем, уже в дополнение ко всему этому, видеть преуспевающими своих детей, и лишь после достижения этих целей, может быть, заниматься общественной деятельностью.

И. Якович: Заниматься бизнесом?

М. Лайтман: По моему мнению, это мутация природы, потому что это занятие не естественно для женщины. Ей при-

ходится заниматься бизнесом по безвыходности после того, как мы начали играть в равенство между мужчинами и женщинами и разрушили семьи. По этой причине сами женщины, используя свою большую силу и связь с природой, более реальный подход к жизни, преуспевают и могут быть более успешными, чем мужчины.

У мужчин есть много фантазий в пути, и они не могут одновременно принимать в расчет все многообразие факторов, как женщины. Так, женщина может работать сразу в нескольких местах и с большим количеством данных. Она обладает терпением и в силах противостоять любому неблагоприятному стечению обстоятельств.

И. Якович: Это заложено в нее от природы? Вне зависимости от межличностных различий и свойств характера?

М. Лайтман: Природой в нее заложено быть матерью десятых детей и обеспечивать каждому из них все, что нужно, а мужчина «сходит с ума» от всего этого.

Поэтому, если бы женщин не оттесняли в сторону, то они, несомненно, преуспевали бы как в бизнесе, так и в политике, намного больше мужчин. И с полной уверенностью можно сказать, что сила женщины – очень важное дополнение для мужчин, которых природа этим качеством обделила.

И. Винокур: Когда мы говорим о преимуществах женщины, данных ей природой, то вырисовывается образ воспитатель-

ницы для мужчины и, как Вы сказали, наставницы, способной привести его в новый мир и к новому состоянию.

М. Лайтман: Это возможно до определенного возраста, пока мальчик трех-четырёх лет не начнет учиться у мужчин.

И. Винокур: Но в чем сегодня состоит роль женщины с учетом того, что она близка к природе? И поскольку мы затронули тему воспитания девочек-подростков, как нам научить их справляться с этой задачей и дать понимание их роли в мире, чтобы они почувствовали, что это их природная функция?

М. Лайтман: В раннем возрасте нет большой разницы между мальчиками и девочками. Нужно только следить, чтобы они не учились одни от других, поскольку поведение мальчиков должно формироваться в среде мальчиков и на примере мужчин-воспитателей, а у девочек – наоборот.

И. Якович: Мальчикам нужно брать пример с мальчиков, а девочкам – с девочек. Это связано с религиозными канонами, но здесь имеется рациональное зерно.

М. Лайтман: Я опираюсь исключительно на наше место в природе, изменить которую мы не в силах, поскольку находимся внутри нее. А она сильна и властна. И если мы можем думать о том, кто нами управляет, о законах природы, то нам нужно научиться ее исследовать и в соответствии с этим продвигаться вперед, а не придумывать разные идеи и модели, за которые потом приходится платить высокой ценой.

И. Винокур: Получается, что естественное предназначение женщины – быть воспитательницей. Привлекает сам факт, что она может подтолкнуть мужчин в направлении нового мира и новой модели поведения.

М. Лайтман: Она приходится матерью ребенку, женой мужу и общей женской частью по отношению к мужской части человечества. Женщинам следовало бы стать более организованными и понять, как пробудить в мужчине потребность в духовном. А если бы они чувствовали, что их светлое будущее зависит от мужской части, обязанной выполнить возложенную на нее долю работы, то пренебрежение, проецируемое на мужчину, не отвечающего этим критериям, их внутреннее требование заставляло бы его, как маленького ребенка, поторопиться выполнить то, что заложено в нем природой.

И. Винокур: Это очень интересно, ведь, по сути, мужская и женская части человечества как две половинки, дополняющие друг друга.

М. Лайтман: То, что женщина не способна совершить сама, она может исполнить через мужчину.

И. Винокур: А что если объяснить в самой общей форме тем же девушкам их роль в этом мире, что они смогут подталкивать и направлять мужчин к чему-то? Куда они будут направлять и подталкивать их?

И. Якович: Пока они еще совсем юные и сами этого не понимают.

И. Винокур: Но все-таки, что им нужно рассказать?

М. Лайтман: Прежде всего, нам необходимо рассказать им то же самое, что мы рассказываем мальчикам. Не нужно ничего от них скрывать, а точно так же учить их всему: анатомии, физиологии, психологии человека и общества, всем наукам, относящимся к естествознанию, если мы решим, что это того стоит.

Девочек необходимо учить, как вести домашнее хозяйство, повести их в больницы, супермаркеты и дать возможность увидеть, как они функционируют изнутри, повезти их в поля, где выращивают злаки, чтобы сформировать их представление о кругообороте, происходящем в природе, и увидеть картину мира в целом.

И. Якович: Да, то, что Вы предлагаете ознакомить их с обратной стороной вещей, – это очень интересно! Сегодня для нас в быту все очень удобно и доступно.

М. Лайтман: Да, они считают, что булочки растут на деревьях...

И. Якович: Нужно объяснить им, что такое стиральная машина и ее функции.

М. Лайтман: Я бы даже научил девочек обращаться со стиральной машиной, да и мальчиков тоже. В этом нет ничего сложного. А порой мы попадаем в такие ситуации, что должны знать, как что-то постирать вручную.

Из всего этого можно создать интересную программу, которая доставит детям много радости. Девочек нужно ознакомить со всем укладом нашего общества. И по мере взросления следует объяснять им все различия и дополнения, имеющиеся между полами. Ведь невозможно без дополнения родить следующее поколение – тогда жизнь закончится в том же роду, если мы не придем к физиологическому соединению между полами.

То же самое произойдет, если мы не достигнем психологического или ментального соединения. От этого мы только проиграем.

И. Якович: В Вашем объяснении есть нечто, способствующее исправлению, или иное отношение к подавлению женщин, существующему сегодня, к их равенству с мужчинами. Это равенство исходит из совершенно другого источника, оно состоит в дополнении друг друга.

М. Лайтман: Нам следует объяснить девочкам, как естественным путем мы дополняем друг друга, что это происходит не за счет другого пола, а напротив, мы знаем, чего недостает одному полу для того, чтобы дополнить другой пол. Почему природа создала все таким образом? Ведь это происходит не из-за женской слабости и не потому, что мужчина силен.

Но если мы обратимся к нашим природным корням и к цели, которую мы стремимся достичь, то увидим это дополнение в идеале, когда на самом деле всего хватает, и нет преимущества одних перед другими. А то, что мне представилась воз-

возможность посредством какого-то действия дополнить что-то в женщине, означает реализовать свою внутреннюю потребность, данную мне свыше природой.

И. Винокур: Это любопытно, потому что сегодня мы наблюдаем обратную тенденцию.

И. Якович: Вы могли бы повторить последнюю фразу?

М. Лайтман: Я постараюсь сформулировать это иначе, чтобы вы могли лучше понять. Мне, мужчине, нужны правила, заповеди, поскольку я способен их выполнять. А по причине того, что я более испорчен, я обязан их выполнять.

От природы я получил силы, может быть, намного большие, чем женщина, и поэтому могу разрешить себе выходить за рамки дозволенного. Но истинная причина состоит в том, что у меня есть такие желания, которые мне необходимо исправить с помощью этих сил и свойств.

То есть это не имеет отношения ни к предпочтению, ни к имеющейся у меня силе и возможности, – все это я получил, чтобы самостоятельно исправить внутренние недостатки.

Вот и выходит, что те действия, которые я совершаю в мире, направлены на исправление себя. А действие, называемое «дополнением» женщины, в сущности, является моим исправлением, а не дополнением ее.

И. Якович: В психологии имеется методика, говорящая об этом, – методика Имаго. Она объясняет, что другой человек – это лишь твое отражение, и тогда это тебя каким-то образом

возвращает к самому себе, и ты начинаешь думать о своем исправлении, а не об исправлении другого.

М. Лайтман: Мы также говорим, что женщина связана с природой и поэтому не зависит от правил, и ей не нужно себя исправлять. Мы рассматриваем женщину со стороны ее совершенства, а не со стороны недостатков.

Мужчинам нужно выполнять больше правил, чем женщинам. Это вытекает из недостатков, имеющих в нас, а не из возможностей выполнять их вместо женщины, – мы получили возможность больше работать, поскольку более испорчены.

И. Винокур: В любом случае восполнение – взаимное, в противовес тому, что происходит в обществе сегодня. Мы видим, что женщины как раз изъявляют желание сбежать от мужчин и даже жить отдельно, и мужчины пытаются уходить от женщин. Но природа учит нас наоборот дополнять женщин, быть вместе с ними.

М. Лайтман: Верно, потому что без женщин мы не способны выполнить никакую работу. Мудрецы учат нас, что если мужчина совершает какую-то работу и не чувствует при этом побуждение от женщин, то польза от нее будет кратковременной, она не приведет к исправлению мира, и в итоге мы обнаружим пустоту и напрасную трату времени и средств.

В соответствии с тем, как устроено мироздание, сила женщины – это сила, побуждающая к действию, а сила мужчины – это в большей степени исполнительная сила. Поэтому вся работа,

выполняемая мужчинами в мире, – это реализация не их фантазий, а той необходимости, которую чувствуют женщины.

И. Винокур: Выходит, что именно так нужно построить все системы взаимоотношений между нами. Можно сказать, что мы должны прийти к симбиозу.

М. Лайтман: Посмотрите, чем мы занимаемся, что мы строим в мире! И все это делают мужчины в соответствии со своими фантазиями, а не в согласии с естественными потребностями, которые поступают от женщины. Так что нам стоит прислушиваться к женщинам.

И. Якович: Я хотела бы уточнить в отношении экскурсий и всего того, о чем должны знать девочки. Насколько простым должен быть уровень объяснения? Нужно просто рассказать, как это устроено в мире, или связывать с духовными корнями и давать более сложные объяснения?

М. Лайтман: Они должны получать всю информацию постепенно. С каждым годом нам нужно показывать им все больше систем, существующих в природе, и то, как возникают и устроены общественные системы.

И. Якович: Я задала этот вопрос, потому что в том, чтобы собрать девочек и объяснить им проблемы полов, нет ничего нового. Это уже давно практикуется в обществе. Но когда мы объясняем, как это связано с высшим Законом Природы...

М. Лайтман: Это тотчас же приводит все в порядок. Нам необходимо каждое объяснение процессов, происходящих в мире, сопровождать объяснением высших процессов природы. Это дает эффект, даже если они этого не понимают, а просто слышат и запоминают. Но постепенно эти объяснения связываются между собой и дополняют друг друга.

И. Винокур: В ходе сегодняшней вводной беседы о воспитании девочек мы получили понятие о том, как мужчина и женщина взаимно дополняют друг друга.

Мы отметили, что женщина обладает силой вести мужчину в направлении тех новых изменений, в которые входит мир, и взять на себя ведущую роль в воспитании. Воспитание девочек и женщин должно быть близко к природе, к укладу общества и сопровождаться объяснением духовных процессов.

Необходимо не только объяснить девочкам различия между полами, но и акцентировать их внимание на то, как они дополняют друг друга, что исходит из природы вещей. Нужно объяснить им, почему так устроено в природе, и что ни у женщины, ни у мужчины нет никаких недостатков, а их предпочтения происходят из потребностей, которые им нужно восполнить. Так что вся наша система отношений совершенна, и мы обязаны в ней функционировать.

ВОСПИТАНИЕ ДЕВОЧЕК В ГРУППЕ

Собеседники: Илья Винокур и Ирина Якович

И. Винокур: Сегодня мы поговорим о группе девушек.

Мы организовали группу девушек, и эта группа очень неоднородна. Все девушки получили разное воспитание и пришли к нам из разных систем образования. Часть из них получила обычное светское воспитание, часть – религиозное. Все они собрались в одну группу, которой мы хотим дать глобальное и интегральное воспитание.

С чего мы должны начать? Как нам собрать воедино все эти системы и привести их к единой линии воспитания?

М. Лайтман: Я думаю, что это не сложно, поскольку сегодня весь мир охвачен кризисом. Все мы, вне зависимости от религиозной принадлежности, верований, систем образования, типов семьи, различных общественных структур и менталитета достигли состояния, когда никто не знает, что делать с нынешним и будущим поколением. Предыдущее поколение тоже воспитывалось без всякой системы, сегодня это становится совершенно очевидным. Все мы находимся в состоянии

беспомощности, и это признают все. Поэтому, несмотря на то, что у всех нас своя предыстория, и все мы пришли из разных систем воспитания, нам нечего оттуда взять, ведь все они находятся в кризисе.

В связи с этим нам нужна наука, которая учит нас основному закону общей природы. Этот закон, эта сила определяет всю нашу жизнь и обуславливает все закономерности нашего поведения как внутренние, так и внешние. Все наши мысли, ментальность, желания, все, что включает в себя человек на всех своих уровнях, включая физиологические, приходит от одного высшего Закона Природы, и если течение нашей жизни сможет показать нам источник всего происходящего, нам будет легче понять, что нам действительно на пользу. А пока что мы делаем то, что приходит нам в голову, и по прошествии десятков лет обнаруживаем, что упустили несколько поколений, пришли к состоянию кризиса и вообще развивались неправильным путем. Но поскольку мы испорчены предыдущим поколением, мы начинаем менять один неправильный путь развития на другой, тоже неправильный.

И. Якович: Какова цель воспитания девушек в группе?

М. Лайтман: Цель воспитания – научить человека понимать, что от него требует природа. Наше представление о том, что мы выше и умнее природы, обходится нам очень дорого, мы все время получаем удары и оказываемся в кризисном состоянии. На самом деле мы находимся внутри огромной сферы, которая называется Природой. На при-

мере устройства нашего мира мы видим, что все стремится к равновесию с окружающей средой. Тепло, холод, давление – наш организм постоянно старается достичь сбалансированного состояния, а нарушение баланса приводит к различным заболеваниям.

Что такое воспитание? Дать человеку воспитание – означает научить его найти соответствующее место в жизни, чтобы ему было хорошо дома, в семье, на работе, среди ближайшего и более далекого окружения, во всем мире и в отношениях с природой. Я должен научить человека достичь гармонии, что и означает сделать его счастливым. Ведь тогда он не ощущает никакого отрицательного воздействия, а чувствует себя уверенно, хорошо и комфортно, подобно здоровому телу, находящемуся в хороших условиях. Это одна часть обучения.

И существует еще одна, более внутренняя часть, которая говорит о том, для чего нам необходимо достичь равновесия с природой и почему мы не находимся в этом состоянии? Выясняется, что мы специально устроены таким образом и находимся в неуравновешенном состоянии, чтобы мы увидели свое несоответствие неживой, растительной, животной и человеческой природе и сами смогли достичь гармонии со всеми ее уровнями. Благодаря этому мы придем к соответствию с общей природой и начнем ощущать всю природу, силы провидения и управления, ее законы.

И. Якович: Я понимаю, что 14-летней девушке трудно почувствовать хоть какое-нибудь равновесие или гармонию с

чем бы то ни было. В ней все постоянно изменяется, ее все раздражает!

И. Винокур: Я продолжу вопрос. Что должны сказать группе этих девушек их наставницы? Почему мы собрались вместе? Вы говорили об очень высоких материях...

М. Лайтман: Я не говорил о том, как должен строиться урок с девушками, которые только начинают учиться. Я говорил об основных принципах.

И. Якович: Как использовать эти принципы для обучения?

М. Лайтман: О, это другое дело! Для этого нужно еще пару десятков часов обсуждения, постижения методики и ее анализа. Но основной принцип заключается в том, что мы не соответствуем всей остальной природе и должны достичь равновесия с ней вместе со всеми своими изменяющимися, запутанными данными, со всем багажом нашей «испорченности», который мы тащим за собой тысячи лет. Сейчас мы должны остановиться и начать все это исправлять.

И. Якович: Иначе говоря, из всего этого можно сделать вывод, что все системы воспитания не очень-то помогают...

М. Лайтман: Нет никакого воспитания. Воспитание означает, что я учу человека быть человеком, а этим никто не занимается. Мы связаны с ЮНЕСКО, мы знакомы со всеми системами воспитания. Этим никто не занимается, так как никто не понимает основ внутренней природы человека и его взаимо-

отношений с общей природой, экологией и вообще человеческим обществом.

Поэтому мы должны найти деликатный подход к девушкам в группе и постепенно в течение нескольких лет сформировать для них новую систему воспитания, основанную опять-таки на создании правильного окружения. И мальчики, и девочки – каждый по-своему – поддаются влиянию окружения. Наличие в человеке таких свойств как эго, зависть, страсть и честолюбие, заставляют его прислушиваться к мнению окружающих. Именно потому, что я гордец и властолюбец, я завишу от окружающих, а иначе меня бы просто не волновало их мнение. Иными словами, рост эгоизма приводит нас к очень большой зависимости от окружения. Выходит, что создавая правильное окружение в группе молодых людей, мы начинаем воздействовать на них и изменять их.

Это окружение должно соответствовать тем принципам, которые мы ему диктуем. С помощью воспитателей мы формируем окружение из тех девушек, которые, как мы сказали, приходят к нам из самых разных слоев населения: берем десять девочек и предлагаем им принять участие в каком-то кружке, в игре, в походе, прогулке и так далее.

И. Якович: С какой целью?

М. Лайтман: А целью этих мероприятий является формирование общего мнения, которое будет оказывать влияние на каждую из них. Допустим, мы смотрим какой-то фильм, а затем проводим обсуждение. Мы включаемся в общее действие, и в процессе обсуждения выясняем, что нам кажется правиль-

ным, а что – нет. Даже если мы не придем к согласию и единому мнению, в итоге мы все равно сблизимся и поймем, что можно учиться вместе, обсуждать вместе, разговаривать, и при этом каждый может остаться при своем мнении.

И. Якович: Какой смысл в совместном просмотре фильма и его обсуждении, если единственное, что мы сделали, – это высказали свое мнение? Девочки очень часто высказывают свою точку зрения, и я вижу, как на различных обсуждениях они остаются при своем мнении.

М. Лайтман: Хорошо! При этом они должны понять, что каждый может оставаться при своем мнении!

И. Якович: То есть важен сам процесс обсуждения и возможность услышать мнение другого?

М. Лайтман: В процессе обсуждения происходит взаимовлияние. Люди, которые не общаются между собой, никогда не смогут соединиться. Когда враги, даже в драке, начинают выяснять отношения, между ними уже возникает взаимосвязь.

И. Якович: Есть надежда.

М. Лайтман: С другой стороны, мы должны не просто создавать ситуации, в которых каждый человек может остаться при своем мнении. Мы должны вводить их в более острые, я бы сказал, экстремальные состояния, чтобы общая опасность или какое-то особое явление вызвали бы в них общее чувство,

одинаковое отношение, одну реакцию. Это уже объединит их между собой, возможно, только относительно какого-то одного узкого аспекта, но это даст возможность ощутить, что они в чем-то похожи и, может быть, вместе смогут спастись.

И. Якович: Мы говорим об игре или о внешней среде?

М. Лайтман: Это происходит в игровой форме. В одном детском музее есть экспозиция, которая называется «Диалог во мраке». Это некий лабиринт, совершенно темный, в котором ты потеряешься, если не будешь держаться за другого. Мы играли в подобную игру на одном из наших конгрессов: построили маршрут с массой всевозможных препятствий, завязали глаза и стали проходить весь маршрут и преодолевать все препятствия, держась за руки и помогая друг другу. Главное – думать не о себе, а о том, как помочь, подставить плечо тому, кто идет за тобой, держит тебя за руку и надеется на тебя.

Несмотря на то, что среди мужчин это работает намного сильнее, для женщин это тоже очень важно. Это помогает им достичь единства в мысли. Женщине добиться этого намного сложнее, она более индивидуалистичная, чем мужчина, поскольку от природы каждая женщина имеет особую основу. Мужчина реализует себя в обществе, в группе, он любит играть или соревноваться с другими, а у женщины, как правило, есть не группа, а одна или несколько подруг.

И. Якович: Обычно это маленькие группы, но взаимопомощь между женщинами во многих случаях просто спасает

жизнь. Мне кажется, что у женщин исключительно развита способность к сотрудничеству, разве не так?

М. Лайтман: Я не вижу этого в духовном мире, в духовных корнях. Женщина может сотрудничать с другой женщиной только при условии, что речь идет о спасении жизни, если это способствует реальному продвижению, иначе они не могут объединяться между собой. Так устроено в природе, поскольку каждая женщина – это дом, самостоятельная ячейка.

И. Винокур: Вы сказали, что все наши действия и мероприятия должны постепенно направить девушек к единству в мысли. Что это значит?

М. Лайтман: Женщинам очень трудно объединиться в общем действии, если для этого нет внешней цели, которая обязывает их к этому. Допустим, они готовятся к какому-то празднику или вечеринке и для этого приходят, убирают и готовят... В таком случае ради общей внешней цели они могут объединиться – цель вынуждает их к этому. Но изначально в женщине, в отличие от мужчины, отсутствует потребность в объединении.

И. Винокур: Что такое объединение в мысли? Как оно прививается?

М. Лайтман: Мы приучаем их быть связанными в мысли, поскольку женщины должны объединиться относительно мужчин в своем стремлении к исправлению мира. Это помощь от противного. Мы как-нибудь должны будем выяс-

нить, что значит «объединиться против мужчин». Только тогда мужчины почувствуют необходимость выполнять действия по исправлению. И здесь женская часть – основная. Женщина требует спасение, силу исправления, и если мы правильно сопоставим эти две части, то есть надежда на исправление мира.

И. Винокур: Если я правильно понял, Вы говорите, что женщины понимают, что их духовная жизнь зависит от мужчин, и все вместе они обращаются к мужчинам, чтобы заставить их принести им духовное?

М. Лайтман: В мире множество женских организаций. К сожалению, мы не ощущаем от них особой пользы, поскольку они не знают, как вести себя в соответствии с природой. Только тогда, когда мы действуем согласно природе, мы достигаем успеха; в противном случае нам кажется, что на короткий период нам что-то удается, а затем происходит крушение.

Какой же должна быть обобщенная женщина – Ева для Адама, – чтобы они правильно взаимодействовали между собой, снова соединились бы в единый образ и достигли бы полной гармонии с природой? Такой мы должны видеть эту картину.

Какова в этой картине роль женщины относительно мужчины? Это могут быть все женщины в мире или одна отдельная женщина. Для продолжения жизни женщина посылает мужчину работать, заставляет его заботиться о ней и о детях,

приносить в дом деньги и уверенность. И нам следует понять, что для того чтобы жизнь продолжалась в общественной и духовной форме – в любой форме, – мы должны получить от женщин давление, потребность в этом. Только тогда мужчины смогут это выполнить. В этом женщины должны быть пробуждающей и даже направляющей силой. Я бы сказал, что, с одной стороны, у женщин очень деликатная роль, а с другой стороны, решающая.

Мужчинам кажется, что они «мачо» и им ничего не нужно, а женщинам сегодня кажется, что они могут справиться со всем самостоятельно. Но эта их деятельность обоюдна, и мы обязаны объяснить это девочкам в период их становления. Как в семье, так и в обществе каждый должен выполнять свою роль, дополняя другого.

Этому молодых людей надо обучать на практике, в установлении связи между мальчиками и девочками в наших группах. Мы не должны организовывать между ними фронтальную встречу, но мы можем взять их вместе на экскурсию или в музей, чтобы они начали чувствовать друг друга. Очень важно дать им почувствовать, что и у мужчин, и у женщин есть своя роль, и они дополняют друг друга.

Это могут быть общие игры, костер на природе... Поведите их в пещеру и предложите им поиграть в примитивную жизнь, какой жили наши предки пять тысяч лет назад.

И. Якович: Они начнут уважать огонь, который добывали целый час.

М. Лайтман: Какой была жизнь, для чего тогда, и почему, чем отличается наша жизнь сегодня? У нас есть газ, стиральная машина, автомобиль, но чем мы отличаемся по сути?

И. Винокур: Как они должны подходить к такой интеракции? Девочки наблюдают за мальчиками и думают, как можно на них воздействовать, и то же самое мальчики? Или же стоит просто начать играть?

М. Лайтман: Мужчина естественным образом всегда чувствовал себя обязанным. Под влиянием общества и неиспорченной внутренней природы я чувствую, что должен жениться, завести детей – этому меня учит мое окружение. И до тех пор, пока наш эгоизм не перерос нашу «животную» природу, я был, как все. Я знал, что должен следовать примеру своих родителей и окружающего общества. Но когда наш растущий эгоизм перешел границу животного уровня, вышел за пределы неживой, растительной и животной природы, я стал чувствовать себя свободным! Меня не волнуют семья, дети...

Именно это произошло в 20-м веке! С середины 20 века мы начали чувствовать это на практике, и сегодня мы уже более или менее понимаем, что с нами происходит. Мы видим, что наше эго разрушило даже нашу материальную, земную жизнь, на неживом растительном и животном уровнях. У нас нет даже семьи, естественный жизненный уклад нарушен. И что делать дальше?! – Исправлять тот уровень, на котором мы находимся, выше животного уровня.

И. Якович: В таком случае, может быть, девочки должны не просто наблюдать, а участвовать, выполняя совместные действия?..

М. Лайтман: Сначала необходима подготовка, затем совместное обсуждение или обсуждение в отдельных группах. Возможно, мальчики и девочки стесняются говорить открыто в присутствии друг друга вследствие неправильного воспитания или под влиянием гормонов... Но сначала подготовка, а затем обсуждение придает самому действию глубину, и каждый на примере действий и мыслей начинает понимать происходящее. Мы учим их, как извлечь мораль из простых взаимоотношений.

И. Винокур: Как подготовить мальчиков и девочек, что им сказать, на что обратить внимание, как себя вести?

М. Лайтман: Это должны быть целая серия всевозможных обсуждений и подготовок, связанных с анатомией, физиологией, психологией (согласно возрасту), пониманием жизненного уклада. Прежде чем мы начнем вводить их в такие совместные игры, должно пройти время.

И. Винокур: В конечном итоге женщины и мужчины должны понять, что должен делать каждый из них?

М. Лайтман: Каждый инстинктивно почувствует, к чему у него есть склонность, что относится к каждому полу. Мы дадим им почувствовать, что в мире ничего не изменилось, а мы – те же люди, что жили в пещерах пять тысяч лет назад.

И. Якович: Может быть, девочкам стоит дать попробовать делать то же, что делают мальчики, чтобы показать, что женщины иногда вообще не хотят и не могут делать то же самое? Может, стоит научить их на противоположных примерах?

М. Лайтман: Зачем мы должны учить их неправильному пути? Я думаю, что если предоставить их природе, они естественным образом правильно организуются.

И. Якович: Но девочки находятся под сильным влиянием идеи о том, что все равны.

М. Лайтман: Оказавшись в естественной среде, они немедленно почувствуют, до какой степени они отличаются друг от друга, насколько у них разные роли, и поймут, что именно в дополнении друг друга они выигрывают. В них начнет говорить природа, но для этого они должны оказаться в острых ситуациях.

И. Винокур: Сегодня мы выслушали рекомендации профессора Михаэля Лайтмана и получили четкую, последовательную систему для работы с группой девочек-подростков, чтобы подвести их к соединению в мысли и к пониманию своей роли относительно мужской части. Мы надеемся начать осуществлять это на практике.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ В ГРУППЕ ДЕВОЧЕК

Собеседники: Анатолий Ульянов, Ирина Якович и Илья Винокур

А. Ульянов: Темой нашей предыдущей беседы было формирование групп девочек и работа с ними. Сегодня мы более полно раскроем эту актуальную тему.

И. Якович: В группах девочек возраста 12-14 лет, с которыми мы уже начали работать, можно наблюдать различные взаимоотношения. Кто-то знаком с детства, кто-то никого не знает, есть близкие подружки и не очень, и т.д. Как с ними работать на начальном этапе, как их соединить и сдружить?

М. Лайтман: Прежде всего, без давления, так как по своей природе женщина очень сильно чувствует свое «я». Это исходит из законов природы, согласно которым женщина является отдельной личностью, чего, кстати, нельзя сказать о мужчине. Нам кажется, что, наоборот, женщины скромнее и более склонны к участию и объединению, но на самом деле это не так. Это все внешнее, а внутри женщина не готова к этому, остро чувствуя свое «я». Женщина так устроена, что стремится

ся иметь собственный дом, семью, детей – все это она ощущает как свое.

И. Якович: Она чувствует себя цельной, самодостаточной?

М. Лайтман: Если у женщины есть муж, семья и дети, то это в первую очередь дает ей ощущение цельности. Такова ее главная потребность от природы, и нам не стоит идти против нее – мы лишь навредим себе. Наоборот, нужно всячески помогать женщине в реализации ее основных потребностей. Поэтому наш подход к воспитанию девочек и отношение к их организации (именно организации, а не группе) должно быть правильным. Необходимо показать, что объединение между ними может быть чрезвычайно полезным для того, чтобы помочь каждой наполнить свои естественные потребности. В сущности, только для этого оно и необходимо. У мужчин все наоборот. Они выходят из рамок своего «я» и полностью отдают себя группе, товарищам, как бы растворяясь в них. А женщины объединяются и создают организацию, потому что с ее помощью каждая выигрывает.

И. Якович: Что они должны делать на начальном этапе?

М. Лайтман: Все, что может помочь каждой из них в равной мере выразить себя.

И. Винокур: А как относиться к динамике самой группы? Ведь есть девочки-подружки и есть такие, что вовсе не дружат. Это может помешать?

М. Лайтман: Нужно показать, что именно в соединении разных людей есть преимущество для каждой из них. Стоит создавать объединение как можно более широкое и разнообразное по составу.

И. Якович: То есть на начальном этапе сосредоточиться на разнообразии и на том, что может их объединить?

М. Лайтман: Да. Ведь если в жизни мы должны общаться со многими людьми, то нет смысла закрываться в себе – это произойдет позднее. Именно от общения с людьми, отличающимися по свойствам, интересам и уровню, мы ускоряем собственное развитие. Поэтому стоит работать над личной пользой от совместной организации.

И. Якович: Объяснять важность общения с разными людьми и выигрыш, который каждая от этого получает?

М. Лайтман: Да.

И. Якович: То есть речь не идет о нивелировании и стирании отличий в поведении и чувствах?

М. Лайтман: Нет.

И. Якович: Да это и невозможно.

А. Ульянов: Но как преодолеть природную закрытость женской натуры?

М. Лайтман: Если действовать таким образом, как я говорю, то нет необходимости что-то преодолевать. Мы всего лишь до-

бавляем общественный аспект к естественной внутренней замкнутости женщины. Участвуя в работе организации и общаясь с другими, девочка чувствует, что приобретает нечто для себя.

А. Ульянов: Для этого мы должны организовывать особые мероприятия, беседы? Как это будет происходить?

М. Лайтман: Это просто вопрос воспитания, не идущий вразрез с женской природой. Мы здесь еще не говорим о подъеме на духовный уровень, а только об обычной подготовке каждой женщины к участию в жизни общества в меру ее возможностей и желания. При этом женщина остается верной своей природе, и это отчетливо видно.

И. Якович: А как соединить самоутверждение девочки с ее естественной склонностью в этом возрасте быть, как все? Мы видим, что стоит одной из них красиво одеться, как все сразу же повторяют ее стиль, все слушают одну музыку и так далее.

М. Лайтман: Потому что никто не хочет быть хуже в глазах других.

И. Якович: Кроме того, очень развита критичность в отношении других. Вы говорите о необходимости дать место и поощрять разнообразие, но подростки смотрят друг на друга и стараются действовать так же. Это происходит, видимо, из опасения стать предметом насмешек приятелей. Как можно снять подобные опасения?

М. Лайтман: Я говорил в целом о природе и развитии женщины, а Вы говорите о возрасте, когда девочки еще слишком зависимы от мнения окружающих и постоянно сравнивают себя с другими.

И. Якович: Говорят о тех, кого больше любят, кто более популярен, кто больше нравится мальчикам, и т.д. Сравнение происходит постоянно.

М. Лайтман: Это очень непростой период в жизни, требующий особого подхода, но это временное явление.

И. Якович: Однако именно в этот период мы с ними встречаемся и начинаем работать.

М. Лайтман: После 16-17 лет и девочки, и мальчики уже покидают это окружение, выходят в жизнь и начинают чувствовать по-другому.

И. Якович: Тогда они уже сформированы как личности. Но в том возрасте, о котором мы говорим, есть повышенная чувствительность к критике и замечаниям, в том числе со стороны родителей. Это может сопровождаться слезами. Даже в процессе какого-то мероприятия одна может сказать что-то другой – и вот уже обе в слезах. Чувствительность к критике очень высокая.

М. Лайтман: Что поделаешь, это природа.

И. Якович: Как реагировать? Можно ли с помощью группы и правильного воспитания как-то уменьшить это явление, облегчить переживания?

М. Лайтман: «Маленькие женщины» – это проблема. Здесь может помочь психология. Нужно привлечь к этим отношениям так называемую «третью сторону». То есть не допускать прямого разговора и обсуждения друг друга, а вместе обсуждать какой-то третий, выдуманный образ. Можно даже нарисовать контуры какой-то девочки, скажем, лет пятнадцати, и обсуждать ее: каковы ее желания, склонности, свойства, мысли?

И. Якович: Ну, начинают с того, как она выглядит и во что одета.

М. Лайтман: Хорошо, пусть так. Но дальше: что она пишет в своем дневнике, о чем мечтает, что говорит и думает, совпадает ли ее поведение с тем, что она думает, и т.д.

И. Якович: Восхитительно!

М. Лайтман: Давайте поработаем с этим образом: назовем ее «госпожа Х» и попробуем понять.

И. Якович: Использовать этот образ как основу.

М. Лайтман: Прежде всего, перенесем на нее все, что есть внутри нас самих. Затем представим, как она будет себя вести в разных ситуациях, что отвечать, к чему прислушиваться. Так легче перейти к самоанализу.

И. Якович: Поиграем с ней.

М. Лайтман: Да. Можно развивать этот образ в разных направлениях: в положительном и отрицательном. Можно соз-

дать два образа, например, две девочки, и играть в них, как в театре.

И. Якович: У нас есть свой театр.

М. Лайтман: Замечательно. Можно разыгрывать разные сцены, в которых одна проявляет чувствительность, а другая жестокость. То есть нужно дать девочкам проиграть все ситуации, которые они могут переживать внутри себя. Тем самым мы позволяем им вынести наружу свои переживания, изучить внутренние свойства и дать психологическую оценку ситуации и свойствам, которые ее создали. Такой прием освобождает от многих проблем и снижает внутреннее напряжение. А затем можно попробовать самые разные роли и ситуации – например, взаимоотношения с родителями, с мальчиками.

А. Ульянов: Но игра будет без мальчиков, девочки будут играть их роли?

М. Лайтман: Конечно. Пусть покажут, какого поведения они ожидают от мальчиков.

И. Якович: В этой игре пойдет речь о каком-то идеальном поведении?

М. Лайтман: Нет, можно представлять все формы поведения, существующие в жизни. Можно это сделать даже в форме гротеска.

И. Якович: Преувеличения?

М. Лайтман: Да.

А. Ульянов: Вначале не стоит давать оценок, а только выразить?

М. Лайтман: Да. После нескольких подобных игр они начнут играть между собой. Это позволит девочкам впитать в себя чужие свойства и, несмотря на женскую склонность к замкнутости, научиться взаимодействию с другими девочками. Разумеется, кардинально это не изменит ее природы и подхода к жизни: она останется в рамках своего «я».

И. Якович: Женщина всегда сохраняет себя.

М. Лайтман: Да, это характерно для женщины, в отличие от мужчины, для которого эти границы не так значимы.

И. Якович: В возрасте, о котором мы говорим, это может проявляться в крайней степени. Иногда девочки вообще не разговаривают с родителями.

М. Лайтман: Верно, но мы можем эти рамки сузить и сделать более гибкими.

И. Якович: Для этого необходимо создать среду, которая хвалит, принимает и не критикует, а, наоборот, поощряет.

М. Лайтман: Главное – психологические упражнения и игры.

И. Винокур: Их следует проводить после каких-то происшествий между девочками?

М. Лайтман: Нет-нет, это должны быть обычные ежедневные занятия.

И. Винокур: Но если что-то произошло, – скажем, кто-то кого-то обидел, – нужно провести специальное обсуждение?

М. Лайтман: Если есть такие случаи, их нужно обсуждать, но опять-таки через игру, давая возможность поменяться ролями. Хотя я все-таки за профилактику подобных происшествий – пусть проиграют все ситуации заранее.

А. Ульянов: Проиграть все происшествия, которые могут между ними случиться?

М. Лайтман: Да. В такой форме нужно отработать как можно больше жизненных ситуаций, в том числе и отношения с родителями. Очень важно, чтобы ребенок проиграл и те роли, которые в жизни ему не свойственны. Это настоящее лекарство, которое научит пониманию других людей и правильному построению отношений.

И. Якович: Нужно также работать над осознанием самой себя, найти во всем этом разнообразии то, что мне подходит. Именно здесь возникает путаница.

М. Лайтман: Я рекомендую для решения этих проблем два средства: психология и театр. Это помогает человеку понять наш внутренний мир и развивает свойства коммуникабельности.

А. Ульянов: Это подходит также мальчикам?

М. Лайтман: Мальчикам меньше и в другой форме.

И. Винокур: Я хотел бы заострить вопрос различия. Вы говорили, что мальчикам мы передаем ценности через понятие, называемое «группа». А относительно девочек Вы используете слово «организация». Как объяснить девочкам, что это такое?

М. Лайтман: Каждая выигрывает оттого, что связана с другими девочками. Поэтому они создают организацию, быть в которой полезнее, чем быть одной.

И. Винокур: Что эта организация дает девушке 13-14 лет?

М. Лайтман: Защиту, достижение вещей, которые невозможно достичь одной.

А. Ульянов: Под организацией предполагается объединение?

М. Лайтман: Они согласны с тем, что являются объединением, которое открыто для всех. Тем самым каждая получает большие силы.

И. Винокур: В этой организации есть должности?

М. Лайтман: Можно создать любую структуру. Главным является готовность быть в связи с другими ради получения выгоды для себя. Это звучит эгоистически, но сохранение естества должно быть на первом месте.

И. Якович: Стоит ли предлагать им совместные действия, чтобы убедиться, что они могут достичь успеха только вместе?

М. Лайтман: Да-да, это ясно. Но не оставлять игру, театр и договоренность на психологическом уровне. Это помогает человеку быть мягче, легче взаимодействовать с другими. Ведь что мы делаем с помощью ролевых игр? Каждый из нас формирует в себе различные образы, через которые может связываться с миром. Мы постоянно формируем в себе некий образ и через него контактируем с другими. Именно это делает актер. У хорошего актера в запасе тысяча примеров различных образов, которые он меняет и таким образом общается. Точно так же мы поступаем в жизни, но не знаем, как этим пользоваться.

И. Якович: Мы не совершенствуем эти способности.

М. Лайтман: Если эти образы у меня есть, я могу их извлечь и продемонстрировать в разных ситуациях. Так я начинаю изучать, какой образ стоит использовать для достижения той или иной цели. На этом этапе, когда у меня в кармане много ответов, возникает вопрос намерения.

И. Якович: Это реальный инструмент.

М. Лайтман: Совершенно верно. Мы всегда играем – до такой степени, что не знаем самих себя. Вся жизнь я смотрю на окружающих и получаю от них примеры. А уж когда вижу образцы поведения в фильмах, то действую только согласно им.

И. Якович: В этом возрасте они постоянно заняты тем, что ищут от окружения одобрение.

М. Лайтман: Давайте добавим к этим формам поведения психологический анализ: для чего и почему я себя так веду, стоит ли? Каково мое влияние на других?

И. Якович: Можно предложить им различные формы убеждений?

М. Лайтман: Разумеется! Распределите роли и проиграйте различные ситуации. В этом действии должны участвовать абсолютно все. Игра заключается не только в том, что мы переставляем фигуры, как в шахматах, или передаем мяч, как в футболе. Игра означает, что я облачен в другую форму – и так всю жизнь. Это относится и к женщинам, и к мужчинам: мы всегда играем в образы, которые видели в различных жизненных ситуациях. Я не ем по своему желанию, не одеваюсь, не говорю. Все эти формы я видел и так поступаю – это воспитание подражанием. А мы говорим так: ты должен знать, как себя вести, исходя из этих трафаретов, чтобы достичь высшей цели.

А. Ульянов: Осознавать эти трафареты и управлять ими.

М. Лайтман: А затем использовать относительно высшей цели.

А. Ульянов: Мы много говорили о воздействии окружения на человека. Есть ли различие в восприятии этого влияния женщиной и мужчиной? Ведь, как Вы сказали, женщина более закрыта, а мужчина более открыт.

М. Лайтман: Это даже нельзя сравнить.

А. Ульянов: Объясните, пожалуйста, это различие у подростков.

М. Лайтман: Прежде всего, и девочки, и мальчики должны впитать десятки примеров. Они должны проиграть все состояния, ситуации и эмоции: гнев, раздражение, спокойствие, праведность. Каждый должен побывать в роли грабителя, вора и т.д. Для каждого образа они должны подобрать форму поведения, манеры, речь. Дайте им обрести такой опыт, а затем начните играть мужчину с точки зрения женщины и женщину с точки зрения мужчины.

А. Ульянов: Чтобы женщин играли мальчики, а мужчин девочки?

М. Лайтман: Да, чтобы постарались понять противоположный пол. Причем понять согласно образу мыслей, чувств и видения мира.

А. Ульянов: Кто должен вести такое обсуждение: женщина или мужчина?

М. Лайтман: Оба.

А. Ульянов: Воспитатели, ведущие эту игру, должны реагировать на то, как девочки представляют мальчиков и наоборот?

М. Лайтман: Они должны направлять игру.

А. Ульянов: Допустим, мы устроили такое действие, и девочки играют мальчиков согласно своим представлениям.

Должен ли при этом присутствовать мальчик, чтобы корректировать их, или нет?

И. Якович: Возможно, на следующем этапе они могут это делать вместе?

М. Лайтман: Не знаю, поскольку не участвовал в таких мероприятиях. Пробуйте! Можно делать это и в смешанных группах, но после подготовки. Мальчики, как правило, не хотят играть, боясь уронить достоинство. Нужно пройти солидную подготовку, чтобы быть готовым принять любой образ. Иначе им трудно смириться с тем, что девочки играют мальчиков.

И. Якович: Они это любят.

И. Винокур: Все девочки создают собирательный образ женщины, соответствующий общему пониманию женской природы, а затем выясняется, чего эта женщина ожидает от мужчины. И наоборот. Выходит, что встречаются обобщенная женщина и обобщенный мужчина?

М. Лайтман: И каждый в себе может понять другого, потому что играл его тоже. В конечном счете, цель этих игр – дать человеку почувствовать, что в нем находится весь мир. Тогда он будет правильно понимать, уметь связываться и сохранять хорошие отношения с любой частью человеческого общества. Ведь главная наша проблема состоит в том, что мы не в состоянии понять другого.

И. Якович: На этапе встречи с противоположным полом, какую часть работы мы производим?

М. Лайтман: Сначала личное развитие, затем групповое и внутри группы. После этого идет подготовка к встрече между группами, обмен ролями между группами и такое перемешивание групп, что все начинают друг друга понимать. Все это сопровождается психологической поддержкой и игрой: когда я играю, то это не Я!

И. Якович: Верно! Это намного легче.

М. Лайтман: Я могу переступить через свое эго и играть то, что мне сказали – это не Я. Я вижу на примере актеров (многие из моих учеников связаны с театром), что даже небольшой игровой опыт помогает человеку выйти из себя.

И. Якович: Психология тоже помогает. Я научилась на протяжении жизни разговаривать с каждым и понимать различные образы. Как Вы говорите, нужно сделать так, чтобы каждый стал себе психологом. Но этому нужно учиться.

М. Лайтман: Лучше всего учиться на примере игры.

А. Ульянов: На этом мы остановимся. Сегодня мы говорили о таком специфическом понятии, как «маленькая женщина», и о том, как она развивается. Особое внимание мы уделили методике изучения себя со стороны: создать посторонний образ и проследить за его поведением в различных ситуациях. Разобравшись в специфике женского восприятия, стоит обра-

тить внимание на восприятие противоположного пола. Понимание и ощущение другого человека – центральный вопрос, о котором мы еще поговорим.

ПОМОЧЬ ДЕВОЧКАМ ПОНЯТЬ СЕБЯ

Собеседники: Анатолий Ульянов, Ирина Якович и Илья Винокур

А. Ульянов: Сегодня мы рассмотрим проблемы воспитания девочек, согласно ценностям, которые мы воспитываем у молодежи в процессе обсуждений.

И. Винокур: В прошлых беседах мы объяснили процесс создания и развития группы девочек, которые сплочены четким пониманием роли женщины в мире и объединены в одном желании.

М. Лайтман: Но при этом мы не нарушаем индивидуальности каждой девочки. Важно, чтобы они чувствовали, что их соединение вместе не убивает индивидуальность каждой, а, наоборот, придает уверенность в своей способности добиться цели.

И. Винокур: Вы говорили о последовательных стадиях формирования такой группы. Вначале должно быть обсуждение, затем интересное, захватывающее действие, может быть, даже с ощущением какой-то опасности. Должно быть и взаимодействие с мальчиками для того, чтобы появилось понимание, что

такое взаимодействие необходимо. Результатом должно стать формирование правильного понимания и согласия с функцией женщины в мире. Сегодня мы остановимся на такой форме, как обсуждения. Вы говорили, что темой обсуждений должны быть вопросы о сути и образе женщины, ее отличии от мужчины. Помимо этого, какие еще ценности необходимо прививать девочкам в возрасте от 12 до 16 лет?

А. Ульянов: Каков основной пакет ценностей?

М. Лайтман: Я всегда подчеркиваю, что материалистическая психология помогает человеку понять, кто он такой, что ему дает окружение и какова его связь с миром. Речь идет о воздействии мира на человека и его ответных реакциях. Поэтому правильное психологическое сопровождение необходимо на всем протяжении воспитательного процесса, причем для девочек больше, чем для мальчиков.

А. Ульянов: Почему?

М. Лайтман: Женщина больше зависима и ранима, а потому нуждается в поддержке, чтобы отстаивать свою самобытность. Прежде всего, давайте посмотрим, чего девочки хотят? Используя их склонности, постараемся воспитать в них правильное к ним отношение. Им нужна косметика? Пригласите косметолога, который объяснит, как правильно пользоваться косметикой и для чего. Пусть они знают, какие средства наносят вред, а какие помогают, и т.д. Предоставьте им все возможности, чтобы полностью раскрыть этот вопрос. Тем самым мы

создадим в группе равенство: все девочки будут знать, как правильно наносить косметику, и ни у кого не будет преимущества перед другими в знании или умении. Закончив с косметикой, перейдите к одежде.

А. Ульянов: Пригласить модельера?

М. Лайтман: Да. Я помню, что когда моя дочь занималась в школе шитьем, то весь дом был увешан нарядами 17 века. Организуйте девочкам уроки кройки и шитья – пусть учатся, ведь в семье такие навыки пригодятся. Они должны уметь выбирать то, что им подходит.

И. Якович: (Смеется). Мама тоже примут участие в таких встречах!

М. Лайтман: (Смеется). Я не имею в виду матерей. Прежде всего, нужно дать девочкам свободу выражения и возможность изучать себя самих.

И. Якович: Возможность заниматься тем, что им интересно.

М. Лайтман: Да. Девочка должна сама себя создавать: если я хочу выглядеть определенным образом, что я должна сделать? Тем самым мы решаем массу внутренних проблем.

И. Якович: С этого следует начать?

М. Лайтман: Да.

И. Винокур: Иными словами, воспитатели должны выяснить, чего группа хочет, и согласно этому действовать?

М. Лайтман: Почему воспитатели?

И. Винокур: А кто должен выяснять эти желания?

М. Лайтман: Они нам известны – это стандартные вещи. Для каждого возраста характерны определенные интересы.

И. Якович: Все этого хотят, все согласны.

И. Винокур: Но почему, касаясь ценностей, нужно подчеркивать красоту одежды или макияжа?

М. Лайтман: Нет! Важность этих вещей им ясна – я не собираюсь их в этом убеждать.

И. Винокур: Какие же ценности мы воспитываем, когда учим одеваться? Тот, кто красивее одет, тот лучше?

И. Якович: Как выработать правильное отношение к красоте? С одной стороны, мы уделяем ей много внимания, с другой стороны, должны найти правильные пропорции. Насколько я понимаю, Вы не собираетесь придавать этому исключительное значение. Это должно быть, но не должно занимать центрального места в жизни.

М. Лайтман: Отношение уравнивается само собой, поскольку касается всей группы. В общем-то, речь идет о необходимом уровне: как выглядеть хорошо? А такие вопросы, как «зачем», «в каких пределах» и «насколько в этом соревноваться», являются дополнением. Мы даем девочкам в руки средства удовлетворения этой естественной потребности, которую

не можем, да и не хотим уничтожить, так как все созданное в природе должно сохраняться. Вместе с этим, конечно же, нужно формировать правильное, взвешенное отношение к этим вещам.

И. Якович: В каких размерах использовать?

М. Лайтман: Совершенно верно.

И. Якович: Вплоть до того, что прямо говорить о том, как не дать этому стремлению занять центральное место в жизни, что есть красота внешняя и внутренняя.

М. Лайтман: Несомненно.

И. Якович: Для этого возраста также очень актуален интерес ко всему, что связано с деньгами. Для косметики и красивой одежды нужны средства. Как же управлять бюджетом, сколько и на что тратить? Эти вопросы возникают у девочек постоянно, вызывая споры с родителями.

М. Лайтман: Я слышал, что в школе есть уроки, на которых об этом говорят.

И. Якович: Раньше такие уроки были. Возможно, они еще остались в религиозных школах, где этому уделяется больше внимания. Из светского воспитания уроки домоводства исчезли полностью.

А. Ульянов: Кроме того, там девочки и мальчики занимаются вместе, а мальчиков денежный вопрос занимает меньше,

главное для них – друзья. А девочки действительно помешаны на деньгах и готовы бездумно их тратить. Специфического отношения к этому нет, потому что вообще нет отношения к женским проблемам.

И. Якович: Также нет иерархии ценностей – центральную роль здесь играет среда. Если сегодня нечто ценится средой, то каждый непременно хочет это иметь. Это создает трудности для родителей: вчера они купили дочке одно, а сегодня она хочет другое, потому что подружки сказали, что это ей не подходит. Для детей в этом возрасте чрезвычайно важно «правильно выглядеть» в глазах других и в одежде, и в поведении.

М. Лайтман: Мы уже говорили, что только с помощью изучения психологии человека через игру и театр можно показать, насколько люди играют те или иные роли, копируют стереотипы поведения, взятые из окружающей среды, и как это глупо, примитивно и не выражает индивидуальности человека.

И. Якович: Это нужно показывать?

М. Лайтман: Нужно постепенно формировать у подростков правильное отношение: человек сохраняет свою индивидуальность в том, что выражает себя естественно и просто, а не в том, что выглядит, как все. Как правило, мы видим вокруг подражание голливудским стандартам в поведении и общении, но чтобы быть личностью, нужно раскрыть человека в себе, а это никак не связано с его внешним видом. Мы должны выработать у девочек такое отношение, что человек должен одеваться

удобно, выглядеть красиво, но главное – какова его суть, а не от какой фирмы вещи на нем одеты.

И. Якович: Фирма – это сегодня действительно ключевое слово. Но если человек полностью подвержен влиянию среды, в чем проявляется его индивидуальность?

М. Лайтман: Влияние среды может побудить человека приподняться над воздействием общества.

А. Ульянов: Противостоять ему?

М. Лайтман: Да. Мое эго говорит: «Я хочу быть выше и не следовать их вкусу – надену что-нибудь простое». Конечно, такому отношению надо учить: могу ли я быть свободным от воздействия окружения, которое давит на мои инстинкты и не дает быть самим собой? Но неужели я все время буду от них зависеть, а они будут мной руководить?

И. Якович: Не быть рабом среды.

М. Лайтман: Верно.

А. Ульянов: Это возможно?

М. Лайтман: Мы должны постоянно показывать им примеры того, как отрицательно действует на них окружение. Интернет, СМИ, компании мобильной связи воздействуют на меня, чтобы я обрел выгодный для них образ, не был тем, кем я хочу быть. Все планомерно делают со мной то, что нужно им, а я хочу этому противостоять.

И. Винокур: Мы говорили о различных видах передачи этого посыла: обсуждение, ролевые игры. Как сделать это наилучшим образом?

М. Лайтман: Сделай просто: продемонстрируй образцы моды, а потом покажи, как одеты люди на улице. Есть ли здесь индивидуальность человека? Неужели человеку дан ум только на то, чтобы увидеть пример и скопировать? Нужно показать, что такое поведение примитивно, подходит животному, а не человеческому уровню. Стоит задуматься, как не быть одним из стада, а найти и проявить себя истинного. Повторяю, что такое понимание рождается в результате многочисленных обсуждений картин и ситуаций, в которых люди ведут себя стереотипно: копируют внешнюю форму, а потом этим гордятся. Нужно углубиться в эту проблему и найти яркие примеры – это даст результат.

И. Якович: Можно ли сказать, что взаимоотношение человека со средой является одним из первых вопросов, над которым следует работать?

М. Лайтман: Да. Но речь идет о возрасте, когда уже явно проявляется влияние окружения. Это 10-12 лет.

И. Якович: Разумеется.

И. Винокур: Итак, порядок работы такой: сначала девочки осознают себя, свою внешность, зависимость от среды. Отсюда вытекает желание освободиться от этой зависимости и быть над ней.

М. Лайтман: Здесь следует подчеркнуть, что суметь подняться над средой – значит найти себя.

И. Винокур: Что это значит? Чему их нужно учить?

М. Лайтман: Прежде всего, это выражается в свободном отношении к среде и ее влиянию, отсутствие рабской зависимости от нее.

И. Винокур: Но когда мы уже перешли к следующему этапу и говорим о личности, что такое «правильная личность»? Какой она должна быть, чтобы я мог себя выразить?

М. Лайтман: Прежде всего, чувствовать себя комфортно, не зависеть от чужого мнения и суда. Каждая женщина хочет собой гордиться и быть самостоятельной – ей этого действительно не хватает. У мужчины потребность в этом меньше, чем у женщины. Поскольку она более зависима, то хочет этот недостаток восполнить. Здесь ей такая возможность предоставляется.

И. Винокур: Допустим, девочка понимает, что не должна заимствовать у общества примеры и стандарты, которые не отвечают ее индивидуальным запросам. Но что она берет? Какие ценности принимает вместо того, чтобы быть как все?

М. Лайтман: Свое «Я». Иными словами, после обретения некоей степени внутренней свободы, нужно себя проявлять.

И. Винокур: В чем?

М. Лайтман: В осмыслении того, что действительно идет мне на пользу. Я не согласна, чтобы меня задействовали сред-

ства коммуникации, производители моды, политики и торговые сети. Я не хочу быть от них зависимой, а потому одеваюсь так, как мне удобно и приятно.

И. Якович: То есть принимать во внимание удобство, соответствие мне и значимость, которую я этому придаю.

М. Лайтман: Верно. Мода, конечно, внесет свои веяния, это совершенно естественно.

И. Якович: Качество тканей, цвета...

М. Лайтман: Разумеется, сегодня мы не можем одеваться так, как сто лет назад – образ нашей жизни совершенно иной. Поэтому одежда меняется, но под влиянием времени, а не оттого, что производители меняют продукцию, желая больше заработать. Освобождаясь от этой зависимости, я нахожу способ выражать себя на внутреннем уровне. В результате у меня есть свободное время и свободные деньги – нужно показать, что это касается всех аспектов личности.

А. Ульянов: Это дает выигрыш.

М. Лайтман: Совершенно верно. Я обретаю внутреннее спокойствие и ощущение свободы. Пусть остальные ведут себя так, как хотят: разве, попадая в джунгли, нужно уподобляться скачущим вокруг обезьянам?

И. Якович: Но, находясь в джунглях, нужно изучить эту среду, понять ее.

М. Лайтман: Изучить – да, но не для того, чтобы ей уподобиться.

И. Якович: Вы правы.

И. Винокур: А относительно чего девочка может проявить свою индивидуальность и оценить себя: в отношении к другим, к среде? В чем критерий для самооценки?

М. Лайтман: В тот момент, когда она почувствует себя свободной от различных давлений общества, у нее появится уверенность в себе. Тогда ей станет понятнее, как правильно вести себя с миром: в школе, с родителями, родственниками и т.д. Освобождение от зависимости придает уверенность.

И. Якович: А откуда эта уверенность придет? От собственного выбора? Сегодня девочка получает поддержку от подруг: если они ее выбор одобряют, то она в себе уверена. Так «маленькие женщины», как Вы их называете, приобретают уверенность в правильности своих поступков.

М. Лайтман: Мы в течение нескольких лет формируем в них новый взгляд на себя, на общество в целом и на ту среду, которую мы выстраиваем.

И. Якович: И на свободу выбора.

М. Лайтман: И на свободу выбора, конечно. Несомненно, девочке необходима поддержка окружения. Но окружение развивается вместе с ней, ведь мы занимаемся с группой девушек.

И. Якович: Интересно, понимают ли они сами эту взаимосвязь и чувствуют ли изменения в своем малом окружении?

М. Лайтман: Они почувствуют свою особенность и будут этим гордиться. Для женщины это очень важно.

И. Винокур: Итак, мы инициируем разговор о ценностях, которые, на наш взгляд, наиболее важны, а девочки их проверяют. Мы говорили о моде и красоте, но это может быть любое явление.

М. Лайтман: Совершенно верно.

И. Винокур: А в дальнейшем могут ли эти беседы включать вопросы связи между ними внутри группы: как они друг к другу относятся, какие между ними отношения? В этом возрасте очень актуальны вопросы дружбы, сближения и отдаления. Стоит ли это с ними обсуждать?

М. Лайтман: Мы уже говорили о том, что нужно использовать ролевые игры.

Пойдите с ними в театр: пусть побывают на репетиции, увидят, что происходит на сцене и за кулисами, побеседуют с актерами. Пригласите актеров к себе, поставьте несколько сценок. Дайте им возможность почувствовать разные роли – это очень важно. Ведь каждый из нас в жизни постоянно играет какие-то роли – мы никогда не бываем самими собой. Как достичь такого состояния, чтобы в любой роли раскрыть, кто я такой вне роли? Этого не чувствует никто из нас – мы не знаем, кто мы.

И. Якович: Мы только меняем маски.

М. Лайтман: Снимая и надевая маски, мы, в конце концов, начинаем понимать, кто же их меняет.

И. Якович: В психологии есть понятие «мудрость души» – нечто настолько внутреннее, что его очень трудно понять, тем более объяснить.

М. Лайтман: Это и есть основа человека, и именно этой точки нужно достичь.

И. Якович: Достичь, то есть почувствовать?

М. Лайтман: Раскрыть ее, понять самого себя.

И. Винокур: На всех этапах работы с девочками – в обсуждениях, ролевых играх, экскурсиях – должно ли быть взаимодействие с мальчиками? Возможно, на начальных этапах они могут быть вместе? Если да, то в какой форме?

М. Лайтман: Мы уже говорили о том, что наше воспитание должно соответствовать желанию человека. Мы должны его не ограничивать, а дать средства для самоограничения. Используя их, он почувствует, что это идет ему на пользу. Все склонности, помехи и отрицательные примеры не затушевываются, а используются для того, чтобы над нами приподняться, быть над ними. Во всем остальном мы даем молодежи возможность быть такими, как они есть. Поэтому необходимо организовывать встречи по их желанию – как отдельные, так и совместные. А после того, как их подготовили в течение не-

скольких лет, дать им возможность использовать различные виды связи; нужно только остерегаться чрезвычайных происшествий. Повторю, что мы не исключаем из взаимоотношений ни игру, ни флирт. Всему этому есть место точно так, как это происходит в природе между животными, когда они играют друг с другом, обнюхивают и т.д.

И. Якович: Без этого невозможно? Ведь они все время вместе.

М. Лайтман: На животном уровне этому нельзя сопротивляться. Ты лишь должен следить, чтобы человеческий уровень в тебе не испортил бы этих вещей, а принял в правильных границах.

И. Винокур: На первом этапе обсуждений, когда девочки учатся свободе от мнения общества, как выражается их взаимосвязь с мальчиками? Можно просто устраивать встречи между ними или это все-таки должно быть как-то связано с темой влияния среды?

М. Лайтман: Нет. После того, как на предыдущих этапах мы развиваем мальчиков и девочек отдельно, согласно их возрасту, сейчас, когда они начинают проявлять интерес друг к другу, мы обязаны организовать между ними встречи и обсуждения с участием психологов, театральные постановки и совместные экскурсии. И во время внешних мероприятий, и во время совместных обсуждений они больше связываются друг с другом.

А. Ульянов: У нас есть группы подростков, с которыми мы начинаем работать только сейчас. Они не получили необходимой подготовки?

М. Лайтман: Об этом я не говорю: невозможно взять нечто уже сложившееся и начать его изменять. А если уж так получается, то здесь нужна особая и чрезвычайно эффективная воспитательная программа.

И. Винокур: У современных детей взаимный интерес начинается очень рано – в возрасте 10-12 лет. Выходит, что пока они не разовьются в отдельных группах, не стоит устраивать им совместные встречи?

М. Лайтман: Они могут встречаться при условии, что до этого вы их подготовили. Проблема в том, что их готовят к безопасному сексу, как это делается в Швеции, но прежде мы должны подготовить их психологически. Они должны сначала понять себя, прочувствовать себя в разных ролях. Тем самым подготовить их к правильному соединению. Без этого невозможно.

А. Ульянов: Мы говорили о необходимости помочь девочкам понять и раскрыть себя, о психологическом сопровождении этого процесса. Для такого раскрытия нужно, прежде всего, понять, что такое внешняя среда, как она влияет на человека и насколько необходимо уметь освободиться от ее влияния для истинного самораскрытия. Средства для такой работы разнообразны: театральные постановки, беседы и многое другое. Главное – научить, как найти себя истинную.

РОЛЕВЫЕ ИГРЫ В ГРУППЕ ДЕВОЧЕК И ВОПРОС САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Собеседники: Анатолий Ульянов, Ирина Якович и Илья Винокур

А. Ульянов: В сегодняшней беседе мне хотелось бы раскрыть понятие «занятие».

И. Винокур: Мы говорили о том, что дискуссии и ролевые игры помогают детям уяснить их место в мире и коллективе.

М. Лайтман: Большую роль в этом играет театральное искусство.

И. Винокур: После этого Вы сказали, что следующим этапом являются игровые занятия – вплоть до игр с элементами напряженности, опасности. Не могли бы Вы пояснить, что это значит? Зачем нужна опасность?

М. Лайтман: Человек так устроен, что его поведение и поступки определяются теми образцами, которые он видел в жизни. Он усвоил, что в одних случаях надо вести себя и реагировать так, в других – иначе. Человек все время извлекает из своей памяти различные шаблоны и воплощает их в реальности, поэтому, чем больше мы будем работать над этим с деть-

ми, в особенности с девочками, тем больше у нас будет шансов достичь желаемых результатов в воспитании. При этом мы не «посягаем на права» и не ограничиваем поведения детей какими-то конкретными рамками. Что такое, в сущности, воспитание? Это всегда набор образцов поведения, которые человек получил от общества. Согласно этим образцам он живет, постоянно копируя в своем поведении некие формы из окружающей среды. Это и есть воспитание. Я понимаю, что вам не терпится спросить: а где же права индивидуума? Неужели мы не оставляем человеку никакой свободы действий?! Где же он сам? Ответ: никакой свободы нет.

И. Якович: Помнится, Вы говорили о необходимости учить ребенка тому, как работать с шаблонами поведения, обучать гибкости в поведении, придавать ребенку чувство уверенности в себе, чтобы он мог распознать, какое поведение адекватно конкретной среде. Всего этого не происходит автоматически.

М. Лайтман: Этого не происходит автоматически оттого, что в нашем арсенале есть множество образцов. Поэтому весь наш выбор заключается в том, какой из образцов стоит использовать в соответствии с внешней обстановкой, а какой не стоит. Этому мы и обучаем. Иными словами, существует некое число поведенческих шаблонов для каждой ситуации, а я должен выбрать наиболее подходящий.

А. Ульянов: Психология говорит то же самое. В соответствии со многими теориями, ребенок, сам того не понимая,

повторяет различные модели поведения, виденные им ранее. Так утверждал Скиннер.

И. Якович: Сказанное Вами ни в чем не противоречит существующим в психологии теориям.

М. Лайтман: Дети также учатся, глядя на нас. Например, ребенок кричит. При этом он ждет от тебя определенной реакции, проверяя, как ты отреагируешь на его крик, на его требование. Нам кажется, что он делает это просто так. Это неверно. Ребенок воспроизводит одну и ту же модель поведения, потому что он не знает заранее, чего ожидать в ответ. Он должен получить от нас пример поведения, подход, связь с ним. Поэтому он так себя ведет. Мы думаем, что дети снова и снова ведут себя плохо. Нет, для ребенка это не «снова». Он не чувствует контакта, четкой реакции, а потому продолжает ее искать. Дети непрерывно учатся и постоянно испытывают нас.

И. Винокур: Мы говорим о девочках в возрасте 12-16 лет. Вы сказали, что после обсуждений есть этап игр, которые могут содержать элементы опасности и нервного напряжения. Могли бы Вы пояснить, зачем нужно чувство опасности? Что дает ребенку ощущение опасности? И какими должны быть подобные игры?

М. Лайтман: В природе мы наблюдаем, как львица берет своих детенышей на охоту, учит их преодолевать различные препятствия и опасности. Детей необходимо подготовить к жизни. Как же можно иначе? Если ребенок не знает, что

такое опасность, чего стоит остерегаться, что же он тогда вообще знает? Как он может быть готовым к жизни? Он будет принимать «за чистую монету» то, что видит в фильмах, думая, что так и надо. Но необходимо научить ребенка правильной реакции, анализу и синтезу события, чтобы был психологом самому себе в каждой ситуации. Он должен знать, как помочь людям в конкретной ситуации, нужно или не нужно вмешиваться. Мы должны подготовить его ко всему, что бывает в жизни, а жизнь, как известно, не всегда «сахар».

И. Винокур: Верно. Опасность может возникнуть и со стороны природы, когда потребуются навыки выживания, и на улицах города.

М. Лайтман: Эта опасность реальная.

И. Винокур: Какие занятия Вы рекомендуете проводить с детьми, чтобы помочь им приобрести необходимый опыт?

И. Якович: Я подумала о вопросе ориентации. Многих родителей беспокоит вопрос, насколько 12-летнему ребенку можно позволить самостоятельно ездить в транспорте, куда и как. Можно, к примеру, дать девочкам такое задание: оставить их в каком-то месте, чтобы они сумели добраться домой. Разумеется, делать это днем, а не ночью. Можно ограничить их во времени и в денежных средствах. Это подходит?

М. Лайтман: Можно и так. В качестве игры это может быть хорошо. Своеобразная игра на выживание.

И. Якович: Конечно. Ведь мы выживаем в условиях города, а не на лоне природы.

И. Винокур: Как же дать детям возможность встретиться с настоящей жизнью и чему-то научиться?

А. Ульянов: Не подвергая их опасности.

М. Лайтман: Я думаю, что это возможно в ходе совместных походов. Я слышал, что сегодня утром наши ребята ходили на экскурсию в суд. Очень интересны их впечатления! Сначала был процесс по делу об изнасиловании, и детей удалили из зала заседания. Затем начался другой процесс, и им позволили зайти. Представьте себе: большая группа наших ребят присутствовала на судебном заседании!

И. Якович: Это может многому научить.

М. Лайтман: Я думаю, что можно устроить игру на «выживание», но только как игру.

И. Якович: Приемлемо ли придумывать им такие игры?

М. Лайтман: А почему бы и нет?

И. Винокур: Например, во время экскурсии или в летнем лагере.

М. Лайтман: Конечно. Их нужно научить способам ориентации на местности – по солнцу, луне и т.д.

А. Ульянов: Но в этом нет ощущения опасности и насилия, о котором мы говорили.

М. Лайтман: Относительно опасности и насилия будет достаточно, если мы покажем детям полицию и тюрьму. Они будут знать, чего надо остерегаться. Это максимум, что мы можем сделать со своей стороны.

И. Якович: Мы показываем им последствия неосторожности, в том числе больницу или реабилитационный центр.

М. Лайтман: А все остальное можно изучить в процессе ролевых игр. Эта форма помогает человеку стать гибче, легче адаптироваться в любой среде.

И. Якович: Я хочу поделиться ощущениями от занятий актерской игрой с девочками. С одной стороны, эти занятия доставляют огромное удовольствие, как детям, так и взрослым. С другой стороны, после эмоционального возбуждения, которое сопутствует этим занятиям, бывает очень сложно сконцентрироваться и организовать обсуждение. Девочки начинают общаться между собой, часть из них слушает воспитателя, часть нет. Стоит ли вообще пытаться организовать дискуссию после такого мероприятия, или оставить все как есть? В чем причина эмоционального возбуждения и повышенной разговорчивости?

М. Лайтман: Нужно дать детям успокоиться. Я сомневаюсь, что дискуссия сразу после занятия может быть продуктивной.

И. Якович: Мы, воспитатели, чувствуем, что принуждаем детей к дискуссии.

М. Лайтман: Вот видите! Я считаю, что в процессе самих занятий дети постепенно обретают опыт. Самое важное – это время до занятия. Стоит объяснить группе, что сейчас мы будем разыгрывать такой-то случай. Какие у вас предложения? Кому подходит та или иная роль? То есть мы все планируем заранее, а также обговариваем, как будем реагировать на неожиданные повороты в игре. Мы настолько все обыгрываем, что человек, который затем в жизни будет попадать в самые различные ситуации, будет точно знать, как себя вести.

И. Якович: Кроме того, ребенок приобретает знание: что именно он думал и чувствовал в той или иной ситуации.

М. Лайтман: Он может представить себя в любом состоянии: от самого низменного до самого высокого, от самого постыдного до самого почетного, насколько хватит его фантазии. И ребенок будет знать, как подобает вести себя в каждой ситуации.

Однако главный вопрос состоит в том, для чего нужно уметь себя вести? Для того чтобы сохранить самоуважение? Это наше автоматическое естественное стремление, природная склонность. Нам ясно, что мы в первую очередь стремимся не уронить себя, каждую секунду выбираем, как нам «держать себя» с остальными. Или же я в каждом действии буду играть с иной целью?

Детям можно объяснить просто: сейчас мы играли так, чтобы не «уронить себя», а теперь давайте сыграем так, будто нам

неважно чувство собственного достоинства, а важно, чтобы меня поняли. Тогда каждая девочка должна немного поступиться своим чувством гордости в пользу общения и связи с другим человеком. Ей придется в чем-то пойти на уступки. А потом от нее потребуется еще больше: быть вместе с партнером.

Например, кто-то сильно разозлился на меня, потому что я его обидел. Я очень сожалею и хочу подойти к нему, быть с ним вместе, снова наладить связь. А он не может, потому что я поступил с ним крайне плохо. Что мне делать в такой ситуации?

Постепенно мы показываем ребенку разные формы поведения: от «оксфордского» стиля, когда для меня главное «не уронить себя», до искреннего и дружеского поведения, когда я отменяю себя, и единственное, что для меня важно, – это единство с другим человеком. Мы даем ребенку пройти многочисленные промежуточные состояния, почувствовать каждое из них и понять, где оно в нас находится.

И. Якович: В игровой форме?

М. Лайтман: Да. Ребенок при этом осознает, какие внутренние ресурсы он может задействовать в каждом конкретном состоянии. Игра на самом деле больше, чем просто игра; в игре мы познаем себя. Я не просто играю относительно кого-то, а постоянно извлекаю из себя различные образы самого себя. В некоторые из них я позволяю себе облачаться в реальной жизни, а в некоторые – нет.

И. Винокур: Игра позволяет мне нарушить запрет?

М. Лайтман: Да. В этом вся суть.

И. Якович: Чему это учит детей? Не стесняться? Обрести уверенность? Распознавать различные роли в обществе? В чем смысл прохода через различные промежуточные состояния, о которых Вы упомянули?

М. Лайтман: Смысл в том, что ребенок начинает понимать, что в нем заложены все образцы поведения.

И. Якович: Девочки это знают, просто они никогда не дают этому выхода.

М. Лайтман: Нет-нет, есть состояния, которые они еще не проигрывали. Они не играли в отмену себя перед другим человеком, отмену своего эгоизма.

И. Якович: Эти образцы мы обычно скрываем.

М. Лайтман: Да. Поэтому следует в них играть с последующим обсуждением: какая цель обязывает нас вести себя тем или иным образом? Как правило, самая глупая цель наполняет меня гордостью и заставляет вести себя как «мачо».

А. Ульянов: Гордыня?

М. Лайтман: Верно. С детьми нужно говорить о том, как нам ставить себе иные цели, и что мы выигрываем от объединения между нами. Здесь можно упомянуть о цели Природы и уточнить, какой выигрыш я получаю.

И. Якович: Можно ли таким способом показать детям не только выигрыш от объединения, но и духовную цель построения правильного общества?

М. Лайтман: Непременно.

И. Винокур: Иногда актеры сталкиваются с тем, что теряют границы между образом, который играют, и самим собой.

М. Лайтман: Прекрасно! Ты должен дружить и объединяться с товарищами, несмотря на ненависть и нежелание быть с ними вместе. В группе ты обнаруживаешь такую ненависть, которой не знал в обычной жизни. Так происходит потому, что между товарищами раскрывается духовное разбиение. Тем не менее, ты должен изображать «хорошего мальчика», постоянно говорить о важности окружения, о важности цели, несмотря на то, что этому полностью противоположен.

А. Ульянов: При этом граница размывается...

М. Лайтман: Разве это не игра? Игра! Игра – основа всего исправления. Это игра: я принимаю иную форму поведения, тогда как внутри я просто дикарь. Я намеренно, через игру, а не по-настоящему, начинаю вести себя как хороший человек. Я играю так, пока не вызову на себя доброе воздействие управляющей силы природы. И она превращает эту игровую форму в истинную реальность. Так, если ребенок, который хочет стать летчиком, в течение двадцати лет будет играть в летчика, то в итоге он им станет.

И. Якович: На самом деле?

М. Лайтман: Да. В такой форме мы себя строим.

И. Винокур: В чем цель данного процесса? Какого результата должны достичь девочки?

М. Лайтман: Это зависит от конечной цели – она обязывает. Ставя перед собой конкретную цель, ты собираешь все возможные формы и начинаешь играть целенаправленно.

И. Винокур: В обыденной жизни девочки сталкиваются с многообразными формами поведения. Во что им следует играть? К чему они должны стремиться, на какую человеческую потребность отзываться?

М. Лайтман: Они должны уметь наладить контакт с людьми и общаться с ними так, чтобы их правильно воспринимали и понимали. С любым человеком – от последнего преступника и до законченного праведника – следует вести себя достойно, совмещая самоуважение с добрым отношением к другим. Нужно соблюдать пропорцию во всем: не обижать другого, не принижать себя больше надобности и не возноситься в пустой гордости – это основа нашего поведения. Моя способность отказаться от своего эгоизма, оттолкнуть наслаждение и удерживать себя посередине является критической точкой, в которой я должен находиться каждое мгновение своей жизни. Двигаясь по точкам гармонии и равновесия с природой, мы развиваемся. Видите, и здесь должно быть равновесие. Мы ищем его везде: и в самой плохой форме, и в самой хоро-

шей мы стремимся к равновесию в соответствии с внешними условиями.

И. Винокур: Итак, девочки обучаются находить в каждом человеке – от закоренелого преступника до самого благопристойного человека – точку объединения с ним, равновесия, связи.

А. Ульянов: В дальнейшем это позволит девочкам избежать нападения того же преступника.

М. Лайтман: Да-да, это понятно.

А. Ульянов: Я бы не сказал, что в данном случае выигрыш очевиден. Важно указать на него.

И. Якович: Умение выпутаться из неприятной ситуации?

А. Ульянов: Умение изначально в нее не попасть.

И. Винокур: На следующем этапе воспитание должно приблизить девочек к цели. Что именно в общении с другими людьми они должны им передать? Какое-то особое отношение?

М. Лайтман: После того, как они научились устанавливать правильные отношения с людьми, чувствуют другого человека, а он чувствует их, по возникшему «каналу» можно передать ему некое воодушевление, чувство общности, тепло. В этом заключаются азы коммуникации между людьми, их объединения.

И. Винокур: Таким способом они передают свое желание, о котором мы говорили?

М. Лайтман: Да, сначала внутреннее желание. Если бы мы правильно представляли себе весь мир, отождествляли себя с ним, были бы связаны совместным существованием, тогда все, что есть в каждом из нас, «переливалось» бы в него.

И. Якович: А может ли такое воспитание помочь девочкам разобраться в себе, уметь себя контролировать?

М. Лайтман: Разумеется. Они постепенно учатся понимать себя в каждом состоянии.

И. Якович: А как им достичь внутреннего равновесия? Ведь когда ты в дисбалансе с самим собой, очень сложно думать о ком-то еще.

М. Лайтман: Допустим, полчаса назад я пережил какое-то состояние. Теперь я прошу вас изобразить меня таким, каким я был полчаса назад. Покажите, каким вы видели меня, как я вел себя по отношению к вам, красиво или нет. То есть я предлагаю вам игру, чтобы попытаться «проникнуть» друг в друга, понять друг друга.

И. Якович: Почувствовать.

М. Лайтман: Да, почувствовать другого человека. Но не делайте это напоказ. Проникаясь кем-то, я воспринимаю в нем что-то положительно, а что-то отрицательно, и эти чувства выражаю через те же эмоции – плач или смех. Сначала я должен почувствовать то же самое, что чувствовал другой человек, понять его ощущения.

И. Якович: Можно сначала спросить этого человека, что он чувствовал?

М. Лайтман: Можно, но потом действуй самостоятельно. Спросил – достаточно, теперь играй.

А. Ульянов: Разыгрывать ситуацию могут только те, кто в ней непосредственно участвовал, или любой наблюдающий со стороны?

М. Лайтман: Играть может любой, кого назначили.

И. Якович: Назначают воспитатели?

М. Лайтман: Да.

И. Якович: Делать это спонтанно, не готовясь к игре заранее?

М. Лайтман: Конечно, спонтанно. Если недостает информации, всегда можно спросить. Чего мы хотим добиться? Чтобы каждый мог включить в себя состояние другого. Именно это важно, а игра раскрывает человека.

И. Якович: Если девочка может почувствовать других, она находится в большей гармонии с собой?

М. Лайтман: Нет, просто она поймет, что и другие люди переживают схожие чувства. Поэтому можно простить, понять, поговорить, и каждый поймет другого, потому что каждый ощутит внутри себя целый мир. Как сказано: «человек – маленький мир», – в нем есть все свойства.

И. Виокур: Все сказанное нами актуально и для мальчиков?

М. Лайтман: В меньшей степени. Девочки более экспрессивны.

И. Виокур: Имеет ли значение актерский талант или важна лишь способность освободиться от чувства превосходства?

М. Лайтман: Только освободиться. Каждый из нас – лучший актер в мире, таких и в театре не найдешь. Любой человек может стать актером, если правильно его развивать.

А. Ульянов: Как можно помочь человеку раскрепоститься? Обычно есть некий внутренний зажим: мы боимся уязвить свою гордость, не знаем, как нас воспримут другие. Как раскрепостить группу девочек?

М. Лайтман: Если ты изображаешь не себя, то нет никакой проблемы: «Это не я!» Таким способом я себя охраняю.

А. Ульянов: Тем не менее, я опасаясь, вдруг в моей игре все равно распознают какие-то мои черты? Поэтому я все равно немного стесняюсь.

М. Лайтман: Актерское мастерство предполагает психологическую подготовку, в ходе которой человеку помогают отключиться от себя и почувствовать другого.

А. Ульянов: Имеет ли смысл пригласить профессиональную актрису, которая могла бы объяснить девочкам, как раскрепоститься?

И. Якович: Естественно!

М. Лайтман: Да, мы говорили об этом.

А. Ульянов: Она может провести практическое занятие.

М. Лайтман: Да, притом мы не сразу приступаем к таким продвинутым формам занятия. Сначала мы просто играем между собой, как в обычном детском театре.

И. Винокур: Вы говорили, что игра как способ подняться на новую ступень зависит от силы природы, приближающей нас к совершенству. Как нам запустить это процесс?

М. Лайтман: Если я играю, и у игры есть заранее заданная цель – достичь определенного результата в жизни, я тем самым вызываю эту силу, и она продвигает меня к результату. Так у маленького мальчика, который хочет стать летчиком, есть цель, которая с годами становится все серьезнее. Если он идет к этой цели, то запускает силу, которая его развивает, и он становится летчиком. То же самое неосознанно делает каждый.

И. Якович: На каком этапе они должны понять, в чем состоит цель?

М. Лайтман: Мы говорим о цели и формах жизни постоянно! Обучение начинается с трехлетнего возраста – понемногу, в нескольких словах. Конечно, дети еще не все понимают, но они ходят вместе с нами, поют, включаются в общую атмосферу.

И. Якович: Есть место разговорам о смысле жизни?

М. Лайтман: Сначала дети должны просто видеть нас, взрослых, и включаться в атмосферу. Ребенок учится на примерах, повторяя то, что делают взрослые. Это называется «обезьянничанье». Но впоследствии мы начинаем пояснять ему все увиденное: для чего, зачем, почему.

А. Ульянов: Не могли бы Вы кратко сформулировать, в чем состоит цель девочки-подростка? К чему ей стремиться?

М. Лайтман: К тому же, что и мужчине. Я не думаю, что относительно цели у мужчины есть какое-то преимущество перед женщиной.

А. Ульянов: Можно конкретнее?

М. Лайтман: Цель жизни в том, чтобы я и мои дети – ведь это самое близкое для женщины – достигли совершенной жизни в вечной гармонии.

А. Ульянов: Для девочки четырнадцати лет понятно, что такое «я и мои дети»?!

М. Лайтман: Поверь мне, она прекрасно это поймет.

А. Ульянов: А что такое гармония?

М. Лайтман: Речь идет о гармонии в нашей жизни: уверенность, комфорт, спокойствие, радость, возможность развиваться, любовь к детям и мужу – все, чего хочет женщина. Этого можно достичь, если мы вместе будем стремиться к духовной цели.

А. Ульянов: А эта цель достигается через связь, которую мы пытаемся выстроить в ходе игры?

М. Лайтман: Если мы хотим хорошей жизни, то вынуждены связать себя с духовной целью. Иначе мы ничего не достигнем. Именно женщина остро ощущает, чего ей не хватает в жизни. Мужчина так не чувствует, поскольку он менее связан с природой, и ему легче «витать в облаках». А женщине необходима самореализация здесь, в этом мире: семья, дети, она сама вместе со всеми, дающая им все необходимое и получающая от них чувство отрады и наполнения. Именно женщина обязана знать, что если не связать все эти «низкие» земные понятия с высшей целью, то и в этой жизни тоже не получить наполнения.

А. Ульянов: А цель в том, чтобы достичь такой связи между нами, чтобы в ней было нечто более высокое и глубокое?

М. Лайтман: Цель в том, чтобы в связи между нами раскрыть высший Закон Природы.

ИНСТРУКТОРЫ И РОДИТЕЛИ

Собеседники: Анатолий Ульянов, Илья Винокур и Ирина Якович

А. Ульянов: Сегодня мы поговорим о взаимодействии родителей и инструкторов, что исключительно важно на всех этапах воспитания.

И. Винокур: Ранее мы говорили о воспитателях, инструкторах, учителях, занимающихся воспитанием молодежи. Сегодня хотелось бы сосредоточиться на роли родителей в этом процессе: как они включаются и дополняют работу инструктора?

М. Лайтман: Все должны действовать в одном направлении. То есть родители должны воспитываться вместе с детьми. Если мы хотим дать детям особое воспитание, привести к особой взаимосвязи между собой, к новому отношению к миру, к себе и группе, то родители должны понимать весь этот процесс и в нем участвовать. Плохо, если ребенок не чувствует от них такого же подхода к жизни, как в своей группе подростков. Со стороны родителей должна быть хотя бы поддержка, если нет возможности активно участвовать.

Разумеется, родители не могут быть специалистами во всем, что проходят дети, но основные направления они должны знать. Желательно хотя бы раз в месяц проводить родительские собрания, чтобы объяснить им путь, по которому мы движемся, и очертить круг проблем, с которыми мы сталкиваемся. Эти проблемы нужно решать вместе, прислушиваясь к пожеланиям родителей. Они должны быть в курсе происходящего, и их поддержка обязательна. Впрочем, это не только поддержка, но и воспитание.

А. Ульянов: Родители, получившие воспитание в традиционной школе, не владеют новой методикой, а лишь желают ее воплощения. Как правильно привлечь их к сотрудничеству? Что предложить? С одной стороны, это необходимо делать, иначе они жалуются, что их не информируют. С другой стороны, наши предложения для большинства непонятны.

М. Лайтман: Поэтому их тоже следует провести через систему воспитания.

А. Ульянов: Дать общий курс по воспитанию без связи с детьми?

М. Лайтман: Верно. Именно это я имел в виду, говоря о ежемесячных собраниях. Кроме того, посылайте родителям информацию по электронной почте.

И. Якович: Должен ли родитель быть в курсе происходящего в группе подростков? Как правило, ребенок передает родителям лишь жалобы. Если ему в группе хорошо, он ничего не

говорит, но если есть проблемы, то жалуется. Какова должна быть позиция родителей?

М. Лайтман: Следует понять, что такое поведение исходит из эгоизма. Ребенок высказывает претензии, потому что не согласен с тем, что происходит в группе, и он не всегда прав. Поэтому родителю нельзя мгновенно вмешиваться и решать согласно версии, переданной ребенком. Лично я, как правило, принимал мнение воспитателя. И хотя ребенку кажется, что воспитатель неправ, несправедлив, и вообще все происходящее в группе ему не нравится, выхода нет – как родитель я должен быть солидарен с группой и воспитателем и только так действовать. Поэтому мы должны воспитывать родителей, чтобы они были в курсе. Тем самым мы получаем двойной выигрыш, воспитывая также и родителей. Так происходит во всех обществах.

И. Винокур: В какой мере я отдаю свою дочь или сына в систему воспитания?

М. Лайтман: Нет такого! Ну, если только он не учится в интернате. Например, мой сын жил в интернате и приходил домой раз в две недели. Конечно, я ничего не знал ни о его учебе, ни о его делах. Однажды так случилось, что дети стащили со стройки материалы, чтобы что-то для себя построить. Дирекция интерната объявила родителям, что исключает этих детей. И тогда мне посоветовали сказать следующее: «Я отдал вам на воспитание милого послушного ребенка, а вы, спустя несколь-

ко лет, говорите, что он плохо себя ведет, и хотите его исключить! Кто же его так воспитал?!»

Именно это ты подразумеваешь в своем вопросе: я передал ребенка на воспитание и ничего не знаю. Если это интернат – да, но если он живет дома, учится в школе и участвует в нашей системе, то это нечто другое. На школу влиять мы не можем, но дом и наше восполняющее обучение должны работать вместе, ведь дома ребенок проводит немало времени.

И. Винокур: Насколько родитель может полагаться на воспитателя, в какой мере он должен с ним советоваться относительно воспитания ребенка?

М. Лайтман: Это зависит от вашей системы: насколько вы хотите подключить к ней родителей, и насколько они действуют по этой методике. Родители должны быть объективными и не считать, что ребенок всегда прав.

И. Винокур: Это самое трудное.

М. Лайтман: Верно. Но мы учимся подниматься над своим эго. Родителю в любом случае лучше не становиться на сторону ребенка.

И. Якович: Не становиться? Но в подростковом возрасте дети отдаляются от родителей, не рассказывают о себе и совершают много ошибок. Поэтому если он уже советуется со мной, то я как родитель хочу его поддержать. Ведь если я не буду с ним солидарен, он вообще ничего мне не будет рассказывать.

М. Лайтман: Я должен ему объяснить, что если я слышу только его версию, то не могу быть судьей. Чтобы рассудить, судья должен выслушать обе стороны, а также свидетелей. Способен ли родитель вообще быть судьей, принять решение и поддержать ребенка? Как правило, он не знает ситуацию, а потому не должен вмешиваться. Может быть, прав ребенок, может быть, правы оппоненты – никто не знает. Поэтому нужно выслушать всех и решать объективно.

И. Якович: Выходит, вся поддержка заключается в том, чтобы выслушать?

М. Лайтман: Выслушать и попытаться выяснить ситуацию: не «кто прав», а «кто не поднялся над своим эго». Во всем происходящем следует видеть игру, проводимую с нами свыше, в процессе которой мы достигаем совершенства.

А. Ульянов: А каким образом привлечь родителей к более активному участию в системе воспитания?

М. Лайтман: Как ты уже говорил, регулярно посылать им информацию о том, что мы делаем, чтобы они были в курсе происходящего. Кроме того, проводить собрания не реже раза в месяц – в зависимости от частоты проявления проблем.

А. Ульянов: В этих информационных рассылках, которые будут выходить, допустим, еженедельно, стоит давать характеристику детям?

М. Лайтман: Нет-нет! Просто информировать родителей, какие мероприятия мы проводим, над какими проблемами работаем – давать им общее представление.

А. Ульянов: С другой стороны, как должен реагировать инструктор, если родитель обращается к нему с критикой?

М. Лайтман: Нельзя родителю обращаться к инструктору с критикой. Над инструктором есть комиссия, начальство, управляющее всей системой, и туда следует обращаться. Причем один на один, не поднимая шума. Допустим, есть три инструктора, которые отвечают за прием жалоб и претензий, – к ним и нужно обращаться. Это должно происходить скрыто. И затем нужно проверять: так это или нет, кто прав, а кто нет. Должен быть такой порядок, что жалобы не выносятся на публичное разбирательство, а сначала выясняются.

И. Якович: Необходим человек, отвечающий за контакт с родителями?

М. Лайтман: Это может быть комиссия или секретарь, который принимает обращения родителей. Затем эти обращения рассматриваются.

И. Винокур: Допустим, налажено хорошее взаимодействие с родителями, и они становятся соратниками инструктора. Каковы границы этого взаимодействия? Ведь инструктор занимается с ребенком только на мероприятиях, а дома ребенок находится с родителями. В какой мере инструктор может быть советчиком относительно того, что происходит с ребенком дома?

М. Лайтман: Повторяю: родители должны пройти курс обучения и продолжать нашу работу дома, то есть быть частью коллектива инструкторов. Сказанное мамой или папой слово, их внимательное отношение может очень сильно повлиять на ребенка и его отношение к товарищам. Разумеется, ребенка нужно поддерживать, побуждать его подняться над своим эго и укреплять в этом стремлении. Нужно постоянно показывать ему, что система, в которой он воспитывается, его формирует. Это очень большая помощь ребенку, и он это чувствует.

И. Винокур: Для нас сотрудничество родителей и инструкторов – явление положительное. Но подростка это может уязвить и снизить доверие к инструктору.

М. Лайтман: Он должен чувствовать, что находится во власти своего эгоизма. Конечно, вся система этому противостоит и хочет помочь ему справиться с эгоизмом. Получается, что все – и ребенок, и инструктор, и родители – стоят на одной стороне, и только его эго, его половина, – на другой. И так вместе они помогают ребенку быть выше своего эго и смотреть на происходящее объективно.

И. Якович: Эго, о котором Вы говорите, воспринимается как некий внутренний демон.

М. Лайтман: Верно. Но если я не рассеку себя на две части, то не смогу продвигаться. Как мы вообще можем увидеть различие между злом в себе и собой?

И. Винокур: Из опыта мы видим, что если подросток не чувствует, что система ставит ему рамки, то он убегает в сторону.

М. Лайтман: Она объединяется с ним, поддерживает его, но с его лучшей стороны – против зла.

И. Якович: В какой мере следует подчеркивать зло, чтобы не навредить ребенку? Ведь очень не просто чувствовать в себе нечто плохое.

М. Лайтман: Мы как раз радуемся возможности выделить зло, обнаружить его. Это называется прояснением зла. Сказано: «Отдались от зла и делай добро». Нам необходимо уметь выйти из эгоизма, насколько возможно отдалиться от него и крепче держаться за хорошие свойства, получая поддержку от родителей, инструкторов, окружения. И наша общая среда поддерживает его, понимает его внутреннюю борьбу, когда зло в нем вдруг прорывается, и он не может различить в себе зло и добро. Эгоизм постоянно усиливается, растет, и нам приходится ему противостоять. Жизнь не проста.

И. Якович: Особенно в этом возрасте.

М. Лайтман: Вот именно. Но если мы обучаем и приучаем ребенка к тому, чтобы видеть в себе две части, противостоящие друг другу, то тем самым даем ему правильное направление в жизни. Это и есть воспитание. Ведь что такое воспитание? «Отдались от зла и делай добро» – основная формула. Во мне есть добро и зло, я стараюсь их разделить, отдалиться от зла и отнести себя к добру.

И. Винокур: Такое же взаимодействие должно быть между инструкторами и родителями девочек?

М. Лайтман: Конечно, здесь нет различия.

И. Якович: Различие есть: девочки гораздо больше рассказывают дома, вовлекая родителей.

М. Лайтман: Это так, но я говорю о разделении добра и зла и работе с ними.

И. Винокур: У подростков часто складываются непростые отношения с родителями. Видя неблагополучное состояние подростка и желая ему помочь в его домашних проблемах, может ли инструктор вмешиваться в его отношения с родителями?

М. Лайтман: Вполне. В конечном счете, мы рассматриваем каждого человека как систему, машину, проходящую процесс исправления. И мы – инструкторы и родители – тоже находимся в этом процессе. Если подросток видит, что мы с ним советуемся, объясняем, с какими проблемами сталкиваемся, когда хотим относиться к обществу с добром, скрывать зло и подниматься над ним, то он начинает понимать, что таков должен быть подход к жизни. Ничего не поделаешь, цель жизни – постоянно усиливать правую линию добра относительно левой линии зла. Именно так нужно себя вести.

Не получается? – Прекрасно! И у меня не получается, и у других тоже. Поэтому нам нужна поддержка окружения. Мы строим его для того, чтобы оно нам помогало, поднимая важ-

ность добра, свойства отдачи, необходимости считаться с другими людьми. Тогда я обращаю внимание не на себя, а на то, насколько способен объединиться с другими и пригнать в себе зло. Если подросток постоянно слышит о таком подходе, и ему показывают такое отношение, то он понимает, что такова жизнь.

И. Винокур: Но насколько инструктор ответственен за то, что окружает подростка дома?

М. Лайтман: Полностью! Все это должно быть включено в нашу систему. Но если мы видим, что родители не хотят включиться в этот процесс правильно и объективно, а только защищают своего ребенка, возлагая всю ответственность на нас, то мы можем такого ребенка не принимать, поскольку успеха с ним не будет.

И. Якович: Инструктаж родителей – сложная задача, даже если они включены с нами в некий процесс. В какой форме, на Ваш взгляд, это должно происходить? В виде общей беседы?

М. Лайтман: Я вижу весь процесс как одно целое. Мы должны приглашать родителей на инструктаж раз или два раза в месяц. А если они по каким-то причинам не могут освободиться на целый вечер, то мы должны посылать им материалы с объяснением проходимого нами процесса. Их необходимо постоянно информировать о состоянии группы и о том, какова их работа на данном этапе. Они обязаны смотреть специально записанные программы.

И. Винокур: У некоторых подростков нет желания быть в нашей системе. Они чувствуют, что находятся здесь потому, что этого хотят их родители. Как найти для них стимул, чтобы они не воспринимали нашу систему как принуждение?

М. Лайтман: Принуждение.

И. Винокур: Но сами они не хотят быть с нами – это желание родителей.

М. Лайтман: Нет выбора – ты родился в такой семье. Разве мой сын выбирал, как я его воспитаю? Я должен был спросить у него, что с ним делать?! – Это обязанность родителей. Написано, что отец должен учить сына.

И. Винокур: Но если мы говорим, что следует «воспитывать отрока согласно пути его», как сделать систему более мягкой, приятной, чтобы он увидел в ней соответствие его пути?

М. Лайтман: Он должен видеть, что вокруг него так живут все дети – мы сейчас представляем собой достаточно большую среду. Разумеется, следует показывать ему, насколько выгодно быть в этом окружении. И все-таки нет другого выхода, как работать с его эго и объяснять, что если он растет в такой семье, то обязан этим заниматься.

И. Якович: Следовательно, родитель должен сделать выбор и поставить ребенка перед фактом?

М. Лайтман: Конечно. Я решаю, что делать с ребенком.

И. Якович: И даже применить нажим?

М. Лайтман: Да. Он должен знать, что таково условие: «Ты – мой ребенок, я ставлю тебя на ноги, и до 18 лет ты находишься под моим руководством».

И. Якович: «Я считаю, что это для тебя самое лучшее»?

М. Лайтман: Верно.

И. Якович: И тогда попытаться вместе с ним определить это лучшее?

М. Лайтман: Безусловно, мы должны действовать максимально мягко. С другой стороны, ребенок должен знать, что наше мнение окончательное, и мы не будем считаться с желаниями его эгоизма. Ведь чего он хочет? – Ничего не делать целый день и развлекаться с друзьями вечером и ночью.

И. Винокур: Он изменится, если будет постоянно находиться в нашей системе даже при отсутствии изначального желания?

М. Лайтман: Мы должны предоставить ему все возможности остаться в нашей системе и показать, что у нас намного больше хорошего, чем в любом другом обществе. Поэтому здесь стоит быть, кроме того, что к этому его обязывают родители.

И. Винокур: И у такого ребенка может развиваться желание к духовности, самосовершенствованию?

М. Лайтман: Без всякого сомнения – это определяет среда.

И. Винокур: С какого возраста подросток начинает быть самостоятельным, и мы уже не посвящаем родителей в его дела?

М. Лайтман: Это происходит постепенно. Если он находится в нашей системе несколько лет, то, конечно, впитывает правила поведения и уже не может далеко от них отдалиться. Я думаю, что в период с 14 до 16 лет он уже сформирован и следует по этому пути. Нам уже не придется вкладывать в него и следить за ним, если до этого возраста он находился под нашим воздействием.

И. Винокур: И последний вопрос: должен ли инструктор обращаться за помощью к родителям в воспитании подростков?

М. Лайтман: Конечно. Как правило, от них требуется просто поддержка, и этого достаточно. Ребенок все поймет, если чувствует понимание, взаимное согласие и связь между инструктором и родителями, которые видят в нем хорошее и плохое и хотят помочь в борьбе одного против другого. Ведь в процессе воспитания мы хотим дать ребенку средства для правильного анализа своей исконной природы, зла, и возможности сделать из нее нечто доброе, стать себе хозяином и правильно себя наводить. В этом должна участвовать и наша большая среда, и родители, и воспитатели. К сожалению, подросток обязан посещать общеобразовательную школу, на которую мы не оказываем влияния. Но во всех наших мероприятиях он должен видеть одну идею.

А. Ульянов: Мы обсудили важную тему создания единой гармоничной системы между инструкторами и родителями. Все они действуют ради достижения одной цели и в одном направлении: противостоят эгоизму подростка и поддерживают в нем доброе начало. До новых встреч!

АННОТАЦИИ КНИГ

ЧЕЛОВЕК - МАЛЕНЬКИЙ МИР

Представьте себе, что вы можете нажать на кнопку «Перезагрузка», и на этот раз сделать все правильно.

Большая новость состоит в том, что воспитание детей целиком связано с играми, в которых к ним относятся как к маленьким взрослым, и все основные решения принимаются сообща.

Вы будете удивлены, обнаружив, насколько обучение детей положительным вещам, таким как дружба и забота о людях, автоматически влияет на другие области нашей повседневной жизни.

ПСИХОЛОГИЯ ИНТЕГРАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Мир, в котором мы сегодня живем, – глобальный, интегральный. Это значит, что все его части полностью взаимозависимы, и каждая часть определяет судьбу всех. Таким он проявился благодаря прогрессу. Абсолютная связь всех частей мира должна быть осознана нами, как факт.

Человек, который правильно войдет в интеграцию, от этого выиграет. Он не просто будет воспитанным, у него будут необходимые навыки для выживания. Выживет только тот, кто поймет, что интеграция, взаимное поручительство, уступки, объединение – это зов природы. А цель природы – привести человечество к подобию себе – к гармонии и совершенству.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА ОТ 0 ДО 20

Дети – это наше будущее. В мире нашего завтра хозяевами будут они, и мы уже ничего не сможем изменить, но сегодня их развитие во многом зависит от нас.

Книга «Развитие человека от 0 до 20» прослеживает становление человека начиная с периода внутриутробного развития и заканчивая возрастом 20 лет – моментом вхождения во взрослую жизнь. Книга демонстрирует необычный и очень интересный подход к вопросам воспитания, отношение к

окружающему миру. Речь идет о Законах природы, которые мы обязаны соблюдать, желаем мы того или нет, – чтобы не навредить себе. Наше благополучие зависит только от того, насколько хорошо мы знаем эти законы и их следствия.

ШКОЛА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Мир стоит перед дилеммой – или абсолютное разрушение, или всеобщая, обширная созидательная работа на новом уровне. Созидательная работа означает, что вопреки всем нашим разногласиям, противоречиям, мы должны создать комфортные условия для существования каждого из нас, существования своей семьи и, исходя из этих представлений, создать точно такие же условия для существования всего человечества.

Это вполне достижимо, для этого не требуется совершать революции или проводить бесконечные совещания «восьмерок», «двадцаток» и так далее – это просто нормальная воспитательная работа.

ПРОДАВЕЦ УКРОПА, или ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВУДИ ФИТЧА

В стране наблюдаются поразительные аномалии. В результате этого возникают проблемы государственного и даже общемирового уровня. Профессор Маркус Беньямини собирает двенадцать детей с необычными способностями в особую школу на Заячьем Острове. Именно им, детям нового поколения, предстоит разрешить все проблемы человечества, раскрыв Главный Закон Природы.

Почему именно дети? Какими способностями они обладают? Какими методами решают поставленные задачи? Почему автор произведения скрывает свое имя? Все это и многое другое вы узнаете, прочитав эту книгу.

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

Анонимный автор «Продавца укропа» раскрывает секреты
на сайте <http://woodyfitch.com/>

ARI

<http://www.vospitanie.tv/>

Ari Research Institute (ARI) – некоммерческая организация, цель которой – реализация инновационных идей в образовательной политике для разрешения системных проблем современного образования и воспитания. Система образования, построенная на концепции изучения законов интегрального и взаимозависимого мира, является необходимым условием привнесения положительных изменений в жизнь человечества.

Наши разработки основаны на научной адаптации тысячелетнего опыта, который содержат системное решение современных проблем.

Мы регулярно инициируем диалог о мировом кризисе, рассматривая его как возможность произвести позитивные изменения в глобальном сознании. Во главу угла мы ставим воспитание будущих поколений с целью помочь им успешно справиться с масштабными климатическими, экономическими и геополитическими изменениями. Наши идеи и материалы доступны всем, вне зависимости от возраста, пола, вероисповедания, политических убеждений или культурных традиций и мировоззрения.

Приоритетным направлением деятельности является разработка и практическая реализация принципов глобального и интегрального образования. Ari Research Institute (ARI) осуществляет свои программы и без ограничений предоставляет свою базу знаний с помощью имеющихся мультимедийных каналов всему миру. Мы стремимся улучшить осведомленность людей о существующей взаимной ответственности при выстраивании отношений между собой, о необходимости быть лично вовлеченными в данный процесс. Таким образом, мы предлагаем пути решения серьезных проблем, оказывающих влияние на современное общество.

На сегодняшний день в рамках образовательных программ ARI систематически занимаются тысячи студентов из России и СНГ, а так же Северной и Южной Америки, Европы, Ближнего Востока, Австралии, Азии и Африки.

методика интегрального воспитания

ПОДРОСТКИ ХОТЯТ ПЕРЕМЕН

Редакторы: О. Ицексон, Н. Крупинов
Корректор: И. Колединцев, Л. Бондарева
Художественное оформление: А. Мохин
Выпускающий редактор: С. Добродуб

ЗАКАЗ КНИГ

Мы рады пригласить Вас в интернет-магазин от издателя ivbooks.ru
Здесь Вы можете заказать книги по интегральному воспитанию с
доставкой почтой по всему миру. Есть возможность бесплатной
доставки курьером по Москве и России.

Заказ можно оформить на сайте или по телефону:

www.ivbooks.ru

8-800 100-21-45 – бесплатный звонок по России,
+7 (495) 649-62-10

ISBN 978-5-91072-043-9

Подписано в печать 20.06.2012.

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 20. Тираж 2000 экз.

Заказ № 1236.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,
представленного издательством,
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru